

А.В. Винобер

Антропология охоты

сборник статей

Электронное издание

Иркутск – 2023

Антропология охоты: сборник статей

Винобер А.В. Антропология охоты: сборник статей [Электронное издание]. Иркутск. 2023. 164 с.

Сборник содержит 23 статьи, опубликованные в период с апреля 2014 по декабрь 2023 года.

Рассматриваются направления многоаспектного, междисциплинарного системного исследования феномена охоты и охотничьей деятельности человека, его влияние на формирование человека и общества.

В настоящее время общественные (гуманитарные, социальные) науки в процессе построения своих гипотез и теорий в подавляющем большинстве случаев игнорируют социогенетическое прошлое человека-охотника, создавая стерильные кабинетные теории.

Феномен охоты, культура охотничьей цивилизации и её современных реликтов, должны быть подвергнуты глубокому всестороннему анализу и осмыслению. Это может привести к самым неожиданным и необходимым ответам, имеющим жизненно важное значение для развития нашей современной планетарной цивилизации.

Оглавление

Метафизические замечания к социологии охоты.....	4
Охотоведение как наука: гуманитарные аспекты.....	10
Философская антропология охотничьего хозяйства.....	19
Теоретическое охотоведение и биосферное хозяйство	25
Антропология охоты: конспекты и размышления. Очерк первый.....	31
Антропология охоты: конспекты и размышления. Очерк второй.....	40
Антропология охоты: конспекты и размышления. Очерк третий	46
Охота и миграции в верхнем палеолите	53
Палеопсихология и палеосоциология охоты – необъятное поле реконструктивно-аналитического моделирования	54
Палеопсихология охоты и эволюция человека.....	63
Охотники палеолита: новые горизонты старой проблемы.....	70
Философские размышления о психологии охоты. Очерк первый.....	81
Философские размышления о психологии охоты. Очерк второй.....	85
Охота на мамонтов: реконструкции верхнего палеолита.....	89
Охота и многообразие миграций в палеолите	94
Замечания к реконструкции охоты на крупных животных в среднем и верхнем палеолите	100
Размышления о психологии палеолитического охотника (комментарии к трем настольным книгам по социальной и философской антропологии)	107
Охота – социальный феномен: историко-философские и антропологические рефлексии	119
Палеопсихология охоты и реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности: сценарии и ретроспекции палеолитических ситуаций древней охоты	128
Феномен охоты в современной России: опыт социального психоанализа.....	130
Игра как средство охотничьей социализации в верхнем палеолите	135
О понимании феномена охоты	153
Палеопсихология и реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности.....	159

УДК 639.1

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ К СОЦИОЛОГИИ ОХОТЫ¹

Социология охоты чрезвычайно необходима и современному охотоведению и современному охотничьему хозяйству, потому что позволит реально увидеть охоту как социальный феномен (со всеми гранями и проблемами), как социальный институт на фоне всей динамики развития цивилизации. А метафизика, в значительной степени, задает и обуславливает параметры и методологию, а также ценностные ориентации прикладных и теоретических исследований по социологии охоты. И осуществить эту задачу, этот социологически-мировозренческий прорыв необходимо самому охотоведению.

Ключевые слова: теоретическое охотоведение, социология охоты, феномен охоты, охотничья культура, генезис охоты

METAPHYSICAL REMARKS ON THE SOCIOLOGY OF HUNTING

The sociology of hunting is extremely necessary for both modern hunting and modern hunting economy, because it will allow you to really see hunting as a social phenomenon (with all facets and problems), as a social institution against the background of the entire dynamics of the development of civilization. And metaphysics, to a large extent, sets and determines the parameters and methodology, as well as the value orientations of applied and theoretical research on the sociology of hunting. And hunting science itself needs to carry out this task, this sociological and ideological breakthrough.

Keywords: theoretical hunting, sociology of hunting, phenomenon of hunting, hunting culture, genesis of hunting

Для одних – охотой является грабеж, для других – рыбная ловля, третьи – охотятся на птиц или диких зверей.

Аристотель

В глубине души, охотник, более чем кто-либо, живет прошлым и настоящим, сохраняет в себе инстинкты и древние привычки, наслаждается их игрой, их архетипической энергетикой. Будущее для него – это часто просто ожидание охоты и нового погружения в прошлое, через настоящее.

Карлос Кастанеда

¹ Опубликовано: Винобер А.В. Метафизические замечания к социологии охоты // Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство: сб. материалов IV Всеросс. (национ.) науч.-практ. конф. (Красноярск, 23 ноября 2023). – Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т. 2023. С. 30-35.

В нынешнем, уже уходящем 2023 году, огромное обилие событий: глобальных, локальных, трагических и оптимистических. И, кроме прочего, затерялся один скромный научный юбилей – 125 лет со дня выхода работы А.А. Силантьева «Обзор промысловых охот в России», изданной в 1898 году. Работы, которую принято считать первым российским охотоведческим трудом. То бишь, можно сказать, что российскому охотоведению исполнилось нынче 125 лет, и можно подводить первые итоги развития этой молодой и одновременно весьма архаичной науки. Архаичной, прежде всего потому, что объект, изучаемый данной наукой, по современным данным, насчитывает возраст не менее 5 млн. лет (от времени размежевания наших предков с высшими приматами). Современный Homo Sapiens, как правило, очень высокого мнения о себе, и не имеет желания серьезно заглядывать в свое общечеловеческое прошлое, а устремлен, в основном, в будущее: в тотальное общество потребления, в полеты на Марс, в путешествия по виртуальным мирам посредством грядущего бессмертия на основе постоянно обновляющейся биокибернетической оболочки искусственного интеллекта. Но пока, как говорит Эдвард Уилсон, один из основателей науки социобиологии: «Мы – эволюционная химера: нашими действиям правит разум, а его контролируют требования животного инстинкта. Именно поэтому мы бездумно разрушаем биосферу, а вместе с ней и надежду на вечное существование нашего рода» [17].

Исходя из социобиологических оснований, в своих публикациях по антропологии охоты, я дал ряд определений охоты как биосоциального феномена: 1) Охота – универсальное эволюционное приспособление живого. 2) Охота – одна из форм всеобщей ассимиляции, присутствующей в живом и неживом мире, обусловленная фундаментальными законами мироздания (энтропийность, взаимодействие материи-энергии-информации. 3) Охота – природный, биологический феномен, широко распространенный в мире

живого. 4) Охота – это генетически обусловленная конструктивная агрессия, направленная на обеспечение добычи объекта охоты и другие [6, 7, 8].

Что касается феномена «социо», то охотоведы-ученые (не говоря об охотоведах-практиках), по-преимуществу, «побаиваются» этого понятия и этого термина.

Первая попытка обоснования социологии охоты была предпринята в конце 70-х-начале 80-х годов прошлого века кировским охотоведом Ю.И.Касаткиным [11]. Позднее появилась диссертация С.П. Матвейчука «Российское охотоведение и проблемы организации охотничьей деятельности» [14], где много интересных идей, связанных с социологией, философией и психологией охоты.

В этом же направлении (социология охоты) была многообещающая статья М.Н. Андреева «Охотничья демография и социология как наука об охотничьем населении» [1].

Естественно, что у целого ряда других ученых-охотоведов были интересные идеи и высказывания, касающиеся актуальных проблем философии, социологии и психологии охоты – о чем я упоминал в своих публикациях [7, 8]. Но в целом, в современном охотоведении такие работы занимают весьма скромное место, может быть, 1-2 %, не более.

Также естественно, что проблематики социологии охоты касаются ученые других гуманитарных направлений. Например, известный философ-культуролог Г.Гачев отмечал, что «для полноты понимания охоты, для более глубокого проникновения в генезис охоты (охотничьей деятельности и психологии охоты) имеют большое значение исследования архаичных охотничьих культур... Расшифровка и интерпретация каждой неповторимой этнической охотничьей картины мира позволяет ввести в научный оборот «первичные интуиции, которые существуют в сознании всех членов данной национальной (этнической – А.В.) культуры» [9].

Также, ранее я отмечал важность для социологии охоты работы П.Бергера и Т.Лукмана «Социальное конструирование реальности», где рассматривается идея институционализации охоты и «объективной» науки охоты. «Быть охотником и охотиться – значит вести такое существование в социальном мире, которое определяется и контролируется этой системой знания» [2].

В любом случае, для успешного развития социологии охоты, следует опираться на максимум Р.Мертон: «Личное знакомство с произведениями классиков играют малую роль в физических и биологических науках и очень большую в работе гуманитариев» [15].

Безусловно, важное значение имеет для социологии охоты классический труд М.Вебера «Хозяйство и общество» [5], где рассматривается генезис хозяйственной и научной рациональности, в.т.ч. бюрократии рационализма, грозящего лишением свободы для индивидуумов.

Пожалуй, еще более важное значение для социологии охоты имеет труд С.Н. Булгакова «Философия хозяйства» [3]. На мой субъективный взгляд, весьма полезна для планирования научных исследований теория социального поля П.Бурдьё [4].

Ныне модный Б.Латур с его «физической социологией», критикой социального конструктивизма, поворотом к материальному, акторно-сетевой теорией [16], вызывает у меня большие сомнения, потому как поверхностно ориентируется в социобиологии, а его примеры и сравнения людей с приматами, часто говорят о том, что он плохо знает этологию приматов и, скорее всего, психологию социальную знает только из книжек – но это всего лишь мое субъективное мнение.

Что же касается метафизики охоты, то у каждого – своя метафизика. Как говорил выдающийся советский философ М.К. Мамардашвили: «Можно прожить всю жизнь, и не плохо её прожить, не зная, что занимался метафизикой» [13].

Сами философы – главные метафизики во все времена – никогда не могут найти общего согласия по многим смыслам нашего бытия. Один утверждает: «Философия – это попытка остановить время» [10]. Другой отмечает: «Время делает реальное неотличимым от нереального» [12].

Понимание метафизики многогранно и неоднозначно, от «строгой науки» Э.Гуссерля, до начал бытия экзистенциалистов XX века (К.Ясперса, М.Хайдеггера, Ж.П.Сартра и др.). Моя метафизика, скорее всего, всеядна и эклектична, экзистенциальна и анархична, т.е. релятивистски пульсирующая и конвенциональная.

А какое отношение это имеет к социологии охоты? – задаст вопрос недоверчивый и самоуверенный (как обычно) читатель?

Социология охоты, на мой взгляд, чрезвычайно необходима и современному охотоведению и современному охотничьему хозяйству, потому что позволит реально увидеть охоту как социальный феномен (со всеми гранями и проблемами), как социальный институт на фоне всей динамики развития цивилизации.

А метафизика, в значительной степени, задает и обуславливает параметры и методологию, а также ценностные ориентации прикладных и теоретических исследований по социологии охоты. И осуществить эту задачу, этот социологически-мировозренческий прорыв необходимо самому охотоведению. Вероятно, что в тесном взаимодействии с социологами, философами, психологами, культурологами, этнологами и антропологами... Выше сказанное – это повторение тех идей, которые высказаны В.Н. Скалоном в 50-70е гг. XX века, но с учетом реалий сегодняшнего дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.Н. Охотничьи демография и социология как науки об охотничьем населении в сб. «Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России» - М., 2005. С. 21-25
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Пер. с англ. – М.: «Медиум», 1995. 323 с.
3. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
4. Бурдьё П. Начала. Пер. с фр. - М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.

5. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. Пер. с нем. В 4-х томах. Т.2. Общности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 429 с.
 6. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск, 2016. 100 с.
 7. Винобер А.В. Охотоведение как наука: гуманитарные аспекты // Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство [Электронный ресурс]: материалы III Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (9 декабря 2022г., Красноярск) Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2023. С. 17-22.
 8. Винобер А.В. Эволюционная и антропологическая сущность охоты // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: мат. междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 120-летию со дня рождения профессора В.Н. Скалона, 24-28 мая 2023 г., в рамках XII международной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии». Часть I. – Молодежный: Издательство ФГБОУ ВО Иркутский ГАУ, 2023. С.47-51.
 9. Гачев Г.Д. Наука и национальные культуры (гуманитарный комментарий к естествознанию) – Р –н/Дону: Ростовский гос. ун-т, 1993. – 320 с.
 10. Гройс Б.Е. Философия и время // Логос. Ленинградские международные чтения по философии культуры. Книга 1. Разум. Духовность. Традиции. - Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. 1991С. 5-32.
 11. Касаткин Ю.И., О монистическом взгляде на охоту. Избранные работы, Киров, 1983-рукопись. 53с.
 12. Левин И. Сочинения в 2 т. Т.1. – М.: Радикс, 1994. – 403 с.
 13. Мамардашвили Мераб. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
 14. Матвейчук С.П. Российское охотоведение и проблемы организации охотничьей деятельности: автореф. дис. - Киров, 2000. -24 с.
 15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Пер. с англ. - М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2006. 873 с.
 16. Социология вещей. Под ред. В. Вахштайна. – М.: Территория будущего, 2006. 392 с.
 17. Уилсон Э. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством. Пер. с англ. СПб.: Питер, 2014. 368 с.
-

УДК 639.1

ОХОТОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА: ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ²

Предлагается структурная схема гуманитарного теоретического охотоведения как системного комплекса гуманитарных междисциплинарных исследований феномена охоты и охотничьей цивилизации в прошлом и настоящем времени.

Ключевые слова: охотоведение, теоретическое охотоведение, гуманитарные аспекты охоты, феномен охоты, структура охотоведения

HUNTING SCIENCE AS A SCIENCE: HUMANITARIAN ASPECTS

A structural scheme of the humanitarian theoretical hunting studies as a system complex of humanitarian interdisciplinary studies of the phenomenon of hunting and hunting civilization in the past and present is proposed.

Keywords: hunting science, theoretical hunting science, humanitarian aspects of hunting, hunting phenomenon, structure of hunting science

В одной из предыдущих своих публикаций [5] я отмечал о наличии элементов, определений и постулатов философско-антропологического характера, имеющих в отдельных работах В.Ч. Дорогостайского, В.Н. Скалона, Ю.И. Касаткина, Г.И. Сухомирова, С.Н. Линейцева, М.Н. Андреева, В.В.Дежкина, С.П. Матвейчука, Б.Г. Пермякова, В.Н. Бочарникова и других известных охотоведов.

Но в целом, наука охотоведение, развиваемая в России уже второе столетие, как правило, избегает серьезных философских вопросов, как и серьезного философско-методологического и гуманитарного осмысления своей сущности, своего происхождения и своего фундаментального обоснования. Выражаясь образным языком известного русского философа С.Л. Франка, представители охотоведческой науки «наивно воображают, что можно говорить о задачах и методах науки, не имея обобщающего философского знания о её предмете» [13].

Видимо ученые-охотоведы предпочитают максимуму другого известного русского философа С. Булгакова «Философская рефлексия направлена на целое

² Опубликовано: Винобер А.В. Охотоведение как наука: гуманитарные аспекты // Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство [Электронный ресурс]: материалы III Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (9 декабря 2022г., Красноярск) Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2023. С. 17-22.

жизни, научная – на её частности» [2]. То есть, философствовать в целом по жизни, оберегая свою науку от философского всестороннего осмысления и анализа.

В.К. Мельников, один из самых больших теоретиков в охотоведении в конце XX и начале XXI века определял охотоведение как отраслевую синтетическую науку, отталкиваясь от утверждения Н.А. Холодковского о том, что охотоведение – оригинальное учение об охоте и охотничьем хозяйстве, не имеющее аналогов за границей [7].

Правда, позднее, уже в 2012 году, Владислав Константинович несколько переформулировал свое определение, отодвинув охоту на задний план, как менее существенный объект для прикладной науки: «Часто охотничье хозяйство в качестве предмета изучения подменяют охотой. Такое понимание следует признать ошибочным, т.к. охота только один из производственных процессов охотничьего хозяйства» [8].

Новое определение охотоведения как науки теперь звучало следующим образом: «Охотоведение это синтетическая (т.е. междисциплинарная), комплексная (Холодковский, 1967), прикладная наука, покоящаяся на трех столпах - организационно-экономических, экологических и технологических, объединяющая несколько научных направлений и обслуживающая охотничье хозяйство, его потребности. ...Предметом изучения для охотоведения выступает охотничье хозяйство... и естественно, его предметом является изучение всех ресурсов охотничьего хозяйства – охотугодий, охотничьих животных, трудовых, финансовых, материальных и не материальных активов. ... Как междисциплинарная прикладная наука охотоведение не может иметь, будь она молодая или старая, единой «основополагающей и общепринятой» теории, какие имеют фундаментальные науки физика, биология и другие, кроме одной - теории динамики численности эксплуатируемых популяций животных и сопряженных с ней разнообразных функций охотничьего хозяйства» [8].

Далеко не все ученые-охотоведы соглашались с таким взглядом на смысл и значение охотоведческой науки.

Так, например, С.П. Матвейчук отмечает, что «Благодаря всесторонней и глубокой биологизации охотоведение за предшествующее десятилетие в подробностях освоило ресурсную базу охотничьей отрасли, но одновременно окончательно потеряло из вида социальную» [6].

Не разделяет точку зрения В.К. Мельникова также и Г.И. Сухомиров: «Центральное место в охотничьем хозяйстве занимают не охотничьи животные, как следует из биотехнического направления в охотоведении, а охотник как производитель высокоценной продукции, его труд, социология труда, его социально-экономические и духовные потребности» [12].

По моему субъективному мнению, еще сто лет назад, в начале 20-х годов прошлого столетия, под влиянием двух известных сибирских ученых В.Ч. Дорогостайского и Б.Э. Петри начал формироваться особый оригинальный взгляд (назовем его, следуя философским традициям, дуалистическим, или, выражаясь проще, двойственным, двозначным) на охотоведение. Опять же, его можно трактовать в двух вариантах: охотоведение как теоретическая наука и охотоведение как прикладная наука. Или, как охотоведение в широком смысле, и охотоведение в узком, утилитарном смысле. Т.е., охотоведение в широком смысле должно исследовать филогенетические аспекты феномена охоты и влияние этого феномена на формирование человека и общества, посредством целого комплекса наук, начиная от археологии, истории, и, завершая, психологией и философией.

Охотоведение в прикладном или узком смысле – это вся совокупность научных дисциплин и методов, ориентированных на исследование и развитие современного охотничьего хозяйства, включая такие объекты как современная охота, как производственный или спортивный (?) процесс по добыванию охотничьих животных, их учету, воспроизводству и т.д. А также, современный охотник со всеми его сущностными характеристиками (социально-

психологическими, трудовыми, экономическими, профессиональными, правовыми и проч.). Соответственно к этому примыкали организационные формы, охотничьи животные, уголья и т.д.

Такой дуалистический взгляд на науку охотоведение (тогда еще институционально слабо оформленную) культивировался в иркутской научной среде в 20-30-е года XX века (охотоведческое образование в Иркутске берет начало с 1 июня 1927 года, когда усилиями В.Ч. Дорогостайского были открыты при Иркутском государственном университете первые курсы охотоведения).

В дальнейшем эту традицию унаследовал В.Н. Скалон, усилиями которого в 1950 году было восстановлено охотоведческое образование в Иркутске.

Естественно, что в 20-70е годы прошлого века предпочтение отдавалось прикладному охотоведению, объектом которого являлось охотничье хозяйство, его организационные и производственные формы, отношения, ориентированные на максимальный выход охотничьей продукции.

Понимание охотоведения в широком смысле, изучающего феномен охоты, его истоки, генезис, его влияние на формирование человека и общества, почти бесследно растворилось в недрах прикладного (утилитарного) охотоведения, и существовало только в мифах и бытовых сказаниях. Хотя, в это же время, другие науки продолжали изучение феномена охоты (в первую очередь, антропология, археология, этнология, психология). Но результаты их исследований мало касались насущных проблем современного охотоведения и современного охотничьего хозяйства.

Таким образом, в охотоведческой среде сформировалось устойчивое мнение, что злоба дня и её полное содержание – это прикладное охотоведение, а исследование феномена охоты – это забава, и не имеет отношения ни к науке охотоведения, ни к охотничьему хозяйству. Пусть ею занимаются те же

археологи и антропологи, а нам, охотоведам – это совершенно не нужно и бесполезно...

Тем не менее, в начале 1980-х годов на факультете охотоведения Иркутского сельскохозяйственного института существовал студенческий философский кружок (научный руководитель – Домишкевич Александр Федорович), который разрабатывал «бесполезную» тему для насущного охотоведения под названием: «Охота и её роль в развитии общества», где студенты готовили доклады об историческом прошлом охоты и её влиянии на формирование человека разумного и на формирование общества в разные исторические эпохи.

В настоящее время, когда заканчивается 2022 год все эти «предания старины» вполне могут восприниматься анахронизмом, особенно на фоне вездесущего искусственного интеллекта, которому суждено преобразить все общественные и экономические процессы до полного обезличивания, и где, вполне вероятно, ныне живущему поколению предстоит стать либо безотказными винтиками мегамшины искусственного интеллекта, либо мирно пасущимися на лугу аборигенами какой-нибудь заповедно-исследовательской резервации – подобные экскурсии в историю становления человеческого общества могут показаться надуманными и излишними, особенно для конкретного прикладного охотоведения, озабоченного ростом охотничьих животных, их учетами, статистикой и разными видами охоты.

Тем не менее, отдавая дань столетней традиции, так и нереализовавшей потенциал своих исследовательско-реконструктивных устремлений, наберусь в очередной раз дерзости, чтобы репрезентировать или отобразить, что могло бы представлять из себя охотоведение как гуманитарное (фундаментальное) направление или наука охотоведение в широком теоретическом смысле.

В качестве обоснования своих гуманитарных претензий и ориентиров приведу несколько важных высказываний ученых-гуманитариев по поводу

охоты, охотника, и эволюционных аспектов феномена охоты на фоне исторического цивилизационного процесса.

1. Замечательный философ и психоаналитик Э.Фромм: «Психология охоты и охотника нуждается еще в серьезном изучении... В акте охоты человек, хоть на короткое время, чувствует себя частью природы. Он возвращается к своему естественному состоянию, чувствует свое единство с животным миром, и освобождается от экзистенциального комплекса разорванности бытия – быть частью природы и одновременно в силу своего сознания – оказаться по ту сторону природы» [14].

2. Историк-психолог В.А. Шкуратов: «Психическая организация Homo Sapiens, которая возникла в нижнем палеолите и проявилась в языке, родовом устройстве, в ритуалах, изобразительной деятельности выводились из сложившегося тогда культурного типа. Это – охотничья цивилизация, не только в смысле преобладающей активности и хозяйственной основы, но и в смысле мироотношения, психического склада, эстетической традиции» [15].

3. Философ и антрополог И.Л. Андреев: «Охота динамичнее собирательства. Она включает в себя ряд физиологических моментов (погоню, каскад движений, концентрацию мышечной энергии в сравнительно короткий промежуток времени), а также психических (азарт, риск, возбуждение, интуитивные решения). Поэтому в структуре охотничьей деятельности ориентация на результат (можно затратить массу усилий и остаться ни с чем, и наоборот) представляется гораздо более важной, чем ориентация на процесс» [1].

Перечень подобных мнений и утверждений займет не один том, а может быть и целую энциклопедию.

Все вышеперечисленные высказывания – это всего лишь аргументация постоянного интереса всего комплекса гуманитарных наук к главному объекту исследования теоретического охотоведения – к феномену охоты.

Ниже я предлагаю структурную схему (рис.1) гуманитарного теоретического охотоведения как системного комплекса гуманитарных междисциплинарных исследований феномена охоты и охотничьей цивилизации в прошлом и настоящем времени.

Рис.1. Структурная схема гуманитарного теоретического охотоведения

Сами охотоведы время от времени касаются различных граней гуманитарной сущности феномена охоты. Чаше это делают представители кировской школы охотоведения: Ю.И. Касаткин, М.Н. Андреев и др. Уже однажды я цитировал любопытное предложение (на мой взгляд – очень перспективное для гуманитарной сущности современной охоты и охотничьего хозяйства) – «о необходимости разработать программу проведения охотосоциологических исследований» [11].

По большому счету, здесь я полностью разделяю мнение известного социолога Т.Парсонса о том, что «подлинный научный прогресс состоит в

изменении теоретических систем. При этом происходит не простое количественное накопление «знаний о фактах», а качественное изменение в структуре теоретических систем» [9].

Например, С.В. Пучковский считает, что роль охоты в обществе неуклонно снижается, а «потускневший имидж охотника, вероятно, будет регрессировать и дальше. Необходимы исследования психологов и социологов по установлению доли потенциальных охотников в современном обществе» [10].

Ранее в своих работах я уже отмечал [3, 4, 5], что «охота и её прошлое (филогенез биосферного феномена охоты) во многом определяют настоящее и будущее нашего общества и каждой личности» (над этим высказыванием необходимо всерьез размышлять – ибо с разбега и без подготовки современному обывателю с его клишированным фейко-блогерским сознанием трудно обнаружить зависимость самого себя и общества от его предыстории, составляющей не менее двух миллионов лет).

Тем не менее, мои собственные исследования и анализ опыта исследований различных гуманитарных наук, говорят о том, что феномен охоты, культура охотничьей цивилизации и её современных реликтов, должны быть подвергнуты глубокому всестороннему анализу и осмыслению. Это может привести к самым неожиданным и необходимым ответам, имеющим жизненно важное значение для развития нашей современной планетарной цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества (современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М; Мысль, 1982 – 304 с.
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. - М.: Наука, 1990. - 412 с.
3. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск, 2016. 100 с.
4. Винобер А.В. Теоретическое охотоведение и биосферное хозяйство // Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство : Материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Красноярск, 26 ноября 2021 г.). – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2021. С. 45-50.

5. Винобер А.В. Философская антропология охотничьего хозяйства // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: материалы национальной конференции с международным участием, 25-29 мая 2022 г., в рамках XI международной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии» – Молодежный: Издательство ФГБОУ ВО Иркутский ГАУ, 2022. С. 60-63.

6. Матвейчук С.П. Российское охотоведение и проблемы организации охотничьей деятельности: автореф. дис. - Киров, 2000. -24 с.

7. Мельников В.К. Эколого-экономические основы организации промыслового охотничьего хозяйства Сибири. Автореферат, дис. докт. с.-х. наук. . М.; 1982 – 67 с.

8. Мельников В.К. Охотоведение как наука // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. 2012. №1.

9. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. — 880 с.

10. Пучковский С.В. Биосфера, общество, охотничья фауна и перспективы коэволюции / С.В. Пучковский // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства : материалы Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 85- летию ВНИИОЗ (22-25 мая 2007 г.) . – Киров, 2007. – С. 357-358

11. Пушкин А.В. Заметка о побудительных мотивах охоты / А.В. Пушкин, В.В. Грецов, А.Е. Плаксин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства : Сб. мат. 3-й междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 28-31 октября 2015 г.). - Иркутск: Оттиск, 2015. С. 39-45.

12. Сухомиров Г.И. Таежное природопользование на Дальнем Востоке. – Хабаровск. 2007. 384 с.

13. Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000.

14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. - М.: Аст, 2007. - 621 с.

15. Шкуратов В.А. Историческая психология.- 2-е изд., М.: Смысл, 1997. 505 с.

УДК 1: 639.1.05

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА³

В настоящем очерке рассмотрены (в самом первом приближении) общие начала философско-антропологической теории охотничьего хозяйства как одной из важных отраслей единого биосферного хозяйства.

Ключевые слова: философская антропология, феномен охоты, охотничье хозяйство, глобализация, философия хозяйства

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF HUNTING ECONOMY

In this essay, the general principles of the philosophical and anthropological theory of hunting economy as one of the important branches of the unified biosphere economy are considered (in the very first approximation).

Keywords: philosophical anthropology, hunting phenomenon, hunting economy, globalization, philosophy of economy

Настоящий очерк представляет собой органичное продолжение (возможно, попытку синтеза) двух прежних независимых авторских работ: «Глобализация науки и будущее охотоведения» [4] и «Биосферное хозяйство в контексте философской антропологии» [3].

В первом случае рассматривались перспективы развития охотоведения в контексте глобализационных процессов. Во втором случае – концепция формирования и развития биосферного хозяйства как философско-антропологическая теория деятельности человека в эпоху доминирующего технотронного влияния.

В настоящем очерке предполагается рассмотреть (в самом первом приближении) общие начала философско-антропологической теории охотничьего хозяйства как одной из важных отраслей единого биосферного хозяйства.

В истории отечественного охотоведения есть немало интересных концептуальных теоретических исследований охотничьего хозяйства, как

³ Опубликовано: Винобер А.В. Философская антропология охотничьего хозяйства // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: материалы национальной конференции с международным участием, 25-29 мая 2022 г., в рамках XI международной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии» – Молодежный: Издательство ФГБОУ ВО Иркутский ГАУ, 2022. С. 60-63.

целостного организма, как своеобразного феномена, имеющего в своем основании специфические философские и антропологические предпосылки. В каждой из таких работ можно обнаружить те или иные (явные или латентные) исходные философско-антропологические постулаты, часто даже малоосознаваемые самими авторами.

Такие элементы, принципы или постулаты философско-антропологического характера можно обнаружить в отдельных работах В.Ч.Дорогостайского, В.Н. Скалона, Г.И. Сухомирова, С.Н. Линейцева, Б.Г. Пермякова (представителей Иркутской школы охотоведения). А также Ю.И. Касаткина, С.П. Матвейчука, М.Н. Андреева, С.А. Корытина (Кировская школа охотоведения). Ф.Р. Штильмарка и В.В. Дежкина (Московская школа охотоведения) и других авторов, не упоминаемых в данный момент.

Но задача целостного осмысления сущности и эволюции охотничьего хозяйства с позиций философской антропологии по-прежнему остается неосмысленной или невостребованной.

Естественно, что в данном очерке мы не преследуем цели охватить весь объем осмысления феномена охотничьего хозяйства в философско-антропологическом контексте (тем более, что объять необъятное в философии в принципе невозможно). Наша задача является более простой и реально доступной – сделать некоторый штрих пунктирный абрис предстоящего маршрута философско-антропологического осмысления и постижения.

Начнем с того, что вспомним одно из важных утверждений основателей философской антропологии в XX веке Макса Шелера: «Так называемого «знания ради знания» не существует нигде, и его не может и не «должно» быть вовсе... Новейшая история Запада, всё более впадая в односторонность, систематически культивировала почти одно только знание ради достижений, направленное на возможное практическое

изменение мира к форме практикующих разделений труда специальных позитивных наук» [10].

Нечто похожее, но несколько ранее утверждал в своей работе «Философия хозяйства» русский философ С.Н. Булгаков. Сергей Николаевич Булгаков выстроил целую философскую систему, раскрывающую глубинные смыслы философии хозяйства: «Философская система может быть построена и как философия хозяйства. Против возможности философии хозяйства принципиально можно возражать столь же мало, как и против науки о хозяйстве, по крайней мере, не впадая вообще в скептицизм относительно знания» [2].

Рассматривая философско-антропологическую сущность и эволюцию современного охотничьего хозяйства, непременно необходимо обращаться к истокам антропологического феномена охоты.

Как отмечал замечательный философ и психоаналитик Эрих Фромм: «Психология охоты и охотника нуждается еще в серьезном изучении... В акте охоты человек, хоть на короткое время, чувствует себя частью природы. Он возвращается к своему естественному состоянию, чувствует своё единство с животным миром и освобождается от экзистенциального комплекса разорванности бытия – быть частью природы и одновременно в силу своего осознания оказаться по ту сторону природы» [9].

Далее Э.Фромм цитирует Вильяма С.Лафлина: «Охота – это образцовая модель поведения человеческого рода... в этом смысле охота была настоящей школой обучения всего человеческого рода» [цит. по 9].

Созвучно Э.Фромму и В.Лафлину выражается охотовед-философ В.Н.Бочарников: «Современная цивилизация почти полностью у нас отняла ту естественность «вчувствования» в природное, мы живем в социуме и целесообразное пришло на смену естественного удовольствия через логику мышления, научное объяснение и анализ. ОХОТА – является тем, что придает смысл индивидуальной человеческой деятельности, её свободе, в

ней снижается диктат социальной целесообразности, а сам человек – возвращается к тому исходному, что досталось нам от Вселенной – вечной игре» [1].

Если рассуждать с позиций современной философской антропологии, то мы должны в первую очередь учитывать идущее быстрыми темпами формирования глобальной техногенной среды и проникновение этого процесса в сферу социального и природного [7].

Как утверждает в своей фундаментальной монографии «Бытие и Ничто» философ-антрополог В.А. Кутырев: мы не должны в угоду технократам (с их бурно развиваемым «искусственным интеллектом») сдавать позиции исконно человеческого, которое далеко не исчерпало потенциал своего гуманного и интеллектуального развития [5].

Ю.М. Осипов, еще в 1990 году в монографии «Опыт философии хозяйства» отмечал: «Только философия может сказать человеку, кто он, откуда и куда идет... Философия хозяйства – это не просто знание о хозяйстве, а воззренческое знание о хозяйстве – философия окультуривает хозяйство» [6].

Естественно, что учитывая современные реалии, охотничье хозяйство, чтобы выжить и развиваться, должно эволюционировать и иметь потенциал опережающей адаптации, ориентированной, кроме прочего, на сохранение генетического и архетипического многообразия опыта охоты многих поколений (грубо и условно – отталкиваясь от опыта древней охоты до современности).

И, конечно же, эта цель выживания, адаптации и дальнейшей эволюции охотничьего хозяйства предполагает прежде всего всестороннее исследование самого феномена охоты и самого человека – современного охотника, что в первую очередь является задачей науки охотоведения, в которой всевозможные учеты и отчеты, биотехния и биологические

особенности охотничьих животных занимают на протяжении целого столетия более 90% исследований и публикаций.

Действительно, имеется серьезное основание для науки охотоведения в том, что «необходимо разработать общероссийскую программу проведения охотсоциологических исследований» [8].

Пусть отдельные охотники и охотоведы твердят, что не имеет смысла «заглядывать в душу каждого охотника», но с точки зрения философско-антропологической, и тем более, с точки зрения социально-психологической – такая необходимость всё же существует. Хотя бы потому, что главная действующая фигура охотничьего хозяйства, все таки, скорее, охотник, чем охотничьи животные или неутомимый клан (класс) вездесущих бюрократов.

Без серьезных научных исследований: Что есть сегодня охота и что есть сегодня охотник? Как и что есть сегодня охотничье хозяйство? Нам, маловероятно, что поможет какая либо учетно-биологическая теория охотничьего хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарников В.Н. Социальная психология, общество и охота / В.Н. Бочарников // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 1-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 4-7 апреля 2014 г.) – Иркутск: ИрГСХА, 2014. - С. 65-68
2. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – 412 с.
3. Винобер А.В. Биосферное хозяйство в контексте философской антропологии // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020. 9 (27).
4. Винобер А.В. Глобализация науки и будущее охотоведения // Современные проблемы охотоведения. материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 26–30 мая 2021 года). Иркутск, 2021. С. 19-24.
5. Кутырев В.А. Бытие или Ничто. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. 880 с.
6. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. – М.: Изд-во Московского ун-та. 1990.382 с.
7. Попкова Н.В. Философия техносферы. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 344 с.
8. Пушкин А.В. Заметка о побудительных мотивах охоты / А.В. Пушкин, В.В. Грецков, А.Е. Плакин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего

Антропология охоты: сборник статей

хозяйства : Сб. мат. 3-й междунар. науч.-практ.конф. (Иркутск, 28-31 октября 2015 г.). – Иркутск: Оттиск, 2015. С. 39-45

9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. – М.: Аст, 2007. – 621 с.

10. Шелер М. Избранные произведения: Пер. с нем. – М.: Изд-во Гнозис, 1994. 490 с.

УДК 639.1

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОХОТОВЕДЕНИЕ И БИОСФЕРНОЕ ХОЗЯЙСТВО⁴

Охотничье хозяйство – это естественный компонент биосферного хозяйства. Отмечается необходимость на данном этапе интенсивно развивать теоретическое охотоведение, которое существенно выходит за рамки прежних чисто отраслевых традиций и опережает запросы практического охотничьего хозяйства. Это единственный шанс сохранить свою нишу в бурно глобализирующемся мире и не утратить уникальный опыт всей эволюции и истории охоты и охотничьего хозяйства.

Ключевые слова: теоретическое охотоведение, биосферное хозяйство, равновесное природопользование, любительская охота, промысловая охота, гуманитарные аспекты охоты, глобализация

THEORETICAL GAME MANAGEMENT AND BIOSPHERE ECONOMY

Hunting economy is a natural component of the biosphere economy. It is noted that at this stage it is necessary to intensively develop theoretical game management, which significantly goes beyond the previous purely industry traditions and outstrips the demands of practical hunting economy. This is the only chance to maintain its niche in a rapidly globalizing world and not lose the unique experience of the entire evolution and history of hunting and hunting economy.

Key words: theoretical game management, biosphere economy, balanced nature management, recreational hunting, commercial hunting, humanitarian aspects of hunting, globalization

Человек, на протяжении своей человеческой, то бишь, относительно разумной истории (от верхнего палеолита и до наших дней) относился к природе либо как «приспособленец» (собиратель, охотник, рыболов и т.п.), либо как «завоеватель» («покоритель»). Только в новейший период (XX век) стала актуальной проблема разумного хозяйствования в природе, и всерьез начали рассматривать возможности долгосрочной хозяйственной стратегии в пользовании природой или в природопользовании. Сам термин «природопользование» появился в научной литературе чуть более полсотни лет назад. Термин «биосферное хозяйство» и вовсе молод – ему немногим более двадцати лет от роду, и в научном обороте он еще весьма редок и многим непонятен, особенно, чиновникам по управлению природными ресурсами. Этот термин их настораживает и даже пугает своей неясностью и отсутствием в официальном документообороте. Так же как многих юристов-позитивистов

⁴ Опубликовано: Винобер А.В. Теоретическое охотоведение и биосферное хозяйство // Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство : Материалы II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (Красноярск, 26 ноября 2021 г.). – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет. 2021. С. 45-50.

настораживает и пугает понятие «естественного права». Не вдаваясь в дискуссии, скажем так: если существует лесное хозяйство или водное хозяйство – почему бы не существовать биосферному хозяйству – поскольку биосфера включает в себя и лес, и воду, и многое другое. То есть, биосферное хозяйство, условно говоря, это весь комплекс взаимоотношений человека с природой, то, что мы называем глобальным или региональным природопользованием. Различие только в самом подходе. В случае биосферного хозяйства мы пытаемся вести долгосрочное устойчивое, или, как говорил П.Г.Олдак, равновесное природопользование (хозяйство). А во втором случае – мы только пользуемся ресурсами и благами биосферы, ориентируясь на субъективные запросы, типа, «покорить целину», «получить прибыль», «запереть все реки плотинами» и т.п.

Так вот, де-факто и де-юре биосферного хозяйства нет – ни в нашей отдельно взятой стране, ни в других странах мира. Есть только отдельные фрагменты и проекты, отдельные опытные станции. Но как теоретический конструкт, модель хозяйствования природой в будущем (если оно наступит), биосферное хозяйство представляет значительный научный интерес, и можно этот конструкт (модель) воспринимать как динамический образ (стереотип) оптимальной коэволюции человека (общества) и природы, как коэволюционный путь развития человеческой цивилизации, в отличие, скажем, от техногенного (техносферного), нацеленного на тотальное внедрение всего технического и искусственного, в том числе, и на возможное создание максимально искусственной техносферы, которая максимально вытеснит или поглотит естественную природу или биосферу (ориентиры ближайшего столетия, но может быть, и ранее).

Так вот, охотничье хозяйство – это вполне естественный компонент биосферного хозяйства, как и водное хозяйство, как и лесное, сельское хозяйство и некоторые другие отрасли пользования ресурсами живой природы. В рамках концепции развития биосферного хозяйства развитие охотничьего

хозяйства реально и представимо. В рамках развития искусственной техносферы, вероятно, охотничье хозяйство тоже может существовать, но представить такую возможность существования уже значительно труднее. Либо это будет эталонный реликт истории земной цивилизации, либо это будет хозяйство полностью виртуальной охоты, с цифровыми зверями, охотниками и инспекторами...

Как говорит охотовед-философ В.Н. Бочарников: «Современная цивилизация отнимает у нас естественное... Охота дает возможность человеку возвращаться к исходному (к вечной игре)» [2].

Понятно, что в контексте глобализации, особенно активно развивающейся в последние три десятилетия, охотничье хозяйство также серьезно изменяется, местами – эволюционирует, местами – деградирует либо адаптируется к новым реалиям.

«В истории России были времена, когда продукция охотничьего хозяйства приносила в казну 1/3 годового дохода (вероятно, это XVII- XVIII вв.). Еще относительно недавно, в 20-30 гг. XX века продукция охотничьего хозяйства имела важное экономическое значение для страны. Но за четверть века перестройки политической и социально-экономической системы не сделан выбор стратегических ориентиров развития охотничьего хозяйства и других отраслей природопользования» [8].

Выбор, на самом деле, давно сделан. И те, кто его сделали, уверенно движутся к своим поставленным целям. Просто не всем удастся отслеживать этот «непрозрачный» процесс глобализации на просторах России. И, безусловно, трудно не согласиться с В.Г. Сафоновым в том, что экологическая и социальная роль охотничьего хозяйства недооценивается. Ибо кто же будем оценивать, если этого не сделает (доказательно и убедительно!) сама охотоведческая наука?

Если сибирские охотоведы утверждают: «Судя по закону об охоте, охотничье хозяйство – не отрасль материального производства... Для охотника-

любителя занятие охотой, это, прежде всего, платный активный отдых на природе с меньшим материальным удовлетворением т.е. носит преимущественно рекреационный характер. Для промыслового охотника Сибири занятие охотой – основной вид профессиональной деятельности, от которого зависит материальное состояние его семьи» [9].

И действительно, в европейской России отдается предпочтение «увлечению самим процессом, а не продукцией охоты» [8]. Ибо это направление более финансово выгоднее (основываясь на опыте далеких США).

Казалось бы, подход красноярского охотоведа С.Н.Линейцева [5] в значительной степени примеряет два направления (любительское и промысловое), но он до сих пор не востребован в практике управления охотничьего хозяйства (за исключением отдельных опытов и примеров).

Мы предлагали свой вариант, отталкивающийся от концепции биосферного хозяйства [4] и концепции социально-экологической модернизации О.Н. Яницкого [11].

Но наши коллеги посчитали, что идея социально-экологической модернизации охотничьего хозяйства в рамках целостного комплекса биосферного хозяйства (или экосистемного биологического природопользования) слишком далека от реалий и возможностей нашей российской действительности (проще: назвали ей очередной теоретической утопией!).

Также, впрочем, как и мысли о необходимости формирования методологии охотоведения и философского осмысления целей и ценностей этой, как считают многие, сугубо практической науки [3].

Никакой метанауки и метафизики в нашем охотоведении (на протяжении ста лет, от 1920 по 2021 гг.) нет. И поэтому богатейший опыт социально-исторического феномена охоты и охотничьего хозяйства осмыслен крайне бедно и примитивно, в связи с чем, в бурный информационный век (XXI) охотоведение имеет вероятность угодить в неизлечимые аутсайдеры, точнее, в

чисто утилитарное приложение для немногих, уцелевших в небольших рефугиумах представителей охотничьего хозяйства.

Отсюда и происходит необходимость на данном этапе интенсивно развивать теоретическое охотоведение, которое существенно выходит за рамки прежних чисто отраслевых традиций. В первую очередь, формирование в структуре охотоведения направления гуманитарного профиля: социология, психология, философия охоты и охотничьего хозяйства.

В качестве примера (далеко не единственного) такие работы, что расширяют рамки охотоведения [6, 7] и дают серьезный импульс для междисциплинарных исследований.

Или, например, экстраполяция результатов оценки ущерба от лесных рубок [10] на все охотничье хозяйство, что позволит оценить реальные масштабы экономических потерь всей отрасли.

Также целесообразно осмыслить опыт охотничьего хозяйства Красноярского края по успешному увеличению «поголовья» бурых медведей [1]. И куда девать прирост «стада» бурых медведей в количестве 16 тыс. особей?

Теоретическое охотоведение должно опережать запросы практического охотничьего хозяйства, в первую очередь используя интенсивные методы системно-аналитического моделирования и прогнозирования, с учетом обилия всех факторов, которые находятся за пределами (иногда – весьма далеко) охотничьего хозяйства, но напрямую, либо косвенно, влияют на интересы охотничьего хозяйства, в том числе, влияют и на развитие того же самого научного теоретического охотоведения. Это единственный шанс сохранить свою нишу в бурно глобализирующемся мире и не утратить уникальный опыт всей эволюции и истории охоты и охотничьего хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленюк Д.Н. Формирование искусственной среды обитания в охотничьем хозяйстве / Д.Н. Беленюк, Н.Н. Беленюк// Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство [Электронный ресурс]: материалы I

Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2020. С. 3-9

2. Бочарников В.Н. Социальная психология, общество и охота / В.Н. Бочарников // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: матер. 1-й междунар. научн.-прак. конф. Иркутск 4-7 апр., 2014г. – Иркутск: Оттиск. 2014. С.65-68

3. Винобер А.В. Глобализация науки и будущее охотоведения. В сборнике: Современные проблемы охотоведения. материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию учебно-опытного охотничьего хозяйства «Голоустное» имени О.В. Жарова в рамках X международной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии» (Иркутск, 26–30 мая 2021 года). Иркутск, 2021. С. 19-24.

4. Винобер А.В. Социально-экологическая модернизация охотничьего хозяйства России: методологические предпосылки и ориентиры / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: матер. 3-й междунар. научн.-прак. конф. Иркутск 28-31 окт. 2015г. – Иркутск: Оттиск. – 2015. С.25-28

5. Линейцев С.Н., Рассолов А.Г. Оптимизация охотхозяйственного природопользования таежной зоны Сибири. – Абакан, ООО «КООП «Журналист», 2001. – 88 с.

6. Матвейчук С.П. Перспективы использования текстовых (лингвистических) корпусов в охотоведческих исследованиях / С.П. Матвейчук // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: матер. 3-й междунар. научн.-прак. конф. Иркутск 28-31 окт. 2015г. – Иркутск: Оттиск. – 2015. С.29-35

7. Пушкин А.В. Заметка о побудительных мотивах охоты / А.В. Пушкин, В.В. Грецов, А.Е. Плаксин // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: матер. 3-й междунар. научн.-прак. конф. Иркутск 28-31 окт. 2015г. – Иркутск: Оттиск. – 2015. С.39-45

8. Сафонов В.Г. К оценке значения охоты и охотничьего хозяйства / В.Г. Сафонов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: матер. 1-й междунар. научн.-прак. конф. Иркутск 4-7 апр., 2014г. – Иркутск: Оттиск. 2014. С.65-68

9. Суворов А.А. Охота и милосердие / А.П. Суворов // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: матер. 5-й междунар. научн.-прак. конф. Иркутск 4-7 апр. 2017г. – Иркутск: Оттиск. – 2017. С.52-54

10. Шишкин А.С. Снижение продуктивности охотугодий в результате рубки леса / А.С. Шишкин // Ресурсы дичи и рыбы: использование и воспроизводство [Электронный ресурс]: материалы I Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2020. С. 179-186

11. Яницкий О.Н. Экологическое мышление эпохи «великого передела». – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 224 с.

УДК 572:639.1

**АНТРОПОЛОГИЯ ОХОТЫ: КОНСПЕКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ.
ОЧЕРК ПЕРВЫЙ⁵**

В первом очерке представлены размышления о феномене охоты, агрессии и охоте, теории палеопсихологии Б.Ф. Поршнева.

Ключевые слова: антропология охоты, антропогенез, охота, агрессия, палеопсихология

**THE ANTHROPOLOGY OF HUNTING: NOTES AND REFLECTIONS.
FIRST ESSAY**

The first essay presents reflections on the phenomenon of hunting, aggression and hunting, the theory of paleopsychology by B. F. Porshnev.

Key words: anthropology of hunting, anthropogenesis, hunting, aggression, paleopsychology

Цели и задачи. В последние годы в российской науке, под влиянием глобализации, виртуализации и бюрократизации, сложился новый стиль оформления научных статей: обязательно нужно определять цель, говорить о методологии, результатах, обсуждениях и т.п. Видимо, это есть грани научного прогресса. Но очень похоже на то, как раньше в советские времена, излагая научный материал из любой сферы знания, следовало обязательно цитировать классиков марксизма-ленинизма и говорить о роли коммунистической партии, например, в усовершенствовании модели двигателя внутреннего сгорания.

Цель нашей публикации достаточно проста: поделиться идеями, находками и размышлениями в сфере антропогенеза, который автор тесно связывает с эволюцией феномена охоты и его влиянием на становление человеческого общества и самого «человека разумного». Задачи, соответственно, проистекают из цели: 1) излагать, по возможности, ясно и доходчиво, чтобы быть понятным (или понятным) для большинства читающей аудитории, 2) развеять устойчивый густой туман, окружающий феномен охоты и происхождение человека, включая развитие отдельных человеческих качеств как агрессия, способность к абстрактному мышлению и формированию

⁵ Опубликовано: Винобер А.В. Антропология охоты: конспекты и размышления. очерк первый / А.В. Винобер. // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. № 12К (24). Прил.: Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 7-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 12-13 декабря 2017 г.). С. 48-57.

адекватного мировоззрения, 3) ввести в научный оборот (если такое возможно с позволения нетократических деятелей и организаций) скромный капитал многолетних научных поисков и размышлений по вышеозначенной теме.

Методология, на коей основаны авторские изыскания и рассуждения – интуитивный прагматизм, философская и социально-психологическая рефлексия, эволюционизм и определенная доля анархического релятивизма.

Для удобства восприятия текста и его последующего обсуждения мы будем придерживаться сквозной структуры, придавая каждой мысли, каждому фрагменту свой последовательный идентификационный код (возможно, это заимствовано у Больцано или Витгенштейна, а возможно, что и сам Пифагор прибегал к такому стилю изложения). Подход к самой структуре изложения и к формированию её последовательности достаточно свободный (в чем отчасти и есть проявление анархического релятивизма): какая мысль, или какой фрагмент попал первым под руку, тот и ставится в структурную последовательность, приобретая свой именной цифровой код (или неповторимый номер).

1. Охота.

1.1. Охота – труд, сфера производственной деятельности [8].

1.1.1. Охота как средство природопользования выражается в форме добычи определенных (охотничьих) животных с помощью специальных приемов и орудий.

1.1.2. Охотники заинтересованы в процветании охотничьих животных.

1.1.3. Принципиально неверно определять охоту как спорт, так как охота не есть состязание в добыче охотничьих животных.

1.1.4. Убивать охотничьих животных ради забавы или спортивного интереса – антигуманно.

1.1.5. Охота – отрасль труда, приносящая охотнику удовлетворение не только материальных, но и духовных потребностей.

1.1.6. В охотоведении мы изучаем охоту как процесс производства. Поэтому в научном охотоведении охота и охотничье производство – суть одно и то же [Все выше по [8]].

1.2. Охота нужна обществу – она ему просто присуща [11].

1.2.1. Охота древнее любых государств и даже обществ; они обязаны убедительно обосновать свои претензии или отрицание права человека на охоту.

1.2.2. Охота первочеловека априори не предполагает ограниченных соответствий или подтверждений, она не привязана ни к какому иному событию, кроме появления человека как такового.

1.2.3. Граница между хищничающим зверем и охотящимся человеком антропологической наукой не определена не из-за отсутствия данных, а ввиду очевидного отсутствия самостоятельного момента – первый шаг человека был уже заведомо шагом охотника.

1.2.4. Единственное, содержательное сближение охоты, допустимое с ограниченным числом оговорок – её сопоставление физической любви... Напряженность состояния, аффективность момента обладания и горьковатый катарсис достижения желаемого роднят охоту и любовь... [Все выше по [11]].

1.3. Охота – была неотъемлемая часть жизни древнего человека, она являлась опасным и непредсказуемым каждодневным занятием, тем мерилем, через которое соизмерялась индивидуальная и общественная жизнь. Но мы все еще находимся в ее познании перед лицом многих прежних нерешенных или когда-то «заброшенных» научных загадок, более того, в ней предстают многие вещи и феномены, которые никогда и не были в особом фокусе исследователей [6, 7].

1.3.1. В предельно конкретном смысле под охотой подразумевают не разведение домашних животных и собирательство растительной продукции и марикультуры, а добывание зверей, птиц и рыб; причем последнее, в этом смысле отделяется в самостоятельный формат природопользования -

рыболовство. Следовательно, охота - одна из тех форм такого контакта, что может включать в себя множество форм и названий, и это также контакт с тем, что было для человека сотни тысяч и даже миллионы лет.

1.3.2. В специальной аналитической работе В.Н. Бочарников выделил и обосновал пять современных конструкторов охоты: на материалах медиадискурса охоты были выделены следующие понятийные значения: 1) охота – это выслеживание и преследование добычи, это азарт, в том числе реализация агрессивного инстинкта человека; 2) охота – это удовлетворение потребности во благах; может приносить доход; 3) охота – это вид досуга и разновидность отдыха; 4) охота – потребность в самоактуализации; пробуждение, узнавание себя в общении с природой; 5) охота – как необходимость социальной и индивидуальной защиты; профессиональная занятость.

1.3.3. Охота – это всегда настоящее, и даже весьма неполные результаты исследований древнеегипетской цивилизации показывают, что биоэнергетические, ментальные и психические способности человека-охотника были совершенно иные, чем в более поздних человеческих цивилизациях.

1.3.4. Для охоты понятийным фундаментом, безусловно, является философская категория «бытие». Действительно, что же может быть для нее фундаментальнее понятий – быть, существовать, наличествовать, присутствовать... в природе.

1.3.5. В современном обществе потребления достаточно остро поставлен вопрос о значимости охоты, наличествует мощная критика охоты как «морального» (негативного) занятия для современного человека, в большинстве своем, не зависящим от продукции охоты.

1.3.6. В своих взаимоотношениях с природой посредством охоты человек доказывает себе самому, что он имеет выбор в поступках, опираясь на свою волю и разум, чего лишены животные, являющиеся объектами его охоты, или, наоборот, в случае с крупными и опасными для человека хищниками.

1.3.7. Именно в охоте человеку приходится постоянно доказывать, что он человек! И проявляется он как человек, прежде всего, находясь в контакте с природой, что становится все более трудным в условиях современного развития общества. ... Занятие охотой, способствует тому, что человек в большей степени способен сохранить «точку опоры» на природное. [Все выше по [6, 7]].

1.4. Охота – универсальное эволюционное приспособление живого. [3]

1.4.1. Охота – это одна из форм всеобщей ассимиляции, присутствующей в живом и неживом мире, обусловленная фундаментальными законами мироздания (энтропийность, взаимодействие материи-энергии-информации).

1.4.2. Охота – как природный, биологический феномен, широко распространена в мире живого.

1.4.3. Охота есть проявление всеобщего принципа экспансии и ассимиляции одних живых организмов другими живыми организмами.

1.4.4. Охотничья деятельность сформировала вид человека разумного и в решающей степени обеспечила социогенетическое развитие человеческого общества, формирование культуры и технологии и создало предпосылки зарождения цивилизации.

1.4.5. Охота – это генетически обусловленная конструктивная агрессия, направленная на обеспечение добычи объекта охоты.

1.4.6. Охотничья генетика и культура являются истоками многих феноменов современного общества: науки, искусства, магии, ритуалов, законов, войн, игры, театра, спорта, мифа и религии...

1.4.7. Охотничьи архетипы продолжают свою эволюцию в индивидуальной и коллективной деятельности современного человека. [Все выше по [3]]

1.4.8. Охота как форма адаптации к окружающей среде - есть наиболее универсальный способ самообоснования жизни, наиболее полное, всестороннее (всеобщее) выражение биологического *causa sui* [15].

1.4.9. Охота – это доминирующая ароморфическая адаптация человека в процессе его эволюционного развития. Ароморфоз — повышение уровня био-

логической организации и адаптации в среде не столько через преобразование соответствующих органов, сколько путем перестройки структуры поведения [5].

2. *Б.Ф. Поршнев и его гипотезы на эволюцию рода Homo и значение охоты.*

2.1. Книга Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» является оригинальным трудом, посвященным палеопсихологии, где впервые в нашей стране предпринята серьезная попытка реконструкции психофизиологической эволюции рода Homo. [12]

2.2. Б.Ф. Поршнев, историк-медиевист, был яркой, увлекающейся личностью. Он уделял много времени исследованиям в сфере нейрофизиологии животных, социальной психологии и реконструктивно-аналитическим вопросам эволюции человека. Кроме того – верил в существование снежного человека и участвовал в активном поиске этого реликтового персонажа.

2.3. Работа «О начале человеческой истории», безусловно, фундаментальный труд (на зависть многим антропологам и нейрофизиологам) – о достоинствах работы мы не будем здесь говорить – это тема отдельного серьезного исследования. Скажем только о некоторых сомнительных моментах работы, которые, на наш взгляд являются либо ошибками, либо удивительными заблуждениями.

2.4. Б.Ф. Поршнев пишет: «Маркс и Энгельс подчеркивали, что там (в первобытном обществе) у человека отсутствовала возможность принять какое бы то ни было решение, ибо всякое решение наперед было предрешено родовым и племенным обычаем». Мы считаем эту гипотезу устаревшей и лишенной знания этологии приматов и психологии их индивидуального поведения.

2.5. Б.Ф. Поршнев: «Нет сколько-нибудь серьезных и заслуживающих согласия аргументов в пользу существования охоты на крупных животных в нижнем и среднем палеолите, есть одни лишь фикции». Это устаревшая точка

зрения. У современных археологов и палеоантропологов предостаточно артефактов, свидетельствующих о существовании охоты рода *Номо* в нижнем и среднем палеолите.

2.6. Б.Ф. Поршнева: «Троглодитиды (неандертальцы) не только не убивали крупных животных, но и должны были выработать жесткий инстинкт: ни в коем случае не убивать, ибо это разрушило бы их хрупкую экологическую нишу в биоценозе». С точки зрения современной биологии, этологии и биогеоценологии – вообще такая гипотеза является абсурдной. Если ей следовать, то надо начинать поиск «библии неандертальцев».

2.7. Б.Ф. Поршнева: «Несмотря на зрелищную эффектность тренировки хищников, она для биолога свидетельствует об их врожденной совместимости с человеком». Трудно сказать, какого «биолога» имел в виду Б.Ф. Поршнева, но с точки зрения этологии хищников – это безусловный абсурд. Только чрезвычайно ранний импринтинг и многопоколенная domestикация отдельных хищников (например, собаки) делает их совместимыми с человеком. Причем собака – друг человека – только своего хозяина и обычно враг всех других людей. Многие породы собак с удовольствием бы набросились на человека – дай только команду или такую возможность.

2.8. Несмотря на благие намерения, Б.Ф. Поршнева не смог сформулировать принципиальные контуры науки палеопсихологии.

3. Охота и агрессия.

3.1. Охота не влечет за собой ни жестокости, ни деструктивности – примитивные народы гораздо менее агрессивны, чем их цивилизованные собратья [14].

3.2. Конечно, охота, как основное средство существования некоторых отсталых племен, никакому нравственному осуждению быть подвергнута не может. ... Да и каждый из нас, попав в подобные условия, может и должен поддержать жизнь свою и других людей охотой. Жизнь человека ценнее жизни

любого животного... Охота на хищников есть второй вид охоты, который на настоящем этапе человечества еще не может быть осужден [4].

3.3. Внутривидовая агрессия на миллионы лет старше личной дружбы и любви [10].

3.4. Агрессивность присутствует во всех сферах жизни и приобретает различные формы. Агрессия, как одна из базисных функций – необходимое свойство глубинных слоев психики, определяющее способы к целеустремленным действиям... Корни насилия лежат в доисторическом досознательном, но современные социальные условия воссоздают и порождают причины насилия [1].

3.5. Генетико – физиологический потенциал агрессии всё же существует, но это не единственный фактор, ответственный за агрессивное поведение [10].

3.6. Концепция, исходящая из того, что охоте присущи инструментальный, конструктивный тип агрессии, кажется более содержательной и заслуживающей дальнейшей разработки [2].

3.7. С. Корытин утверждает: «Против охоты встает значительная часть людей нашей планеты. Охота вступает в противоречие с миром. Необходимо создать охоту с человеческим лицом» [9].

Мы усматриваем в этом высказывании не критичное восприятие некоторых искусственно инспирируемых в средствах массовой информации компаний «зоозащиты». Если пресса захлеб восторгается тем событием, что несколько экстравагантных персон сменило хирургическим путем свой пол – это вовсе не значит, что это является общемировой тенденцией.

Но, безусловно, сообществу цивилизованных охотников необходимо работать над созданием позитивного имиджа охоты в глазах обывателей, объясняя смысл и сущность современной охоты, как одной из важных ценностей человеческой цивилизации.

3.8. Человек несет в себе инстинкты всех существ, образующих его генеалогическое древо. Наша психика имеет поэтому несравненно больший

объем, чем тот, который приписывается ей нашим сознанием. Формула, что ничего нет в сознании, чего не было в ощущении, должна быть добавлена фразой – в течение миллиона веков... Не представляется ли человек с несовершенствами своей природы, со своими моральными и материальными недомоганиями, с наклонностями – наследием нашей звериной генеалогии – таким же истерзанным бойцом, вырвавшимся из битвы за жизнь типов живого на нашей планете? Мы не замечаем этой битвы, этого буйства жизни на земле только потому, что оно растянуто на миллионы веков [13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступника и расследование преступлений. – М.: Юрист, 1996. – 336 с.
2. Быкова О.Ф., Агрессия и охота. в Сб. «Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства» - Киров, 2002, С.24-26
3. Винобер А.В. Апология охоты (Краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск: Оттиск, 2016. - 100 с.
4. Андреев Д. Роза Мира. - М.: Мир Урании, 1999. 608 с.
5. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества (современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М; Мысль, 1982 – 304 с.
6. Бочарников В. Н. Территория охоты - М. : Издатель Мархотин П. Ю., 2017. - 236 с.
7. Бочарников В.Н. Антропология охоты или охотничья антропология? Поиск самобытного пути // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. 2(8). С. 5-20.
8. Касаткин Ю.И. О монистическом взгляде на охоту. Избранные работы, Киров, 1983 – 53 с. рукопись
9. Корытин С.А. Гуманизация ружейной охоты в России и ее перспективы. В сб. «Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства»- Киров, 2002, С.54-55
10. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). Пер. с нем., М.: Издательская группа «Прогресс», 1994 – 272 с.
11. Матвейчук С.П. Российское охотоведение и проблемы организации охотничьей деятельности: автореф. дис. - Киров, 2000-24 с.
12. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). - М; Мысль, 1974 – 487 с.
13. Умов Н.А. Эволюция мировоззрения в связи с учением Дарвина // Русский космизм: антология философской мысли. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Пер. с нем. АСТ : Астрель, 2010 – 624 с.
15. Югай Г.А. Общая теория жизни (диалектика формирования), М.: Мысль, 1985 – 256 с.

УДК 572 : 639.1

АНТРОПОЛОГИЯ ОХОТЫ: КОНСПЕКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ. ОЧЕРК ВТОРОЙ⁶

Во втором очерке представлены размышления о палеопсихологии и реконструктивно-аналитическом моделировании охотничьей деятельности; современной социологии охоты.

Ключевые слова: антропология охоты, антропогенез, охота, палеопсихология, реконструктивно-аналитическое моделирование, социология охоты, охотничья социализация

THE ANTHROPOLOGY OF HUNTING: NOTES AND REFLECTIONS. SECOND ESSAY

The second essay presents reflections on paleopsychology and reconstructive-analytical modeling of hunting activity; modern sociology of hunting.

Key words: hunting anthropology, anthropogenesis, hunting, paleopsychology, reconstructive-analytical modeling, hunting sociology, hunting socialization

Мы продолжаем придерживаться сквозной структуры, придавая каждой мысли, каждому фрагменту свой последовательный идентификационный код [6].

4. Палеопсихология и реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности.

4.1. У Л. Шестова обнаружил такой фрагмент: «Наше мышление есть, по самому существу своему – оглядка. Оно родилось из страха, что за нами, под нами, над нами есть что-то, что нам угрожает... мышление с его вечными страхами перед возможностью неожиданного» [22]. Не совсем принимаю эту версию. Что-то в ней есть и древнее, архаичное, но есть и отпечаток более поздних (цивилизованных) эпох. Ощущается пласт христианского времени и мироощущения. У архаичного человека были свои страхи, страсти, своё мироощущение и адаптация к миру природы, в котором ему было намного комфортнее, чем современному человеку.

4.2. Ранее в «Апологии охоты» высказал версию, что с помощью методов реконструктивного моделирования возможно восстановить и проследить влияние различных способов и разновидностей охоты (охоты на разные

⁶ Опубликовано: Винобер А.В. Антропология охоты: конспекты и размышления. Очерк второй / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. №13 (25). С.47-52.

объекты) на развитие определенных особенностей орудийной, коммуникативно-речевой деятельности на психику и интеллект современного человека. К сожалению современной антропологии мало дела до проблемы реконструктивно-аналитического моделирования эволюции охотничьего прошлого человека.

4.3. В.В. Бунак неоднократно отмечал, что охота на крупных животных расширила круг форм поведения и способствовала развитию интеллекта и увеличению размеров головного мозга [5]. Связь между развитием интеллектуальных функций и охотой – несомненно существует.

4.4. Неандертальцы не так уж сильно отличались от современных людей и социальные связи у них были ярко выражены [9]. Стремление части современных антропологов выкинуть неандертальцев из числа наших предков или превратить их в трупоедов – это такая же блажь, как современная борьба с охотой и попытка изгнать её из общественной жизни (производственной, социальной и прочей) современного человека. Со временем, эти течения объединятся и будут утверждать, что люди произошли от голубых инопланетян...

4.5. Многие тысячелетия (десятки, сотни тысяч лет, может быть – 1,5-2 млн. лет и больше) охота создавала громадное количество неожиданных экстремальных ситуаций – так формировался ум современного человека.

4.6. Шимпанзе иногда охотятся, будучи насыщены растительной пищей, либо в одиночку, либо группами, координируя свои действия [21].

4.7. Часто, говорят и пишут о роли животноводов-кочевников в формировании цивилизации (хунну, гуннов, сяньбийцев, тюрков и монголов) забывают, что, кроме прочего, у них – каждый воин был охотник, именно конно-верховой охотник, с детства проходивший охотничью социализацию. В 11 лет Хубилай подстрелил зайца, а в 9 лет – Хулагу – подстрелил оленя. И Чингисхан производит обряд посвящения своих внуков в охотники...

4.8. Еще И.Л. Андреев отмечает, что механизм протосоциализации едва ли не менее всех других аспектов антропосоциогенеза раскрыт современной наукой [1].

4.9. Вся жизнь первобытной общины была неразрывно связана с эксплуатацией ею территории, где создавалось своего рода сообщество: социобиоценоз. Для реконструкции необходим комплексный анализ не только самой стоянки, но и её непосредственного природного окружения, характеристика местности и распределение ключевых ресурсов (воды, топлива, источников каменного сырья, мест скопления растительной пищи и промысловых животных) [9].

4.10. Палеолит – это поистине эпоха «всех начал» : именно здесь таятся корни искусства, религии, семьи, социальной организации. Реконструкцией социального устройства палеолитического общества занимается палеосоциология [9].

4.11. Никогда не следует забывать, что первобытный человек глубоко отличается от нас, и в первую очередь, от наших идей и понятий. Леви-Брюль очень верно подметил: «Ни одно существо, ни один предмет, ни одно явление природы не является в представлениях (коллективных) первобытных людей тем, чем они кажутся нам» [15].

4.12. Физически и физиологически наши древние предки существенно превосходили современного человека: «Располагая примитивными орудиями, предки человека могли успешно бороться с крупными животными только при громадном развитии специальных навыков, далеко превосходящих навыки, необходимые для успешной охоты хорошо вооруженного современного человека» [4].

4.13. В реконструкции интеллектуального развития первобытного человека - большой разброд версий и гипотез, основанных на субъективных предпочтениях исследователей. А.А. Котляровский утверждал, что «животный эпос мог возникнуть не в тревожном быте звероловов, не допуская разумно-

нравственного начала в зверях и относившихся к ним враждебно...» [12]. А.П. Окладников и В.Е. Ларичев считали, что у обитателей Мальты и Бурети уже существовал сложный мир идей и представлений, связанный с животным миром, где родовые тотемы были антропоморфны [18, 14].

5. Современная социология охоты.

5.1. Парадоксально, но факт: противоречивый и грандиозный XX век, совершивший мощную научно-техническую революцию – оставил за бортом своего внимания такой уникальный биопсихосоциальный феномен как охота.

5.2. Развитие социологии охоты чрезвычайно актуально для нашего времени – чтобы изменить негативные общественные тенденции по отношению к охотнику, охоте и охотничьему хозяйству [2,3].

5.3. Один из главных парадоксов нашего времени – люди, лучше знающие и любящие реальную природу, и много делающие для её сохранения, оказываются под тотальной критикой «комнатных природолюбов», в большинстве случаев не знающих глубинных взаимосвязей в природе и видящих её, в основном, по телевизору и в интернет, навязывающих в весьма агрессивной форме, свои взгляды и ценности по отношению к природе тем, кто в ней реально живет...

5.4. Но пока – наши отечественные социологи – вовсе не озабочены доказательством огромного социального значения охотничьей отрасли. И потому – развитие социологии охоты – это забота российского охотоведения. Крайне важно, чтобы число исследований и публикаций о социальном значении охоты и охотничьего хозяйства не оставалось редкостью в отечественном охотоведении (Е.Е. Сыроечковский, Ю.И. Касаткин, С.П. Матвейчук, С.Н. Линейцев, В.В. Козлов, В.В. Дежкин, М.Н.Андреев, Г.И. Сухомиров, Н.В. Краев и др.) [20, 10, 17, 16, 8, 11, 1, 19, 13].

5.5. Будущее охотничьей культуры и охотничьей отрасли в развитии всеми охотничьими общественными объединениями и клубами различных форм и

структур охотничьей социализации, и в первую очередь – школ юных охотников и профессиональных охотников.

5.6. Процесс охотничьей социализации, это не разовое, одномоментное мероприятие, а постоянный составной компонент многолетней охотничьей деятельности, предполагающей изучение, познание составных элементов процессов охоты и поддержания устойчивого психологического и физического состояния охотника [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества (современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). М; Мысль, 1982 – 304 с.

2. Андреев М.Н. Охотничьи демография и социология как науки об охотничьем населении в сб. «Сохранение разнообразия животных и охотничье хозяйство России» - М., 2005. С. 21-25

3. Андреев М.Н., Краев Н.В., Краева В.Н. Государственная политика в сфере охоты и охотничьего хозяйства: история и современность. – Киров: ГНУ ВНИИОЗ им. проф. Б.М. Житкова Россельхозакадемии, 2013. – 152 с.

4. Будыко М.И. Глобальная экология. – М.: Мысль, 1977. – 327 с.

5. Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980 – 328 с.

6. Винобер А.В. Антропология охоты: конспекты и размышления. Очерк первый / А.В. Винобер. // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. № 12К (24). Прил.: Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 7-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 12-13 декабря 2017 г.). С. 48-57.

7. Винобер А.В. Апология охоты (Краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск: Оттиск, 2016. - 100 с.

8. Дежкин В.В. Промысловая Россия и возможности её возрождения / В.В. Дежкин // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства : материалы Междунар. научн.-практ. конф., посвящ. 80- летию ВНИИОЗ (28-31 мая 2002 г.) . – Киров, 2002. – С. 33-35

9. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.

10. Касаткин Ю.И. О монистическом взгляде на охоту. Избранные работы, Киров, 1983 – 53 с. рукопись

11. Козлов В.В. К оценке современных форм охотпользования / В.В. Козлов // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию ВНИИОЗ (28-31 мая 2002 г.). – Киров, 2002. – С. 46-48

12. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. - 269 с.
 13. Краев Н.В. Ключевые проблемы охотхозяйственной отрасли // Биологические ресурсы: состояние, использование и охрана : сб. – Киров: ФГБОУ ВПО Вятская ГСХА, 2015.
 14. Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. – ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993 . – 287 с.
 15. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении.- М.: Педагогика – Пресс, 1994 – 608 с.
 16. Линейцев С.Н., Рассолов А.Г. Оптимизация охотхозяйственного природопользования таежной зоны Сибири. – Абакан, ООО «КООП «Журналист», 2001. – 88 с.
 17. Матвейчук С.П. Российское охотоведение и проблемы организации охотничьей деятельности: автореф. дис. - Киров, 2000-24 с.
 18. [Окладников А.П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья \(к исследованиям в Бурети 1936-1939 гг.\)](http://arheologija.ru/okladnikov-novyie-dannyye-o-paleoliticheskom-proshlom-pribaykalya-k-issledovaniyam-v-bureti-1936-1939-gg/) [Электронный ресурс] // Археология : сайт. – Режим доступа: <http://arheologija.ru/okladnikov-novyie-dannyye-o-paleoliticheskom-proshlom-pribaykalya-k-issledovaniyam-v-bureti-1936-1939-gg/> (дата обращения 20.04.2017)
 19. Сухомиров Г.И. Таежное природопользование на Дальнем Востоке России. – Хабаровск: РИОТИП, 2007 – 384 с
 20. Сыроечковский Е.Е., Рогачева Э.В., Клоков К.Б. Таежное природопользование. – М.: Лесн. пром-ть, 1982. – 288 с.
 21. Фридман Э.П. Приматы. - М.: Наука, 1979.— 216 с.
 22. Шестов Л. Сочинения в 2-х т. Т. 1. Томск : Водолей, 1996. 512 с.
-

УДК 572 : 639.1

АНТРОПОЛОГИЯ ОХОТЫ: КОНСПЕКТЫ И РАЗМЫШЛЕНИЯ. ОЧЕРК ТРЕТИЙ⁷

Продолжая тему небольших очерков-эссе, начатую в двух прежних публикациях, настоящий очерк посвящен двум важным монографиям и одному учебному пособию, имеющим серьезное значение в современном образовании биологов-охотоведов: Е.Н. Панов «Человек стреляющий» (2019), Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. «У истоков человеческого общества» (1993), В.И. Машкин «Природа поведения человека и животных» (2016)

Ключевые слова: антропология охоты, антропогенез, охота, охотничье оружие, реконструктивно-аналитическое моделирование

THE ANTHROPOLOGY OF HUNTING: NOTES AND REFLECTIONS. THIRD ESSAY

Continuing the theme of small essays-essays, started in two previous publications, this essay is devoted to two important monographs and one textbook that have serious significance in the modern education of biologists-hunters: E. N. Panov "Man archer and shooter" (2019), Butovskaya M. L., Feinberg L. A. «At the sources of human society» (1993), V. I. Mashkin "Nature of human and animal behavior" (2016).

Key words: hunting anthropology, anthropogenesis, hunting, hunting weapons, reconstructive and analytical modeling

Продолжая тему небольших очерков-эссе, начатую в двух прежних публикациях [2, 3], настоящий очерк мы посвящаем двум важным монографиям и одному учебному пособию, имеющим серьезное значение в современном образовании биологов-охотоведов (нумерация глав и постулатов продолжает ранее установленную последовательность [2, 3]).

6. «Человек стреляющий».

Взяли в кавычки по случаю появления в прошлом, 2019 году, серьезной фундаментальной монографии Е.Н. Панова «Человек стреляющий» [5]. Признаюсь честно, сам не видел монографии и не читал, но ознакомился с содержанием, и, зная, что Е.Н. Панов – ученый основательный, можно сказать, классический, а ргіогі считаю этот труд заслуживающим самого пристального внимания ученых-охотоведов и весьма полезным в процессе подготовки биологов-охотоведов нынешнего поколения.

⁷ Опубликовано: Винобер А.В. Антропология охоты: конспекты и размышления. Очерк третий / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2020. 2 (27). С.56-62.

На темы отдельных глав монографии решаюсь высказать свое мнение (которое может не совпадать материалами Е.Н. Панова) в расчете на то, что это будет стимулировать интерес к вышеназванной монографии и предоставит прекрасный повод моим оппонентам (явным и тайным) критиковать мои гипотезы и утверждения.

6.1. *О стирании граней между исходной функцией оружия (обеспечения белковой пищей) и вторичной, возникшей на коренных изменениях в социуме, когда оружие становится боевым.*

Мое убеждение: как только человек обрел первое оружие, увесистые необбитые окатанные камни, удобно помещающиеся в правой (или левой) руке, он начал их использовать не только в охоте на мелких и средних животных, но и в обороне стада от хищников, а несколько позднее – при нападении и обороне в стычках с подобными себе стадами двуногих. Вероятно, что *Homo Habilis* использовал это оружие, как говорят «в полный рост». То есть, использование увесистых окатанных камней, удобных для метания одной рукой, как охотничьего так и боевого оружия, мы бы отнесли ко времени не позднее 1,5-2 млн. лет назад.

В Главе 2 «Рука бросающая» вероятно, что-то об этом говорится, но мы пока не знакомы с точкой зрения Е.Н. Панова, высказываем только свою.

6.2. Во введении есть такой фрагмент: «скорее падальщики, чем охотники». Мы ранее неоднократно высказывали свою точку зрения по этому вопросу. Вопреки умозрительным аргументам Б.Ф. Поршнева, мы считаем, что древние наши предки были по-преимуществу охотники, чем собиратели-падальщики (или некрофаги, каннибалы) – только постоянная охота могла способствовать такой интенсивной эволюции предков человека, доведя его до стадии *Homo Sapiens*. Все прочие занятия, как собирательство, в т.ч. падали, служили лишь дополнением к рациону, особенно при отсутствии охотничьей добычи.

6.3. Вероятно, что ранее копья, могло появиться мало изученное оружие – охотничья дубина, которое можно было ловко использовать при охоте на водное животное или подкрадываясь к отдыхающему животному, которое небыстро бегало и не обладало большой стартовой скоростью. Вероятно, что охотничья дубина успешно использовалась при обороне от хищников и еще более – в стычках с себе подобными двуногими (не говоря уже об обезьянах).

6.4. *Разнообразие способов охоты и их специализация* – богатейшая тема для реконструктивно-аналитических исследований. Только в ушедшем XX веке мы утратили опыт многих способов и приемов охоты, и продолжаем терять, потому как «длинный ствол с оптикой» и вездеходами успешно заменяют тактику и приемы прежних традиционных охот.

6.5. *Когда начали охотиться на крупного зверя?* Систематически – уже в нижнем и среднем палеолите.

6.6. *«Были ли палеоиндейцы кловис охотниками на мамонтов и мастодонтов?»* На мамонтов – безусловно, да. Они за ними и пришли (сопровождая мигрирующие стада) в Северную Америку. А мастодонты к тому времени практически вымерли – разве что замороженные туши обнажались из подо льда...

6.7. *«Богатая добыча – редкое событие в жизни бушменов»*. Также можно было написать: богатая добыча – редкое событие в жизни индейцев-охотников на бизонов (в конце XIX века). Мы можем только догадываться – какая богатая добыча была у тех же бушменов и индейцев 500 лет назад и тем более – 1000 лет назад. Пришествие «белой цивилизации» сильно изменило охотничью фауну в Африке, в Северной и Южной Америке, в Австралии, Новой Зеландии...

6.8. *«Гипотеза перепромысла. Можно ли считать охотников позднего плейстоцена виновниками вымирания мамонтов»*. Основная причина, по нашему глубокому убеждению, резкие изменения климата и экологических условий обитания. Охотников в то время было не так много и численность

(рост) населения – это следствие цивилизации и общества потребления. Охотники могли только «добывать» оставшихся в рефугиумах малочисленных мамонтов, которые не могли успешно воспроизводиться, так как условия обитания были неблагоприятными для конкретного вида.

6.9. *«Организация рейдов в стан противника»* – уже была в нижнем палеолите, возможно, и ранее. Так что истоки «боевых набегов» с охотничьими дубинами – это вполне неандертальская тема.

6.10. *«Личное оружие – квинтэссенция самоидентификации мужчины»*. Без сомнения – очень древняя тема. Уже камень подбирался «под себя», не говоря о дубине и копье.

6.11. *Как поделить добычу охотника между всеми членами общины*. Альтруизм и эгоизм присущи нашим предкам были изначально, как и человекообразным обезьянам. Поэтому, читайте приматологию и поведение обезьян – это весьма близкая картина поведения наших предков.

6.12. И много других интересных тем и вопросов. Вывод: читайте «Человека стреляющего» Е.Н. Панова и размышляйте над своими гипотезами.

7. *«Природа поведения человека и животных»*. Так называется учебное пособие для магистрантов, подготовленное В.И. Машкиным (Киров, 2016) [4].

В целом - работа читается с большим интересом и видно, что автор «вложил душу» и хотел передать свое понимание и отношение молодому поколению. Ограничимся несколькими субъективными замечаниями по фрагментам, которые мы считаем спорными.

7.1. *«Примерно 10 тыс. лет назад человек проникает в Австралию»* (С. 12). Многие исследователи считают, что это произошло гораздо раньше, а именно – 60-40 тыс. лет назад.

7.2. *Кроманьонцы были гораздо более развиты, чем неандертальцы, и «эволюция человека вышла из под контроля биологических факторов и приобрела социальный характер»* (С.12). Мы считаем, что и в настоящее время для большинства населения земли биологические факторы определяют

эволюцию и повседневную жизнь, а социальный характер играет решающую роль в более редких случаях (например, родиться в королевской семье или в семье олигархов).

7.3. *«Использование огня практически полезно, но тяга к огню у человека бессознательно инстинктивна. Это единственный инстинкт, которого не знают звери»* (С.13). Тем не менее, бабочки постоянно летят на огонь и гибнут в нем, а молодой медведь подходит ночью к таежному костру, чтобы посмотреть «как дрыхнут двуногие и нельзя ли у них чем-нибудь поживиться»...

7.4. *«Человек начал свой путь на Земле, имея единственную экологическую нишу – нишу собирателя»* (С.14). Надо сказать, что будучи собирателями, они бы далеко не ушли от своей африканской прародины. Только наличие навыков охоты развило интеллект древнего человека и позволило ему расселиться по материкам.

7.5. *«Разные популяции людей специализировались в разных направлениях – охоты, земледелия и скотоводства, и процесс этот шел параллельно»* (С. 18). Общеизвестно, что неандерталец был выдающимся охотником на пещерных медведей и многую другую дичь. Где тогда было земледелие и скотоводство – просто не понятно.

7.6. *«Коллективная охота на крупных животных началась 30-40 тыс. лет назад... Около полутора миллионов лет охота являлась всего лишь вспомогательным занятием человека, а добычей становились мелкие звери. Период же охот на крупных животных, как главного занятия, настал поздно, около 30-40 тыс. лет назад»* (С. 19). Думаем, что если бы 200-300 тысяч лет назад эта информация стала известной неандертальцам – они бы сильно удивились. Бросили бы мелкую дичь и пошли искать племена скотоводов и земледельцев...

7.7. *«Человек каменного века был истребителем фауны. В период «плейстоценового перепромысла» в Северной Америке за 3000 лет исчезло*

около 50 видов млекопитающих и 40 видов птиц» (С. 20). Мне вообще трудно представить как редкие племена индейцев носятся по всей Америке пешком и истребляют повсюду 50 видов млекопитающих и 40 видов птиц... Но вполне легко представить, как «белые люди» с «длинными стволами» из окна поезда сотнями и тысячами расстреливали бизонов...

7.8. *«Моральная норма у человека возникла на разумной основе и случайно оказалась похожей на инстинктивный запрет животного» (С. 54). ... И с тех пор разумно-моральные люди нещадно истребляют друг друга, и особенного прогресса достигли в этом истреблении в XX веке, во время первой и второй мировой войны, изобретя высоко моральное оружие массового уничтожения.*

8. *«У истоков человеческого общества (поведенческие аспекты эволюции человека)». Здесь мы обращаемся к фундаментальной классической работе М.Л. Бутовской и Л.А. Файнберга, изданной в 1993 [1] году, в некоторой степени потому, что В.И. Машкин, видимо, её не читал, так как не рекомендует своим магистрантам (её нет в списке рекомендованной литературы). Мы, в свою очередь, настоятельно бы рекомендовали её не только магистрантам, но и преподавателям, а также многим, кого интересует реальный генезис и эволюция человеческого поведения и его исключительная разумность.*

8.1. *«Социальность... можно рассматривать в качестве универсальной адаптации животных к среде обитания... Пластичность социальной организации может рассматриваться как одна из причин, обеспечивающих приматам быструю приспособляемость к разным внешним воздействиям».*

8.2. *«Изучение регуляции отношений особей в группе и факторов повышения групповой стабильности у приматов представляет большой интерес для исследователей антропосоциогенеза. При этом следует помнить, что многие из наиболее социальных животных нередко и более агрессивны – обладают значительно развитой способностью наносить серьезные повреждения. В этих условиях неизбежно должны были возникнуть механизмы, контролирующие агрессию и ограничивающие её последствия».*

8.3. *«Стадо павианов анубисов состоящее из 49 павианов (4 взрослых самцов, 18 взрослых самок, 17 голов молодняка и 10 детенышей) в течение 1032 часов поймали и съели 47 животных, среди которых были зайцы, карликовые газели-томми, детеныши более крупных видов антилоп. За ними охотились как специально, так и случайно, когда они попадались на пути. В среднем за каждые 22 часа наблюдения убивалось одно животное».*

8.4. *«У приматов, в частности шимпанзе, имеются хорошо развитые навыки коллективной охоты. Особи этого вида регулярно охотятся и регулярно потребляют мясную пищу».*

Это всё к теме «человек-собиратель» и когда появилась охота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.

2. Винобер А.В. Антропология охоты: конспекты и размышления. очерк первый / А.В. Винобер. // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. № 12К (24). Прил.: Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 7-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 12-13 декабря 2017 г.). С. 48-57

3. Винобер А.В. Антропология охоты: конспекты и размышления. Очерк второй / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. №13 (25). С.47-52.

4. Машкин В.И. Природа поведения человека и животных: учебное пособие для магистрантов – Киров: Вятская ГСХА, 2016. – 154 с.

5. Панов Е.Н. Человек стреляющий. Как мы научились этому. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2019. 483 с

ОХОТА И МИГРАЦИИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ⁸

Многообразие миграций древних охотников палеолита - это одна из актуальнейших тем современной антропологии, находящаяся в самой начальной стадии своей разработки. Междисциплинарный системный подход и многовариантное реконструктивно-аналитическое моделирование на основе данных разных научных дисциплин, в том числе, палеогенетики - могут принести нам немало удивительных открытий и существенно обновят картину антропо- и социогенеза. Миграции древних людей (от *H. Erectus* и *H. Habilis* и позднее) носили разнообразный характер. Они имели сезонную цикличность и широкий ареал, а также циклическую обусловленность, связанную с многолетними климатическими колебаниями. Это наиболее сложный, но также и наиболее перспективный вопрос для реконструктивного моделирования миграций древнего человека. Верхний палеолит характеризуется подвижной динамикой климата: наступлением и отступлением ледников, интенсивными миграциями животных. Проживание в суровых климатических условиях заставляло активно двигаться, добывать зверя, изобретая все новые приемы и снасти («необходимость обостряла разум»). В связи с миграциями животных и параллельными миграциями человеческих племен возрастало число новых объектов охоты, которые требовали новых знаний и новых навыков. Ареал распространения охотничьих новшеств по технике добывания охотничьих животных резко увеличился. В верхнем палеолите искусство охоты, совокупность навыков и умений для успешной добычи любого зверя достигло своего высшего уровня.

⁸ Опубликовано: Винобер А.В. Охота и миграции в верхнем палеолите / А.В. Винобер // сб. материалов XIII Конгресс антропологов и этнологов России. Казань, 2–6 июля 2019 г. – Москва; Казань: ИЭА РАН, КФУ, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. - С. 146.

ПАЛЕОПСИХОЛОГИЯ И ПАЛЕОСОЦИОЛОГИЯ ОХОТЫ – НЕОБЪЯТНОЕ ПОЛЕ РЕКОНСТРУКТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ⁹

Автор отмечает, что в отечественной советской и российской науке было немало ученых, исследовавших тему охотничьего прошлого человека и влияние охоты на становление человеческого общества и цивилизации. Но среди археологов, антропологов и иных исследователей палеолитического и неолитического прошлого имеется немало противников значения охоты в формировании человека и человеческого общества, как и исследователей, которые изображают фантастические истребительные охоты, в результате которых, якобы, исчезли объекты палеолитической охоты. Одним из таких выдающихся отрицателей значения охоты был известный советский ученый, историк-медиевист Б.Ф. Поршнев, некоторые высказывания которого анализирует автор. Палеопсихология, на наш взгляд, сложная, системная реконструктивно-аналитическая отрасль психологии, в значительной степени выходящая за пределы самой психологической науки.

Ключевые слова: палеопсихология, палеосоциология, антропология охоты, палеолит, неандерталец, реконструктивно-аналитическое моделирование

PALEOPSYCHOLOGY AND PALEOSOCIOLOGY HUNTING – AN IMMENSE FIELD OF RECONSTRUCTIVE-ANALYTICAL MODELING

The author notes that in the Soviet and Russian science there were many scientists who studied the theme of the hunting past of man and the influence of hunting on the formation of human society and civilization. But among archaeologists, anthropologists and other researchers of the paleolithic and neolithic past, there are many opponents of the value of hunting in the formation of man and human society, as well as researchers that depict fantastic fighter hunting, which supposedly vanished objects of Paleolithic hunting. One of these prominent deniers of the value of hunting were the well-known Soviet scientist, medievalist B. F. Porshnev, some statements which the author analyze. Paleopsychology, in our view, a complex system reconstructive-analytical branch of psychology largely outside of psychological science.

Key words: paleopsychology, paleosociology, the anthropology of hunting, Paleolithic, Neanderthal, reconstructive-analytical modeling

Известные американские антропологи Уильям Лафлин и Шервуд Уошберн утверждали, что охота была настоящей школой всего человеческого рода. Мы полностью разделяем эту точку зрения [5, 6] и считаем, что в отечественной советской и российской науке было немало ученых,

⁹ Опубликовано: Винобер А.В. Палеопсихология и палеосоциология охоты – необъятное поле реконструктивно-аналитического моделирования / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. - 8 (20). - С. 121-129.

исследовавших тему охотничьего прошлого человека и влияние охоты на становление человеческого общества и цивилизации [1, 2, 14 и др.].

О влиянии охоты на развитие психики, интеллекта человека и эволюцию многих человеческих качеств немало интересного высказали в своих работах Андреев И.Л., Бунак В.В., Урысон М.И., Сергеев Б.Ф. и др. Б.Ф. Сергеев отмечал, что развитие ориентировочно-исследовательской деятельности в филогенезе изучено совершенно недостаточно (с чем трудно не согласиться – А.В.). Некоторые сомнения вызывает только утверждение, что мозг современного человека и нашего далекого предка за последние 100 тыс. – 1 млн. лет не претерпел существенных изменений [15]. Но трудно опровергнуть эту гипотезу, потому как мозгов такой давности не сохранилось, а всевозможные слепки эндокранов палеолитических черепов наших далеких предков не говорят нам о реальном содержимом, кроме объема серой массы.

Охотничья деятельность развивалась тем успешнее, чем точнее ориентировались в пространстве древние гоминиды, чем выше становилась быстрота их реакций и других связанных актов поведения. [4]

М.И. Будыко, замечательный отечественный ученый, так много сказавший нам о предстоящем глобальном климатическом изменении, уже в прошлом веке, в 70-80-е годы также очень верно высказался об охотничьем прошлом: «... Располагая примитивными орудиями, предки человека могли успешно бороться с крупными животными только при громадном развитии специальных навыков, далеко превосходящих навыки, необходимые для успешной охоты хорошо вооруженного современного человека» [3].

Об этом же ранее говорил М.И. Урысон: «Суровая борьба с природой, опасности, подстерегавшие человека на каждом шагу, особенно со стороны хищников, вызывали необходимость совершенствования средств охоты для обеспечения себя пищей» [16].

Археологи обычно фиксируют в качестве артефактов каменный инвентарь обитателей палеолита, совершенно не задевая пласт инженерно-

конструктивной мысли, обеспечивающей создание ловчих ям, деревянных конструкций ловушек, не говоря о стратегии и тактике облавных охот, и многих других навыков и изобретений древнего человека, оставшихся в протоистории.

Нельзя не сказать и о том, что среди археологов, антропологов и иных исследователей палеолитического и неолитического прошлого имеется немало противников значения охоты в формировании человека и человеческого общества, как и исследователей, которые изображают фантастические истребительные охоты, в результате которых, якобы, исчезли мамонты, пещерные медведи, шерстистые носороги и иные объекты палеолитической охоты.

Одним из таких выдающихся отрицателей значения охоты был известный советский ученый, историк-медиевист Б.Ф. Поршнев, написавший в свое время весьма оригинальную работу «О начале человеческой истории».

Б.Ф. Поршнев, в сознании некоторых своих последователей и почитателей, считается едва ли не первым и главным теоретиком науки палеопсихологии.

Сам Б.Ф. Поршнев был убежден в том, что обладает значительной глубиной знаний в области физиологии высшей нервной деятельности человека и в этологии животных, в чем мы серьезно можем сомневаться в результате внимательного прочтения его основного труда «О начале человеческой истории».

Во-первых, определенная научная эрудиция в сфере физиологии высшей нервной деятельности, которую демонстрирует уважаемый нами автор, во многом напоминает воинствующую полемику 30-50-х годов прошлого века в СССР, где смело свергались любые мировые авторитеты.

Во-вторых, есть определенные аксиомы, служащие основанием всей теории. И если эти аксиомы являются сугубо умозрительными и при том игнорирующими богатый предшествующий опыт науки, и даже обыденный

здравый смысл – мы никак не можем согласиться и принять последующие теоретические рассуждения автора, основанные на весьма сомнительных, и даже ложных (не выдерживающих элементарной критики) аксиомах.

Приведем несколько таких примеров высказываний Б.Ф. Поршнева, носящих аксиоматический характер.

1. «Я полностью исключил представление об ископаемых троглодитидах (неандертальцах – А.В.) как охотниках... А ведь именно такое представление с необходимостью влечет приписывание им тех или иных свойств по аналогии с человеком» [12].

В течение последних 150 лет археологами, палеоантропологами и антропологами зафиксировано огромное число артефактов подтверждающих, что неандерталец был успешным охотником и эффективно владел технологией и искусством охоты.

2. «Мы имеем право утверждать, что троглодитиды (неандертальцы) и не могли бы убивать, ибо им это запрещал жизненный инстинкт – абсолютный, не допускающий исключений. Те популяции, которые нарушали бы эту биологическую норму поведения по отношению к животной среде, вымерли бы, иными словами, «не убивать» - это был наследственный безусловный рефлекс, врожденный видовой закон, безоговорочно закрепленный естественным отбором, а не навык, от которого особь могла бы отвыкнуть» [12].

Здесь мы можем только порекомендовать последователям ознакомиться с работой выдающегося этолога Конрада Лоренца [10], с которой автор теории «абсолютно мирных монашествующих неандертальцев» (А.В.) видимо не имел возможности познакомиться.

3. «Хищные не могут долго выдерживать взгляд человека... Представим себе, что еще не умея говорить между собой, троглодитиды (неандертальцы) могли адресовать каким-либо животным зримые или слышимые тормозные

сигналы, типа интердикции, которые в нашей сегодняшней речи преобразовались во что-нибудь вроде «кыш», «фу», «брысь»...» [12].

Как можно понять из выше озвученного утверждения, миролюбивые неандертальцы с помощью гипноза и убедительных выражений, могли прогонять пещерных медведей и саблезубых тигров. Это утверждение сильно похоже на мистическое или фантастическое явление, с которым невозможно согласиться, обладая знаниями по этологии хищных животных.

4. «Первобытный человек был еще более несвободен, чем раб: он был скован по рукам и ногам невидимыми цепями... родоплеменных установлений, традиций, обычаев, представлений. Рабство – шаг вперед, ибо первобытный не догадывается о своем ярме, а раб догадывается...» [12].

Данное аксиоматическое высказывание явно отталкивается от марксистско-ленинской теории развития общественных формаций. Но если прибегнуть к аналитическому сравнению: кто есть раб и кто есть палеолитический (первобытный) человек, то трудно, находясь в здравом уме, признать такую свободу раба. Впрочем, это заблуждение является довольно широко распространенным у этнографов и антропологов XIX и XX веков. Они в данном случае забывают, что изучаемые традиционные общества обладают большей степенью консервативности, по сравнению с обществами палеолитического человека, который жил в менее консервативном коллективе, более открытом для изменений, иначе просто не было бы неолита и последующих ступеней общественного развития.

5. «Психические больные люди – это воспроизведение отдельных черт палеоантропов» [12].

Если строго развивать эту аксиому, то все палеоантропы были психически больными и трудно тогда понять, как из них вырос психически здоровый современный человек.

Что касается основ палеопсихологии, то складывается впечатление, что в этой формирующейся (очень медленно) науке о прошлом, которую частенько

сводят к эволюционной психологии или приматологии, существует множество непроверенных и необоснованных фантазий и отвлеченных суждений, высказанных, например, классиками психоанализа.

Зигмунд Фрейд (большой, кстати, фантазер, импровизатор и мифолог) высказывал следующие мысли: «стадный инстинкт вообще не оставляет место вождю, вождь только случайно приходит в стадо... стаду не достает пастуха» [17].

Логика развития стада, если это не домашние животные, всегда требует вожака, а не пастуха.

«Человек – стадное животное: он является скорее животным орды, участником орды, предводительствуемой вождем... Подобно тому, как первобытный человек может ожить в каждом индивидуе, так и из любой человеческой толпы может быть воссоздана первобытная орда» [17].

Здесь, пожалуй, с некоторыми оговорками, с Фрейдом можно согласиться. Палеопсихология древнего человека присутствует в глубинах психики современного человека и в определенных случаях может выплескиваться на поверхность поведения, особенно, в экстремальных ситуациях.

Э.Фромм считал, что совершенно недопустимо сравнивать биологические и социальные феномены (в дискуссии с К.Лоренцом [10]) [18]. Тогда совсем не понятно – из чего выводить социальное, если не из биологического?

Палеопсихология, на наш взгляд, сложная, системная реконструктивно-аналитическая отрасль психологии, в значительной степени выходящая за пределы самой психологической науки. Потому что, помимо эволюционной психологии, психофизиологии высшей нервной деятельности, психогенетики, психологии развития и психологии личности, не считая психоанализа, психопатологии и психиатрии, просто необходимо будет погружаться в поле антропологии, этнографии, приматологии, зоопсихологии и этологии животных, ориентироваться в археологии и палеогенетике, не говоря о

палеолингвистике, биомеханике, нейропсихологии и многое иное, сейчас трудновообразимое, но вполне вероятное завтра...

Поэтому и не получает палеопсихология должного внимания в современной отечественной науке уже долгое время. Говорить о ней стали активно в 60-е годы прошлого века, но трудно создавать поле научных исследований на стыке разных, порой далеких друг от друга научных отраслей. Тем более, что актуальность проблемы (скажем, мегапроблемы) палеопсихологии выглядит сомнительной в глазах лиц, принимающих решения по финансированию новых научных направлений. Более заманчивым, для сравнения, может оказаться тема психологии искусственного разума, которую с удовольствием будут финансировать в рамках военно-промышленных прикладных исследований...

Однако, мы немного отвлеклись от главной линии.

Палеопсихология охоты – это весьма плодотворное научное направление, которое, собственно и составляет «сердцевину» или главную линию палеопсихологии.

Именно в палеопсихологии охоты можно получить в считанные годы потрясающие результаты для антропологии человека и для понимания всего сонма социально-психологических проблем современного человечества. В первую очередь, из-за большого удобства самого объекта – процесса – моделирования реконструктивно-аналитических закономерностей развития феномена охоты, включающего в себя параллельное моделирование этапов и особенностей становления человека разумного посредством охотничьего образа жизни.

Совсем рядом с палеопсихологией, а возможно, вместе в ней, окажется палеосоциология – научная дисциплина, занимающаяся реконструкцией социального устройства палеолитического общества [7].

Как утверждал в прошлом веке французский правовед и антрополог Н. Рулан [13]: «мы вынуждены довольствоваться ничтожно малым в знании о

временах, когда человечество «изобретало» общество. Никакие этнографические исследования не подтверждают никоим образом стадии первобытного промискуитета и лишь немногие авторы еще верят в само существование матриархата... В течение первой стадии эволюции, которая длилась сотни тысяч лет, человечество жило без права». Вот лишь часть спектра проблем, которые попадают в поле зрения палеосоциологии, и естественно, что они не могут быть решены без фундаментальных знаний по палеопсихологии охоты и всей палеопсихологии древнего человека. И без полноценной реконструкции эволюции психики и формирования моделей теорий мотивационного поля, функционального органа ЦНС и психики [8], и многое другое, что уже имеется сейчас и может появиться в ближайшее время.

И тогда мы сможем успешно работать над выяснением механизма протосоциализации [2], над реально правдоподобными схемами мышления и мировоззрения первобытного человека, включая разгадку смыслов духовного мира наших палеолитических предшественников [9, 11].

Поле реконструктивно-аналитического моделирования палеопсихологии и палеосоциологии представляется практически необъятным. Весь вопрос в том, как его превратить из виртуальной реальности в реальность конкретного научного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.
2. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). - Москва: Мысль, 1982. — 212 с.
3. Будыко М.И. Глобальная экология. – М.: Мысль, 1977. – 327 с.
4. Бунак В.В. Род НОМО, его возникновение и последующая эволюция. - М.: Наука, 1980. — 328 с.
5. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). – Иркутск: Оттиск, 2016. – 100 с.
6. Винобер А.В. Палеопсихология охоты и эволюция человека / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. - 6(18). - С. 60-66.
7. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.

8. Колесов Д.В. Эволюция психики и природа наркотизма. – М.: Педагогика, 1991. – 312 с.
 9. Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. – ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993 . – 287 с.
 10. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). - М. Прогресс. Универс. 1994. – 272 с.
 11. Окладников А.П. Открытие Сибири. - М.: Молодая гвардия, 1979. — 208 с.
 12. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М; Мысль, 1974. – 487 с.
 13. Рулан Н. Юридическая антропология. Учебник для вузов // Перевод с франц. Ответственный редактор – академик РАН, доктор юридических наук, профессор. С. Нерсесянц. – М.: Издательство НОРМА, 2000. – 310 с.
 14. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – 576 с.
 15. Сергеев Б.Ф. Ступени эволюции интеллекта. - Л.: Наука, 1986. - 192 с.
 16. Урысон М. И. Истоки рода человеческого в свете новейших данных. Вопросы истории, 1976, № 1.
 17. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Эксмо, 2016. — 96 с.
 18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. – 447 с.
-

УДК 1: 903:639.1.05

ПАЛЕОПСИХОЛОГИЯ ОХОТЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА¹⁰

Автор рассматривает некоторые гипотезы на выше обозначенную тему с позиций антропологии, археологии, зоопсихологии, приматологии.

Ключевые слова: палеопсихология охоты, антропология охоты, антропосоциогенез, психическая эволюция, палеолитический охотник.

PALEOPSYCHOLOGY HUNTING AND HUMAN EVOLUTION

The author considers some hypotheses on the above mentioned topic from the positions of anthropology, archeology, zoopsychology, primatology.

Key words: paleopsychology of hunting, anthropology of hunting, anthroposociogenesis, mental evolution, paleolithic hunter.

В первобытные эпохи происходило активное формирование человеческой психики.

Психическая эволюция гоминид, до появления человека разумного, составляет предмет палеопсихологии. [18]

Мироощущения древних предков трудно понять современному человеку, живущему в условиях цивилизации.

Французский ученый, философ и теолог Тейяр де Шарден, рассуждая о феномене человека в своей одноименной книге, выразил парадоксальное появление человека разумного следующим образом: «... ничтожный морфологический скачок и вместе с тем невероятное потрясение сфер жизни – в этом весь парадокс человека» [17].

В.И. Вернадский, выдающийся российский ученый и мыслитель XX века считал, что происхождение человека не является случайностью. Ведущим процессом для становления человека стала цефализация: за миллион лет (малый интервал в геологической истории) объем черепной коробки

¹⁰ Опубликовано: Винобер А.В. Палеопсихология охоты и эволюция человека / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. - 6(18). - С. 60-66.

увеличился почти вчетверо, а количество нервных клеток и усложнение мозга – в десятки раз» [13].

Советский археолог П.И. Борисковский предполагал, что человек выделился из животного состояния свыше 2,6 млн. лет назад, и что превращение обезьян в людей, стада животных в человеческое общество было очень длительным, сложным, противоречивым процессом, занявшим несколько миллионов лет и захватившим обширные территории» [2]. Распространение охоты, шедшее одновременно с очеловечиванием древних гоминид, способствовало кооперации, объединению людей в коллективном труде и развивало социальные связи в коллективе. Вероятно, древнейшие люди тратили большую часть времени на охоту.

По данным современной зоопсихологии, наши ближайшие родственники (шимпанзе), с которыми мы генетически разошлись не более 5-6 млн. лет назад, обладают навыками конструктивной деятельности и умеют планировать свои действия и манипулировать поведением сородичей.

Также зоопсихологи утверждают, что в способностях антропоидов и человека отсутствует резкий разрыв [8], и наиболее сложные психические функции человека в той или иной степени представлены у шимпанзе. И кроме прочего, шимпанзе любят охотиться и делают это очень умело [5].

Мнение отдельных культурологов о том, что «человек, лишенный свойственных животному безошибочных инстинктов – самое беспомощное из всех живых существ» [9]. Это мнение весьма далекое от знания возможностей наших древних предков. Уже человек умелый (2,5-1,8 млн. лет назад) имел в своем арсенале набор орудий (каменных, древесных, костяных) для успешной охоты не только на копытных, но и на серьезных хищников.

Также сомнительно утверждение, что палеолитические элементы психики можно обнаружить у современного человека только в патофизиологии мышления, сознания, памяти, восприятия и эмоциональной жизни. [16]

Мы считаем, что современный человек унаследовал от своих палеолитических предков не только патофизиологические проявления, но более всего – многие нормальные и жизненно необходимые функции своей психики, большей частью находящиеся в бессознательном и подсознательном отделах психики современного человека. Хотя, с утверждением, что вся психоистория (палеопсихология) проявляется в стрессовых ситуациях, можно вполне согласиться, если не учитывать более поздних приобретений человеческой психики.

В каждом случае – проявление древнего наследия психического происходит по-разному и сугубо индивидуально, но могут быть присущи и определенные типические филогенетические реакции. В частности, много говорят об архетипах, присущих коллективному бессознательному. Позднее мы тоже коснемся темы архетипов.

Как считают приматологи, этологические материалы могут оказаться полезными при решении широкого спектра вопросов истории первобытного общества, связанных с его зарождением и самыми ранними этапами развития [4].

Так, например, изучение поведения современных приматов позволяют пролить свет именно на ранние этапы антропосоциогенеза и определить условия возникновения орудийной деятельности у протогоминид и ранних гоминид [7].

Сообщество шимпанзе высоко организовано, а их «культура» - включает множество ритуализированных форм поведения, которые проявляются при встрече особей, принадлежащих одной или разным группам [11].

Теория «биологического тупика» и «сверхестественного» акта превращения зверя в человека посредством невротического бунта против реальности [3] – носит весьма умозрительный полет фантазии, приходящий к ученому в результате длительного нахождения в рабочем кабинете.

Предположение И.А. Андреева [1] о том, что «источником мутации, таким мощным, который подобно радиации может резко изменять и ускорять перестройку генофонда выступают стрессы», видится нам весьма убедительным и во многом подтверждается лабораторными опытами на животных.

Настолько же плодотворна и заслуживает доверия гипотеза «ароморфоза», т.е. повышения уровня биологической организации и адаптации в среде не столько через преобразование соответствующих органов, сколько путем перестройки структуры поведения [1].

Эмоции являются приспособительным механизмом, сформировавшимся за миллионы лет эволюции человека. Эмоциональные реакции – довольно сложное эволюционное приобретение человека, и нейрофизиологи предполагают, что в эмоциональных реакциях участвует вся нервная система. Рискнем высказать гипотезу, что объем эмоций, связанных с охотничьим прошлым, может составлять 70-90% общего фонда (арсенала) эмоций, имеющихся в психике современного человека.

Бытующее в среде антропологов и культурологов утверждение, что в верхнем палеолите сознанием обладал род, а не индивид [12] – эта гипотеза устарела и не выдерживает критики со стороны приматологов и зоопсихологов.

Уже в среднем палеолите мы можем по артефактам обнаружить следы индивидуальности в изготовлении каменных орудий, а в верхнем палеолите, где имеем среди артефактов великолепные образцы наскальной живописи, которые являются самым ярким проявлением и самовыражением индивидуальности – трудно говорить об отсутствии индивидуального сознания.

Предположение о том, что раннепервобытный человек еще принадлежал природе с её императивными поведенческими импульсами, но другая его часть как бы выпала из этой бессознательной животной правильности и произошел разрыв природного континуума [14], и таким образом произошло вычленение субъективного «Я» - мы бы тоже отнесли к плодам многолетних кабинетных

абстрактных построений. Процесс вычленения «Я» - уже присутствует у высших приматов, и наступает он не мгновенно, а постепенно, в ходе онтогенетического созревания и развития психики.

Известный исследователь Ян Линдبلاد высказал гипотезу о высокой вероятности того, что комбинация «звук-мысль» рождена охотничьим образом жизни или получила свое развитие с его началом. Линдبلاد также предполагал, что интонация, звукоподражание, создающее представление о животном или о его действиях – является каркасом, на котором выросла вторая сигнальная система [10].

Можно сказать, что устную речь вызвала к жизни охота... Для её планирования необходимо было согласие, и тут огромную роль должны была играть речь.

Идея Б.Ф. Поршнева о роли коммуникативного воздействия в ходе эволюционного формирования человека во многом совпадает с гипотезой Я.Линдблода [15]. И нам она кажется гораздо более убедительной, чем теория формирования человека в результате трудовой деятельности по оббиванию камней.

О том, что локальные коммуникации и конкретные представления гоминид перешли в членораздельное и речевое мышление в начале позднего палеолита, у нас имеются большие сомнения. Учитывая высокое развитие техники и технологии охоты у охотников среднего палеолита (более известных как неандертальцы [6]), мы считаем, что зачатки речевых функций и примитивная речь могла уже проявиться в среднем палеолите.

Ю.Линден отмечал, что имеется как минимум полтора десятка различных теорий о происхождении языка, каждая из которых имеет своих приверженцев [11].

На наш взгляд, все они касаются разного времени в эволюционном развитии человека. Как, например теорию развития языка в связи с изготовлением и использованием орудий труда, мы бы отнесли к самому

началу периода антропогенеза, как и теории звукоподражания и имитации звуков. Мы считаем, что имеет смысл рассмотреть гипотезу о влиянии многотысячелетнего опыта коллективной охоты на формирование ментального психологического поля, послужившего в дальнейшем основой для появления архетипов коллективного бессознательного – и весь этот процесс активно протекал на всем протяжении антропогенеза. Его реконструктивное моделирование могло бы принести новое осмысление особенностей формирования психики человека в онто- и филогенезе. В частности, мы могли бы получить ясное представление о причине проявления архетипов в различных стрессовых ситуациях. А также объяснить различие в проявлении механизмов инстинкта и архетипа.

Изучая эволюционное развитие человека на основе одних лишь артефактов (археология, палеонтология), мы существенно ограничиваем поле исследования, делая его плоским, точечным и фрагментарным. И слишком мало уделяем в исследованиях человеческой предыстории методу реконструктивно-аналитического моделирования. А реконструкция, как отмечал Ю.Линден (да и многие другие антропологи) – именно тот прием, с помощью которого человеческий разум копирует природу. Метод реконструкции позволяет человеку представить себе события, далеко отстоящие во времени и являющиеся основой абстрактного мышления [11, 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. (Современные методологические проблемы и критика немарксистских взглядов). - Москва: Мысль, 1982. — 212 с.
2. Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М.: Наука, 1980. — 240 с.
3. Бородай Ю.М. Эротика, смерть, табу: трагедия человеческого сознания. - М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996. — 416 с.
4. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.
5. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). Иркутск, 2016. 100 с.

6. Винобер А.В. Охотники палеолита: новые горизонты старой проблемы / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. - 5(17). – С. 43-53.
 7. Дерягина М.А. Манипуляционная активность приматов: (Этологический анализ в связи с проблемами антропогенеза). - М.: Наука, 1986. – 109 с.
 8. Зорина З.А, Полетаева И.И. Зоопсихология. Элементарное мышление животных. - М.: Аспект Пресс, 2002. — 320 с.
 9. Ионин Л.Г. Социология культуры. Учебное пособие. Институт Открытое об-во М.: Логос 1996. – 280 с.
 10. Линдبلاد Ян. Человек - ты, я и первозданный. - М.: Прогресс, 1991г. - 264 с.
 11. Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. Пер. с англ. Е. П. Крюковой под ред. Е. Н. Панова. - М.: Мир, 1981 — 272 с.
 12. Найдыш В.М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма. - М.: Гардарики, 2002. – 554 с.
 13. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
 14. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. - М.: Языки русской культуры, 1998. — 376 с.
 15. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
 16. Самохвалов В.П. Психический мир будущего. - Симферополь: КИТ, 1998. — 400 с.
 17. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987. – 240 с.
 18. Шкуратов В.А. Историческая психология. Уч. пос. 2-е изд. - М. 1997. - 505 с.
-

ОХОТНИКИ ПАЛЕОЛИТА: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ¹¹

Успехи палеогеномики в последние десятилетия позволили секвенировать геномы неандертальца, кроманьонца, а также денисовского человека, не говоря уже об охотничьих животных палеолита: мамонте и пещерном медведе. Это позволяет уточнить многие, ранее чисто умозрительные гипотезы об охотничьей деятельности в палеолите и более достоверно проследить пути многочисленных миграций охотничьих животных и древнего человека.

Ключевые слова: антропогенез, антропология охоты, миграции, палеолит, охота на мамонтов, неандерталец, палеогеномика, реконструкция.

THE HUNTERS OF THE PALEOLITHIC: NEW HORIZONS FOR OLD PROBLEMS

The success of paleogenomics in the last decades has allowed to sequence the genomes of the Neanderthal and Cro-magnon man and the Denisovsky person, not to mention hunting animals of the Paleolithic age: the mammoth and the cave bear. This allows us to clarify many previously purely speculative hypotheses about hunting activities in the Paleolithic and more reliably trace the path of numerous migrations of hunting animals and ancient man.

Key words: anthropogenesis, anthropology of hunting, migration, Paleolithic age, mammoths hunting, Neanderthal, paleogenomics, reconstruction.

Не так давно – всего три десятилетия тому назад – книга Фридриха Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» считалась одним из основных произведений марксизма и входила в обязательную программу изучения во всех высших учебных заведениях страны. Сейчас этот труд классика марксизма-ленинизма скорее воспринимается в ранге «преданий старины глубокой» - так стремительно развивается антропология и системное познание доисторического прошлого человека. И если в середине XX века, в реконструкции древнего прошлого доминировали исследования археологов и палеонтологов, то в начале XXI столетия – на передний план все чаще выходят генетика и молекулярная биология.

Фридрих Энгельс, опираясь на исследования Льюиса Г. Моргана, рисовал следующую картину «детства человеческого рода»: «Люди находились еще в местах своего первоначального пребывания, в тропических или субтропических

¹¹ Опубликовано: Винобер А.В. Охотники палеолита: новые горизонты старой проблемы / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. - 5(17). – С. 43-53.

лесах. Они жили, по крайней мере частью, на деревьях; только этим и можно объяснить их существование среди крупных хищных зверей. Пищей служили им плоды, орехи, корни; главное достижение этого периода - возникновение членораздельной речи... Это была низшая ступень дикости. Средняя ступень начинается с введения рыбной пищи и с применения огня – с этой новой пищей люди стали независимыми от климата и местности; следуя по течению рек и по морским берегам, они могли даже в диком состоянии расселиться на большей части земной поверхности (основное питание: рыба, корни, клубни – А.В.). Дичь, которая с изобретением первого оружия, дубины и копья, стала добавочной пищей, добываемой от случая к случаю. Исключительно охотничьих народов, как они описываются в книгах, то есть таких, которые живут только охотой, никогда не существовало; для этого добыча от охоты слишком ненадежна...». [32]

Картина любопытная и неоднозначная, хотя бы потому, что не было в конце XIX века технологии точной датировки историко-геологических и эволюционно-антропологических событий, и нам будет трудно оспаривать энгельсо-моргановскую реконструкцию доисторического прошлого.

Но вот последний абзац из цитируемого фрагмента «Происхождения...» вполне поддается анализу в рамках современной антропологической картины образа жизни древних (диких) людей. И по сей день в среде ученых антропологов ведутся дискуссии на тему: была ли охота постоянным занятием древнего человека, или он предпочитал питаться кореньями и плодами, предаваться некрофагии и людоедству, потому как это было более доступно, чем охота, и позволяло в течение десятков и сотен тысяч лет обеспечивать надежное питание для растущего и разбредаящегося по всей Земле рода человеческого...

«В последние десятилетия многие исследователи-этнографы, археологи и антропологи, высказывают мнение, что из разных форм труда, охота на крупных животных была определяющим фактором в становлении человека как

господствующего биологического вида и его культуры, глубоко повлияла на развитие бипедализма, техники, языка, дележа пищи. И всё это возникло не менее 2 млн. лет назад» [5].

М.И.Будыко, в книге «Глобальная экология», подчеркивает эту гипотезу: «Располагая примитивными орудиями, предки человека могли успешно бороться с крупными животными только при громадном развитии специальных навыков, далеко превосходящих навыки, необходимые для успешной охоты хорошо вооруженного современного человека» [2].

О том, что связь между развитием интеллектуальных функций и охотой несомненно существует отмечали Урысон М.И., Семенов Ю.И., Бунак В.В. [25, 22, 3].

Охотничья деятельность развивалась тем успешнее, чем точнее ориентировались в пространстве древние гоминиды, чем выше становилась быстрота их реакции. Облавная охота, возможная лишь при выполнении отдельными охотниками разных действий, при различном их размещении, требовала более тесного общения, а значит, и более разнообразных и многочисленных звуков и сигналов. [3]

М.И. Урысон считал, что уже австралопитековые добывали мясную пищу, активно охотясь на других животных. В пещерах, где обитали австралопитеки, найдены черепа ископаемых павианов, со следами ударов, нанесенных какими-то острыми предметами. Но основным объектом охоты австралопитековых были копытные животные, в особенности антилопы, большие скопления костей которых обнаружены в пещерах с костными останками австралопитековых. [25]

Учитывая богатство и разнообразие ситуаций, которые преподносила древним людям коллективная охота, имевшая место, скорее всего, в ежедневной активности гоминид, трудно согласиться с мнением «о монотонности их существования на протяжении тысячелетий, которая не могла способствовать быстрым изменениям в сфере мышления и языка» [1].

Если мы когда-то доберемся до реконструктивного исследования зрительного восприятия древних людей, или хотя бы охотничающих приматов (шимпанзе и павианов), мы обнаружим большое число сложных образов сознания, сформированное в процессе многократных и многотысячелетних эволюционно-экологических воздействий на зрительное восприятие предковых форм человека. [13]

Успехи палеогеномики в последние десятилетия позволили секвенировать геномы неандертальца, кроманьонца, а также денисовского человека, не говоря уже об охотничьих животных палеолита: мамонте и пещерном медведе [21, 30, 31]. Это позволяет уточнить многие, ранее чисто умозрительные гипотезы об охотничьей деятельности в палеолите и более достоверно проследить пути многочисленных миграций охотничьих животных и древнего человека.

Приматологи, исследуя разумное поведение шимпанзе, говорят о глубоких корнях некоторых технологических приемов уникальной ныне деятельности человека. [26]

Например, у шимпанзе и павианов имеются хорошо развитые навыки групповой охоты. Их кооперация при охоте представляет собой, по-видимому, пример самоусиливающегося, саморазвивающегося поведения. [5]

Как мы отмечали выше, охота могла существовать на предчеловеческой стадии, у австралопитеков (т.е. 4-5 млн. лет назад). И здесь трудно не согласиться со многими исследователями, считающими охоту мощнейшим и главным фактором интеграции первобытного коллектива. [22, 25, 3, 5, 14 и др.]

То есть, это говорит о том, что мы должны подвергнуть системно-моделирующей реконструкции весь этап гоминизации, продолжительностью не менее 5 млн. лет (по времени окончательного расхождения с наиболее близкими приматами (шимпанзе). И на этом отрезке эволюции гоминид решающую роль (вероятнее всего) играл фактор охоты.

С этой позиции совершенно по-новому можно оценить и исследовать проблему нахождения «олдовайского человека» в Якутии: обладая развитыми навыками охоты, *H. Habilis* вполне мог бы успешно выживать на значительной территории Сибири, и впоследствии воспроизвести своего потомка – денисовского человека.

Данные палеогеномики совершенно по-иному позволяют увидеть проблему взаимоотношения неандертальца и кроманьонца. Вполне вероятно, что окажется доказанным параллельное существование двух видов (а может быть, подвидов?) в течение нескольких десятков тысяч лет, и высокая вероятность скрещивания и производства потомства.

Как говорит палеогеномик Сванте Пэабо: «неандертальцы продолжают жить во многих из нас» [31 цит по: 21].

Совершенно недостаточно изучено развитие ориентировочной исследовательской деятельности в филогенезе человека: хотя, сомнительной выглядит гипотеза нейроантропологов, что мозг современного человека и нашего далекого предка за последние 100 тыс.-1 млн. лет не претерпел существенных изменений. [23]

П.П. Ефименко утверждал, что окончательно охота стала ведущей формой производственной деятельности в эпоху ашеля (от 1,5 млн. до 200 тыс. лет назад). [18]

Как мы уже отмечали выше – это могло произойти гораздо раньше. И тогда гипотеза Б.Ф. Поршнева о собирательстве падали выглядит чересчур умозрительной и неаргументированной. [20]

Б.Ф. Поршнев считал, что история собственно человеческая начинается около 15 тыс. лет назад, на рубеже неолита. А всё, что было ранее – это животные-падальщики. Феноменально-парадоксальная книга Поршнева «О начале человеческой истории» содержит много экстравагантных гипотез, и частично мы их рассматривали в наших предыдущих публикациях [6, 8, 9].

Особенно досталось неандертальцам, которые видятся Б.Ф. Поршневу недостойными существами. Впрочем, это уже давняя традиция – представлять неандертальца, как тупиковую ветвь, недостойную именоваться человеком. «Неандерталец жил не в одиночестве, охотился большими или малыми группами, но для сложного постоянного общения в крупном коллективе, видимо, не годился: был еще слишком зверем» [4, 10].

Мы категорически не согласны с подобной версией низведения одного из наших предков до стадии зверя – недоумка, тупого и свирепого, как часто рисуют его глубокие кабинетные мыслители.

То, что неандертальские гены присутствуют в геноме современного человека – достоверно доказанный научный факт. [21] И то, что их совсем немного (2-4%) еще потребует более адекватной интерпретации с точки зрения генетики, молекулярной биологии и реконструктивной палеогеномики. Это только начало реального открытия неандертальского человека, происходящее в течение двух десятилетий XXI века. Относительно небольшой след (2-4%) в геноме современного человека может говорить о том, что за последние 20-30 тыс. лет, как неандертальский человек катастрофически исчез с эволюционного горизонта, сменилось около тысячи поколений человека, которого мы называем разумным или современным. Но в течение непрерывной смены поколений генетический след неандертальца по-прежнему есть в наличии в нашем геноме. Возможно потому, что мы унаследовали от неандертальского предка жизненно важные гены, которую играют ключевую роль в фило- и онтогенезе человеческого организма? Поэтому, нам больше импонирует точка зрения, что «каждая особь вида – яркая индивидуальность», и что «социальность можно рассматривать в качестве универсальной адаптации животных к среде обитания» [5]. Просто мы иногда забываем, что человек современный – это всего лишь социальное животное с гипертрофированным представлением о своей социальности, и о своем уникальном человеческом интеллекте. Возможно, что серьезное изучение феномена охоты и его социальной

сущности, позволит нам более адекватно осмыслить процесс становления человека современного и его современной цивилизации [6, 7].

Междисциплинарные реконструктивные исследования последнего времени приносят новые и все более интересные подробности к портрету неандертальского человека. Например, при сравнении биомеханических особенностей локомоторного аппарата классического неандертальца и современного человека выясняется, что первый был приспособлен к спринтерскому бегу, характеризующемуся высокой начальной скоростью. Такая адаптация могла возникнуть как следствие особой охотничьей стратегии, заключающейся в подкрадывании к добыче и быстром броске на возможно более короткое расстояние. Вероятно, с такой стратегией связано отсутствие или редкость у неандертальцев метательного оружия, что установлено по археологическим данным. [15]

Но археологические данные последних лет говорят о другом – уже в эпоху среднего палеолита (400-300 тыс. лет назад) человек неандертальского типа охотился на крупных животных (лесных слонов, лошадей, пещерных медведей) с помощью копий и дротиков, и уже в среднем палеолите имела место достаточно высокоразвитая техника охоты, позволяющая стабильно добывать крупных животных [17].

Чтобы сотрудничать во время коллективной охоты, агрессивность стайных животных, по мнению антропологов, должна постоянно сниматься или подавляться в других формах совместной деятельности. [11] А это означает, что неандертальскому человеку была присуща потребность в межиндивидуальной кооперации, наряду с качествами успешного преодоления реактивной агрессии в условиях первобытного социального коллектива.

И надо полагать, что помимо спринтерских качеств и навыков охоты на крупных животных, неблагодарный потомок неандертальца, (*H.Sapiens*), унаследовал от одного из своих предков (*H. neanderthalensis*) целый ряд других

жизненно важных черт и признаков, которые в настоящее время проявляются в поведении и жизнедеятельности современного человека.

Переход от развитого неандертальца к Гомо сапиенсу занял значительное время (от 50 до 80 тыс. лет). Вероятно, в верхнем палеолите, где (так считается) наступило полное господство «человека разумного», археологи и антропологи еще неоднократно обнаружат следы присутствия неандертальского человека.

Как считает А.А. Чубур, охота в палеолите, как один из основных видов направления хозяйственной деятельности, играла ведущую роль в жизни человека и общества. [29] Мы также согласны с его мнением, что представления о варварских охотах, приведших к уничтожению мамонтов – есть плод научного недоразумения, возможно появившегося в отечественной науке с легкой руки П.П. Ефименко (1934) и растиражированного впоследствии другими авторами. [см. 29, 24]

Исследования хозяйственно-культурных типов поселений охотников на мамонтов показывают, что первобытный человек был далек от приписываемой ему расточительности. [27, 29] О чем также убедительно свидетельствует верхнепалеолитическое искусство охотников на мамонтов, отразившее сложный духовный мир охотника палеолита, его стремление к познанию мира и самовыражению в творчестве. [12, 16].

И поэтому, вполне вероятно, что в первобытных общинах верхнего палеолита существовала достаточно сложная система охотничьей социализации [8], которая может быть продемонстрирована с помощью реконструктивно-аналитических методов, и позволит совершенно по-новому увидеть древние этапы становления человеческого общества.

Особую роль в расселении человека в верхнем палеолите играли миграции, обусловленные глобальными климатическими факторами, в частности неоднократными эпохами наступления древних оледенений. Изменение климата и миграции крупных животных, которые являлись

основным объектом охоты и основой хозяйства верхнего палеолита, привело к заселению Северной Америки [9].

В Новом Свете охотой на мамонтов занимались люди, культура которых относится к комплексу «Кловис» («льяно»), существовавшему около 11,5-11 тыс. лет. назад и обнаруживающему удивительное сходство с поселениями Мальты и Бурети (около 25 тыс. лет назад), открытые в прошлом веке в Иркутской области [8, 19, 28].

Подводя краткий итог размышлениям об охотниках палеолита, можно с уверенностью утверждать, что в ближайшие 15-20 лет в науке о палеолитическом становлении человека и общества нас ждут удивительные открытия фундаментального характера и значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Становление человечества. - М.: Политиздат, 1984. 462 с.
2. Будыко М.И. Глобальная экология. – М.: Мысль, 1977. – 327 с.
3. Бунак В.В. Род НОМО, его возникновение и последующая эволюция. - М.: Наука, 1980. — 328 с.
4. Буровский А.М. Запад Евразии: основное поле эволюции человека // Биосфера. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zapad-evrazii-osnovnoe-pole-evolyutsii-cheloveka> (дата обращения: 08.05.2019).
5. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.
6. Винобер А.В. Палеопсихология и реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: сб. мат. I междунар.науч.-практ. конф. (Иркутск 4-7 апреля 2014 г.). – Иркутск: ИрГСХА, 2014. – С. 72-76.
7. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). - Иркутск: Оттиск, 2016. - 100 с.
8. Винобер А.В. Игра как средство охотничьей социализации в верхнем палеолите / А.В, Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: сб. мат. 5-й междунар.науч.-практ. конф. (Иркутск, 4-7 апреля, 2017 г.). – Иркутск: Оттиск, 2017. - С. 81-94.
9. Винобер А.В. Охота и многообразие миграций в палеолите / А.В.Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 6-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 29-31 октября 2018 г.). – Иркутск, 2018. – С.93-98.
10. Вишняцкий Л.Б. Вооруженное насилие в палеолите // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2014. №1. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/vooruzhennoe-nasilie-v-paleolite> (дата обращения: 08.05.2019).

11. Волков Ю.К. Естественноисторические предпосылки оппозиции «Свой – чужой» на ранних стадиях социогенеза // Философия и общество. 2006. №3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennoistoricheskie-predposylki-oppozitsii-svoy-chuzhoy-na-rannih-stadiyah-sotsiogeneza> (дата обращения: 08.05.2019).

12. Гапонов В.П. Духовность человека и охота в исторической связи времен // Россия и АТР. 2001. №3 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/duhovnost-cheloveka-i-ohota-v-istoricheskoy-svyazi-vremen> (дата обращения: 08.05.2019).

13. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию. Пер. с англ. /Общ. ред. А. Д. Логвиненко. - М.: Прогресс, 1988. -464с.

14. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.

15. Дробышевский С.В., Власенко А.Н. Морфофункциональные адаптации статолокомоторного аппарата и двигательное поведение классического неандертальца // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morfofunktsionalnye-adaptatsii-statolokomotornogo-apparata-i-dvigatelnoe-povedenie-klassicheskogo-neandertaltsa> (дата обращения: 08.05.2019).

16. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. - Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. — 269 с.

17. Крафт И., Шмидт И.В. К вопросу об охоте на крупных животных в среднем палеолите // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ohote-na-krupnyh-zhivotnyh-v-srednem-paleolite> (дата обращения: 1.04.2019).

18. Пахомов Р.В. П.П. Ефименко и его концепция охоты в палеолите / Р.В. Пахомов // Верхнедонской археологический сборник: материалы второй Всероссийской археолого-этнографической научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию А.Н. Москаленко. 2018. С. 36-37.

19. Попов М.Е. Охота в позднем палеолите на территории великих равнин Северной Америки / М.Е. Попов // NovaUm.Ru. 2018. № 16. С. 55-56.

20. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

21. Пэабо С. Неандерталец. В поисках исчезнувших геномов. Пер. с англ. М.: АСТ; CORPUS, 2017. - 416 с.

22. Семенов Ю.И. Как возникло человечество. – М.: Наука, 1966. – 576 с.

23. Сергеев Б.Ф. Ступени эволюции интеллекта. - Л.: Наука, 1986. - 192 с.

24. Сериков Ю.Б. К вопросу об охоте на мамонтов / Ю.Б. Сериков // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6, 7. - С.

25. Урысон М. И. Истоки рода человеческого в свете новейших данных. Вопросы истории, 1976, № 1.

26. Фридман Э.П. Приматы. - М.: Наука, 1979.- 216 с.

27.Хартанович В.И., Моисеев В.Г., Медникова М.Б., Добровольская М.В., Бужилова А.П. Палеолитический человек из Маркиной горы (Костёнки XIV) по результатам комплексного анализа данных // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paleoliticheskiy-chelovek-iz-markinoy-gory-kostyonki-xiv-po-rezultatam-kompleksnogo-analiza-dannyh> (дата обращения: 08.05.2019).

28.Хэйнес В. Охотники на мамонтов в США и СССР / В. Хэйнес // Берингия в кайнозое. – Владивосток, 1976. – С. 427-437

29.Чубур А.А. Охота в палеолите: историография и современное состояние источников (по материалам бассейна Десны) / А.А. Чубур // Русский сборник Сер. "Труды Кафедры Отечественной истории древности и средневековья Брянского государственного университета им. академика И.Г.Петровского" Брянск, 2006. С. 105-115.

30.Шапиро Б. Наука воскрешения видов. Как клонировать мамонта. – СПб.: Питер, 2017. – 320 с.

31.Шипелик О.В. Дискуссионные проблемы теории антропогенеза // Манускрипт. 2019. №1. С. 120-124.

32.Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1980. – 238 с.

УДК 159.9 : 639. 1

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИИ ОХОТЫ. ОЧЕРК ПЕРВЫЙ¹²

В первом очерке автор высказывает гипотезу о необходимости формирования нового научно-прикладного направления на стыке охотоведения, психологии, антропологии и других научных дисциплин.

Ключевые слова: психология охоты, феномен охоты, охотники, антиохотники.

PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ABOUT PSYCHOLOGY OF HUNTING. FIRST ESSAY

In the first essay, the author expresses a hypothesis about the need to form a new scientific and applied direction at the junction of hunting, psychology, anthropology and other scientific disciplines.

Key words: hunting psychology, hunting phenomenon, hunters, anti-hunters.

Для начала скажем так: может быть и не совсем философские... Особенно в понимании многочисленных кафедральных и институциональных философов, любящих всякие «измы» (материализм, идеализм, постмодернизм, структурализм, экзистенциализм, трансцендентализм и иже с ними). У них, кто не попадает в «изм», тот сразу «эклектик» или «воинствующий дилетант». Поэтому автор сразу предупреждает, что будет стараться держаться подальше от всяких «измов» и поближе к телу, точнее, поближе к делу о психологии охоты.

Думаю, коллеги, вы со мной согласитесь, что любой охотник, самый что ни на есть начинающий любитель, уже имеет свою психологию охоты. Точнее, свое, пусть мало осознанное, но легко воспроизводимое представление о ней (об охоте) и своем месте рядом с ней или внутри её...

Да и разве удивительно: ведь в каждом из нас благополучно дремлют гены и архетипы древних охотников, полученные нами по наследству вполне законным путем (имеется в виду путь полового размножения и генетического наследования, каким владеет почти всё живое вещество на нашей планете).

¹² Опубликовано: Винобер А.В. Философские размышления о психологии охоты. Очерк первый / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. – 6(12). – С. 127-130.

И вот, дремлют они, эти гены и архетипы (странным образом до сих пор не обнаруженные современной молекулярной генетикой и нейропсихологией) и редко кому удастся обнаружить это наследие, чтобы оказаться во власти этой древней генетически наследуемой страсти. Но только, как это случается – человек, обнаруживший в себе наследственную страсть, начинает жить в новом для себя пространстве – пространстве психологии охоты. А там, естественно, существуют разные уровни и степени погружения, приобщения или охотничьей трансформации (или, точнее, охотничьей социализации). Человек, приобщенный к древней страсти (к древнему занятию, к древней сущности бытия) открывает для себя совершенно новый мир и новый смысл деятельности. В его личности появляются новые движения, новые прозрения и новые реакции в коре полушарий и, что особенно удивительно, реакции спинного мозга, приятно щекочущие самолюбие и самооценку.

Конечно, очень важное значение имеет в данном случае возраст. То есть возраст приобщения к охоте должен быть оптимальным – не слишком ранним (например, дошкольным) и не слишком поздним (например, пенсионным, после 65 лет) – ибо в обоих случаях существует вероятность неадекватных реакций в процессе самой охоты или в попытках осуществить этот процесс без должных на то навыков. Хотя и этот вопрос спорный – когда лучше начинать? Кочевые традиционные народы (и их наследники) подсаживают мальчика на коня в возрасте 3 лет – чтобы зафиксировалось это необыкновенное ощущение и чтобы рано начал формироваться базовый навык верховой езды.

В художественных произведениях отдельных авторов (прошлого и настоящего времени) встречается подробно описанный процесс этого первоначального приобщения к охоте. Есть обилие классических вариантов, но из самых простых и доступных приходит на память Ефим Пермитин с его «Поэмой о лесах». Впрочем, у каждого приобщенного, то есть каждого охотствующего, есть свой личный вариант и он может подробно его изложить, чаще всего в личной беседе, у костерка или за стаканом горячего чая. И вопрос

этот, между прочим, весьма серьезный, потому что из него формируется один из главных вопросов психологии охоты: как изучать психологию охоты?

Скажем, существуют разнообразные ответвления в психологической науке, как например, психология труда. Кстати, первый и самый долгий труд человека – это охота, многие тысячи, десятки тысяч и даже сотни тысяч лет – это был основной и главный труд человека, обеспечивший его выживание среди диких хищников и в суровых условиях, и одновременно – сформировавший самого человека разумного. То есть человек современный, вся его мудреная техническая цивилизация с ядерным оружием, мегаполисами, компьютерами и космическими технологиями – все они вышли из охоты, о чем, со временем успешно забыли, и придумали всякие версии типа из «яйца в сундуке, который висел на дубе», или из ребра чьего-то, из глины, из медузы Горгоны и прочие варианты.

Такие вот бывают парадоксы в нашей жизни и в нашем научном познании: психология труда у нас есть, есть психология общения и даже секса, не говоря о политической психологии или психологии управления, а вот психологии охоты среди научных дисциплин мы с разбега никак не обнаружим. Психологи молчат и не рискуют попасть впросак (с помощью комбинации тестов трудно изучить психологию охоты). Охотники молчат, потому что главное – процесс, получение ощущение «горьковатого катарсиса» в результате удачного выстрела, а психология охоты – это для всяких умников и теоретиков, и ну её науку куда-нибудь подальше!..

А между прочим, скоро уже придется писать психологию антиохоты вместо психологии охоты, потому что антиохотники – это такие бравые и подвижные, такие успешные и «пробивные», что в любую самую узкую щель могут пробраться, а когда еще произойдет их социальное скрещивание с различными слоями и уровнями власть имущих, тогда вдруг неожиданно охотники обнаружат, что о психологии охоты вообще-то рассуждать нечего, ибо её уже повсеместно перекрыли, запретили и оболгали с ног до головы (это

мы, конечно, немного погорячились и забежали вперед – так сказать высказали гипотезу вполне вероятного развития общественного статуса охоты в современной избыточно информационной цивилизации).

А хотелось бы, чтобы не дожидаясь того ужасного времени и ежедневно предотвращая его, охотники (и особенно – охотоведы) приступили общими усилиями к написанию психологии охоты. Охоты, как феномена социального, древнего и важного для современного человека. И при том, смогли бы осмыслить психологию охоты, как процесса, захватывающего человека целиком, как существо природное (единое с природой, синкретическое). Что с ним происходит, что он испытывает, что получает в процессе охоты? Ведь не только одни эстетические ощущения, как часто любят заявлять воспитанные и культурные охотники... Как формируются психологические качества человека под влиянием охоты? И какова психология охотника современного и в чем отличие психологии охотника древнего? И есть ли эстетические особенности психологии охотников и как они различаются? И в чем суть психологии трофейной охоты и одинаковые ли ощущения испытывает охотник при добыче того или иного трофея? И как проявляются охотничьи архетипы в современном обществе, и как их можно обнаружить? И почему мы предпочитаем те или иные виды охот или виды дичи?

Да и сами охотники – разве у них одинаковая психология и они одинаково ведут себя в процессе охоты?

И тут услышал я внутренний голос сурового охотника: зачем всё это нужно? Сотни тысяч лет охотились и ничего, а сейчас вдруг потребовалась какая-то психология охоты... Да просто время пришло другое. И если мы не сможем себе объяснить и другим рассказать, в чем смысл психологии охоты, и что в каждом нашем оппоненте также живет и дремлет генетический охотник – то уже в ближайшем будущем охотников могут объявить персонами нон-грата (мягко говоря) в их естественной среде, т.е. в живой природе.

**ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИИ
ОХОТЫ. ОЧЕРК ВТОРОЙ¹³**

Автор обозначает две большие проблемы теоретического и практического охотоведения: роль охоты в становлении Homo Sapiens и человеческого общества (современной цивилизации), и настоящее и будущее института и феномена охоты в условиях постиндустриальной информационной цивилизации.

Ключевые слова: психология охоты, феномен охоты, охотники, антиохотники.

**PHILOSOPHICAL REFLECTIONS ABOUT PSYCHOLOGY OF
HUNTING. SECOND ESSAY**

The author identifies two major problems of theoretical and practical hunting science: the role of hunting in the formation of Homo Sapiens and human society (modern civilization), and the present and future of the Institute and the phenomenon of hunting in the post-industrial information civilization.

Key words: hunting psychology, hunting phenomenon, hunters, anti-hunters.

Когда мы говорим о необходимости формирования нового научно-прикладного направления на стыке охотоведения, психологии и антропологии и других гуманитарных научных дисциплин [1], мы в первую очередь имеем в виду две большие проблемы теоретического и практического охотоведения:

1) роль охоты в становлении Homo Sapiens и человеческого общества (современной цивилизации),

2) настоящее и будущее института и феномена охоты в условиях постиндустриальной информационной цивилизации.

Первая проблема является глубоко фундаментальной проблемой комплексного познания человека и общества, и имеет важнейшее гуманитарное и мировоззренческое значение.

Современная наука и современное общество пребывают в иллюзии относительно действительного эволюционного развития человека и общества, и во многом отдают предпочтение всевозможным наукообразным мифам, расплодившимся в научной или околонуучной сфере за последние 200 лет. К

¹³ Опубликовано: Винобер А.В. Философские размышления о психологии охоты. Очерк второй / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. - 4(16). - С. 121-124.

числу таких мифов можно отнести современные мифы: 1) о повсеместном распространении матриархата, как всеобщей ступени развития человечества; 2) о преобладании «падальщиков» и собирателей в процессе эволюционной истории человечества и позднем (верхнепалеолитическом) появлении охоты; 3) о «трудовом» или «орудийном» происхождении человека (решающую роль сыграло изготовление орудий труда); 4) об истреблении человеком-охотником крупных животных в верхнем палеолите; 5) о тупиковой ветви неандертальцев, не имеющих к нам эволюционно-генетического отношения, и многие другие.

В качестве примера сделаем небольшое отвлечение и коснемся темы психологии древнего охотника.

Археологи, изучая древнего человека, берут отсчет от того времени, когда предок человека начал оббивать камни и изготавливать первые орудия труда. Полагают, что это был *Homo Habilis*, живший в Восточной Африке около 1,2 – 1,5 млн. лет назад. Но на основе современных данных мы знаем, что предок человека обособился от шимпанзе порядка 5-6 млн. лет назад и уже тогда неплохо владел навыками охоты. Отсюда – существует вероятность, что на протяжении 3-4 миллионов лет предок человека мог охотиться на крупную дичь, используя простые, никак не обработанные булыжники (вспомните: «булыжник – орудие пролетариата»). Эти самые широко доступные булыжники хорошо метать с небольшого расстояния, от 10 до 30 метров, со значительным эффектом убойной силы – и никаких «оббитых орудий труда» не требовалось долгое время, для того, чтобы такая коллективная охота стаи предков человека в количестве 10-15 особей могла забросать увесистыми булыжниками какую-нибудь антилопу, зазевавшуюся на водопое... И главное – такое метание прекрасно развивает кисть и пальцы руки, координацию при выполнении метательного движения, синхронность коллективных усилий и многое другое (наличие подобных привычек современные исследователи обнаружили у шимпанзе). Моделирование и реконструирование подобного рода гипотез, при наличии доказательных экспериментов (убедительных и воспроизводимых)

кардинальным образом меняет взгляд на логику эволюционного развития человека.

Вторая проблема – о настоящем и будущем охоты – имеет более прикладной характер, но для значительного числа охотников является более значимой и конкретной.

В последние десятилетия наступление на охоту, как древний, исконно присущий человеку феномен его естественной эволюционной культуры, приняло угрожающий характер: охоту и охотников стремятся целенаправленно дискредитировать и загнать в «резерваты», сделать «изгоями» развития цивилизации. Нет основания считать этот процесс стихийным и неуправляемым, или, наоборот, закономерным процессом развития цивилизации. Понятно, что делается это всё искусственно и искусно, и стоят за этим «стихийным» явлением дискредитации охоты определенные идеологи, финансируемые транснациональными компаниями и иными заинтересованными международными силами (институтами и корпорациями).

И если ученые-охотоведы и охотничья активная заинтересованная общественность не смогут организовать серьезные исследования, опровергающие постулаты и механизмы антиохотничьей идеологии, и доказывание естественного права охоты как социокультурного исторического феномена, то процесс дискредитации примет устойчивый характер, и будет иметь серьезные негативные последствия для российской охоты и охотничьего хозяйства на протяжении ближайших 10-15 лет (а может, и дальше).

Из вышесказанного мы приходим к выводу о необходимости глубокой трансформации российского охотоведения, для обретения науки об охоте и охотничьем хозяйстве статуса инициатора и координатора междисциплинарных системных исследований феномена охоты – его прошлого, настоящего и будущего. И в первую очередь, на наш субъективный взгляд, необходимо развитие социально-психологических и социологических исследований в сфере охоты и охотничьего хозяйства России, чтобы изучить и продемонстрировать

Антропология охоты: сборник статей

обществу действительный смысл, потенциал и значение охоты и охотничьего хозяйства в XXI столетии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Философские размышления о психологии охоты. Очерк первый / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. – 6(12). – С. 127-130

ОХОТА НА МАМОНТОВ: РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА¹⁴

Решающую роль в исчезновении мамонтовой фауны все таки сыграли резкие, неоднократно повторяющиеся ландшафтно-климатические перестройки, к которым ряд крупных видов, обладавших архаичными чертами и адаптациями к иным ландшафтно-климатическим условиям, не смог адаптироваться. Верхнепалеолитический охотник внес свою определенную лепту в процесс исчезновения мамонтов, но решающее значение было за природными изменениями.

Ключевые слова: верхний палеолит, мамонтовая фауна, мамонт, охота, первобытный охотник, ландшафтно-климатические изменения.

MAMMOTHS HUNTING: RECONSTRUCTION OF THE UPPER PALEOLITHIC

The decisive role in the disappearance of the mammoth fauna all the same was played by sharp, repeatedly repeated landscape-climatic reorganizations, to which a number of large species with archaic features and adaptations to other landscape-climatic conditions could not adapt. The Upper Paleolithic hunter made his own contribution to the process of extinction of mammoths, but natural changes were of decisive importance.

Key words: upper paleolithic, mammoth fauna, mammoth, hunting, primitive hunter, landscape-climatic changes.

Прошло всего 10-8 тысяч лет, как погибли в Азии и Европе мамонты, шерстистые носороги и пещерные медведи. [1] Но уже более 50 лет не утихают в научном и околонучном мире споры о причине гибели мамонтов: причастен ли охотник верхнего палеолита к исчезновению вида или виноваты силы природы (климатические изменения)?

Академик И.Г. Пидопличко (1969) подсчитал, что полмиллиона мамонтов (ориентировочная численность европейской популяции) верхнепалеолитический человек мог бы истребить за 1000 лет. И пришел к выводу, что мамонтов истребили первобытные охотники. [1]

Некоторые исследователи, как например Ю.В. Сериков, считают, что мамонт, как объект охоты, является опасным и трудноуязвимым. Техника охоты была недостаточно развита для охоты на мамонта. И

¹⁴ Опубликовано: Винобер А.В. Охота на мамонтов: реконструкции верхнего палеолита / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. – 3(15). – С. 73-77.

верхнепалеолитический человек, по преимуществу, использовал «кладбища» мамонтов, т.е. места массовой гибели мамонтов от стихийных бедствий (наводнений, провалов под лед, падений с обрывов), где собирал бивни и кости мамонтов, и соответственно, неиспорченное мясо и шкуры [7].

В археологической науке, изучающей верхний палеолит, доминировало мнение, что верхнепалеолитические охотники кочевали следом за мигрирующими стадами мамонтов, и, таким образом, в частности, заселились в Северную Америку (через Берингов «мост», существовавший в районе Берингова пролива во времена максимальных оледенений (понижение уровня моря на 80-100 метров) [8, 3].

Известный палеонтолог Н.К. Верещагин (1979), характеризуя проблему вымирания мамонтовой фауны, признавал значение прямого и косвенного воздействия первобытного человека. Но также обращал внимание на климатические перестройки: «в голоцене всё необычно усложнилось. Резкие климатические и ландшафтные смены в мезолитическую эпоху (ранний голоцен) были, очевидно, болезненны как для животных, так и для людей. И те и другие выживали за счет широких миграций и приспособления к иной среде и пище» [1].

Существующие перестройки фауны отмечены в конце плейстоцена – начале голоцена (11,5 тыс. лет назад). В этот период вымирают мамонты, шерстистые носороги, сокращаются ареал и численность северного оленя, песца, сайги, бизона. Верхний плейстоцен – это время многократного изменения растительности [6].

Рубеж между поздним дриасом и пребореалом (10260 ± 330 лет назад) – одновременное кардинальное изменение климата и растительности около 10,3 тыс. лет назад, что соответствует границе между поздним дриасом и пребореалом (цит. по Хотинский Н.Л., 1969). В бореальном периоде (8700-8000 тыс. лет назад) произошел наибольший существенный перелом в изменении физико-географических условий. Смягчение климата, повышение

среднегодовых температур и влажности привели к вытеснению растительности ксерофильного облика, и формированию лесов с доминантами мезофильного характера (потепление, мезолитическая экспансия человеческого расселения) [5].

С вышеобозначенными мнениями археологов, палеонтологов и палеогеографов полностью соглашался Н.К. Верещагин: «фаунистические смены, происшедшие на огромных просторах Субарктики и Арктики в эпоху, переходную от плейстоцена к голоцену, полностью подтверждают картину ландшафтных преобразований, нарисованную палеогеографами» [1].

Мог ли верхнепалеолитический человек, с учетом вышеобозначенных ландшафтно-климатических изменений, сыграть решающую роль в истреблении мамонтовой фауны?

А.В. Головнев, рассуждая на тему взаимоотношений древнего человека и пещерного медведя (типичного представителя мамонтовой фауны, вымершего вместе с мамонтом), высказывает следующее мнение: «Впечатляет устойчивость сожительства медведя и человека на протяжении сотен тысяч лет. Очевидно, люди убивали и ели медведей, а медведи отвечали им взаимностью. Постоянство медвежьей охоты вряд ли связано с гастрономическими склонностями обитателей гор. К тому же пещерный медведь, вдвое превосходящий по размерам бурого, явно не был легкой добычей и не собирался уступать пришельцам свою горную страну» [4].

Мамонта, шерстистого носорога и пещерного медведя считают первыми жертвами охотников верхнего палеолита. Вроде, как именно человек истребил эти виды... Но почему тогда уцелели современники мамонтов – северный олень и овцебык, которые также были объектами охоты верхнепалеолитического охотника?

Северный олень, на наш взгляд, сумел адаптироваться к резким ландшафтно-климатическим изменениям за счет большой подвижности и

приспособленности к длительным миграциям и успешно освоился в новой экологической обстановке, расширив ареал обитания.

Овцебык нашел себе место в рефугиумах, малодоступных для активных охотников на этот вид, и потому уцелел как реликт, но тоже успешно адаптировался к новым местам обитания.

Мамонт и шерстистый носорог не обладали подвижностью северного оленя и не могли освоить быстрых миграций на сотни километров (возможно, в пути им не хватало кормов). И численность их была существенно меньше, чем численность популяции северного оленя. И, конечно же, нельзя исключать прямого влияния верхнепалеолитического охотника.

С пещерным медведем ситуация несколько иная. Ледники бурно таяли и постоянно заливали спящих в пещерах медведей – возможно, это существенно увеличило смертность популяции вида. Сложно было перебираться через мощные горные потоки, что также могло ослабить воспроизводственный потенциал популяции пещерного медведя. Возможно, эти же факторы повлияли на сокращение численности и последующее вымирание человеческих популяций нижнего и среднего палеолита (в т.ч. так называемых неандертальцев).

Что же касается охоты на мамонтов и шерстистых носорогов, человек охотился на них не один десяток тысяч лет, и ему не было необходимости и возможности их истреблять.

Техника охоты на эти виды была эффективной уже в среднем палеолите [2].

Н.К. Верещагин вообще считал, что уже австралопитеки умели охотиться и поедали самых крупных толстокожих слонов и мастодонтов.

Поэтому, на наш взгляд, решающую роль в исчезновении мамонтовой фауны все таки сыграли резкие, неоднократно повторяющиеся ландшафтно-климатические перестройки, к которым ряд крупных видов, обладавших архаичными чертами и адаптациями к иным ландшафтно-климатическим

условиям, не смогли адаптироваться. Верхнепалеолитический охотник внес свою определенную лепту в процесс исчезновения мамонтов, но решающее значение было за природными изменениями.

Большинство мамонтов могло погибнуть по время многоснежных зим, сочетавших обильные снегопады (с толщиной снежного покрова до 100-150 см) и резкие похолодания (морозы), создававшие наст, через который звери не могли пробиться к кормам и не могли успешно передвигаться во время миграции, и чаще всего гибли от голода и истощения.

Как, впрочем, могли гибнуть от голода и истощения племена верхнепалеолитических охотников. Далеко не все из них смогли найти удобные экологические ниши и перестроить свое охотничье хозяйство на новые охотничьи виды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Н.К. Почему вымерли мамонты. - Л.: Наука: Ленинградское отделение, 1979. - 204 с.
 2. Винобер А.В. Замечания к реконструкции охоты на крупных животных в среднем и верхнем палеолите А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства/ 2018. - 4(10). – С. 14-20.
 3. Винобер А.В. Охота и многообразие миграций в палеолите / А.В.Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 6-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 29-31 октября 2018 г.). – Иркутск, 2018. – С.93-98 .
 4. Головнев А.В. Антропология движения (Древности Северной Азии). – Екатеринбург: УроРАН; Волот, 2009. – 496 с.
 5. Девятова Э.И. Геология и палинология голоцена и хронология памятников первобытной эпохи в Юго-Западном Беломорье. – Л.: Наука, 1976. – 121 с.
 6. Дервянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: Введение и основы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 288 с.
 7. Сериков Ю.Б. К вопросу об охоте на мамонтов / Ю.Б. Сериков // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6, 7. - С. 5-11.
 8. Хэйнес В. Охотники на мамонтов в США и СССР / В. Хэйнес // Берингия в кайнозое. – Владивосток, 1976. – С. 427-437
-

ОХОТА И МНОГООБРАЗИЕ МИГРАЦИЙ В ПАЛЕОЛИТЕ¹⁵

По отношению к проблеме реконструкции миграций древних охотников в палеолите автор разбирает некоторые тезисы теории не-охотничьего и охотничьего происхождения человека.

Ключевые слова: миграции, палеолит, охота на мамонтов, охотничья культура, антропогенез.

HUNTING AND DIVERSITY OF MIGRATIONS IN THE PALEOLITHIC

In relation to the problem of reconstruction of migrations of ancient hunters in the Paleolithic author examines some of the theses of the theory of non-hunting and hunting origin of man.

Key words: migration, Paleolithic, mammoth hunting, hunting culture, anthropogenesis.

Уже в период обособления от близких приматов (от 5 до 2 миллионов лет назад) человеческие первобытные стада (орды) были достаточно агрессивными, чтобы оборонять свою территорию и активно расселяться, совершая длительные миграции. Именно к этому времени (эпоха появления первых длительных миграций) мы относим также первое появление феномена проточеловеческих войн. [2]

Миграции древних людей (от *H. Erectus* и *H. Habilis* и позднее) носили разнообразный характер. Они имели сезонную цикличность и широкий ареал. Они имели также циклическую обусловленность, связанную с многолетними климатическими колебаниями. Это наиболее сложный, но также и наиболее перспективный вопрос для реконструктивного моделирования вероятностных миграций древнего человека (или же предчеловека – по мнению некоторых исследователей). Б.Ф.Поршнева, например, считал, что собственно человеком является кроманьонец или *Homo Sapiens*, а все предшествующие архантропы – троглодиты – недостойны именоваться людьми. [8, 9]

¹⁵ Опубликовано: Винобер А.В. Охота и многообразие миграций в палеолите / А.В.Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 6-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 29-31 октября 2018 г.). – Иркутск, 2018. – С.93-98.

Вероятно, когда в процессе миграции стадо древних людей находило местность, благоприятную по условиям обитания и богатую дичью, оно оседало в новой экологической нише, до возникновения нового неравновесия. По крайней мере, для времен нижнего, среднего и верхнего палеолита – это весьма вероятный вариант миграционного движения или миграционного образа жизни, т.к. он встречается у многих видов мигрирующих животных, в т.ч., у бабуинов и шимпанзе, которые среди приматов являются достаточно выраженными охотниками за всевозможной мелкой дичью.

В этом моменте мы не вправе обойти вниманием вопрос, вызывающий многолетние дискуссии, и не получивший до сих пор однозначного решения в антропологической науке: а был ли древний человек охотником?

Автор оригинальной теории «Начала человеческой истории» Б.Ф.Поршнева считал, что плотоядность у антропоидов выражена крайне слабыми признаками, и потому, предок человека не мог быть охотником (ибо это противоречит данным зоологии - ?!). *«У предка человека была единственная ниша, которую он мог занять: трупоядение. Именно для разделки туш трупов животных и были приспособлены знаменитые «орудия»... Если не усматривать предвзято в доисторическом прошлом обязательную войну нашего предка со всем животным миром, то откроется широчайшее поле для реконструкции его необычайно тесной и бескровной связи с этим миром. Это, а не версия об охоте, важнейшая сторона процесса, который приведет его к порогу очеловечивания»* [8, 9].

Многотысячелетнее (точнее, много сотен тысяч летнее – А.В.) падальничество архантропов (некрофилов) – один из главных факторов, приведший к очеловечиванию – таково было убеждение Б.Ф.Поршнева.

В современной фундаментальной монографии А.В.Головнева «Антропология движения», посвященной человеческим миграциям в разные эпохи, есть интересная мысль (автор – сторонник охотничьей теории происхождения человека, скорее даже теории эволюции человека как

суперхищника – так нам увиделось в процессе прочтения вышеназванной книги): *«Не исключено, что вслед за охотником мигрировали и иерархические зависимые от них собиратели»* [4].

В более ранней работе М.Л. Бутовской и Л.А. Файнберг (1993) есть примиряющая версия: *«Нам представляется несколько неправомерным противопоставлением гипотез охоты, некрофагии и собирательства. Все эти процессы неизбежно происходили в одной и той же популяции и могли стимулировать развитие орудийных способностей, взаимодополняя друг друга»* [1].

Мы больше склонны принимать точку зрения М.Л. Бутовской и Л.А. Файнберг с небольшой поправкой на доминирование охоты на протяжении последних 2 - 5 млн. лет и её решающей роли в очеловечивании наших далеких предков, причем, появление и значительное развитие охоты на крупных животных уже имело место в нижнем палеолите. [3]

А.В.Головнев предполагает, что борьба за африканские саванны могла стать прологом глобальных миграций предлюдей [4].

А.С. Потупа считал, что в масштабе первобытной человеческой истории важнейшую роль играют глобальные климатические факторы, прежде всего оледенения и сменяющие их потепления океана – трансгрессии [10].

Пожалуй, этот фактор (наступление и смена ледниковых эпох), как решающий для эволюционной динамики антропо- и социогенеза, признает большинство антропологов. *«Наиболее значительным событием четвертичного времени было древнее оледенение. Ледники несколько раз наступали и вновь отступали далеко назад, причем эти явления сопровождалась каждый раз сменой флоры и фауны»* [11].

О множестве оледенений и о прихотливой динамике этого природного явления много интересных фактов и гипотез мы можем обнаружить у геологов и палеогеографов – и эти факты, и гипотезы, могут иметь важное значение для понимания движущих сил миграций древних людей. *«Межледниковые эпохи*

выражались не просто в сокращении оледенения, но в почти полном его исчезновении... Межледниковые эпохи на равнинах Европы имели продолжительность всего 15-20 лет тыс.лет. За это время происходило коренное изменение физико-географической обстановки... В межледниковую эпоху мамонтовая фауна исчезала или была оттеснена ... В последнюю ледниковую эпоху – снова произошло заселение мамонтовой фауной» [7].

И здесь мы подошли к еще одной «болевым точкам» палеолитических миграций древнего человека: был ли древний охотник повинен в исчезновении (истреблении) крупных животных верхнего палеолита?

И.И.Крупник категорично настаивает на версии верхнепалеолитического охотника-истребителя: «Беспощадный хищнический характер первобытной охоты должен был оказывать разрушительное воздействие на промысловые ресурсы тундростепи и в целом на всю среду обитания палеолитического человека; культура, где основой жизнеобеспечения является охота на крупных животных, не может не быть агрессивной по отношению к окружающей среде» [6].

Есть иная точка зрения, на наш взгляд, более взвешенная и менее эмоциональная: «Изменение климата привело к резкой смене ландшафтов, исчезновению широчайшей зоны тундростепи, развитию таежных ландшафтов. В этом надо рассматривать главную причину вымирания мамонтов и других животных. Наряду с этим быстро возрастает численность таежного зверя – бурого медведя, лося, кабана и лесных пушных зверей» [5].

Верхний палеолит характеризуется подвижной динамикой климата: наступление и отступление ледников, интенсивные миграции животных. Проживание в суровых климатических условиях заставляло палеолитического охотника активно мигрировать, добывая зверя, и изобретая все новые приемы и орудия охоты. Частота и продолжительность миграций в верхнем палеолите возросли необычайно.

В миграциях, при заселении новых территорий, значительно возрастала роль коммуникаций, их интенсивность, насыщенность, эмоциональность и необходимость выразить новое.

Весьма вероятно, что в верхнем палеолите искусство охоты, совокупность навыков и умений для успешной добычи любого зверя достигло своего высшего уровня.

По существу, верхний палеолит – это эпоха становления, расцвета и заката охотничьей культуры, создавшей все основания для последующей неолитической революции и формирования цивилизации древних государств.

Многообразие миграций древних охотников палеолита – это одна из актуальнейших тем современной антропологии, находящаяся в самой начальной стадии своей разработки. Междисциплинарный системный подход и многовариантное реконструктивно-аналитическое моделирование на основе данных разных научных дисциплин, в т.ч., палеогенетики – могут принести нам не мало удивительных открытий и существенно обновят картину антропо- и социогенеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.
2. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). - Иркутск: Оттиск, 2016. – 100 с.
3. Винобер А.В. Замечания к реконструкции охоты на крупных животных в среднем и верхнем палеолите А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства/ 2018. - 4(10). – С. 14-20
4. Головнев А.В. Антропология движения (Древности Северной Азии). – Екатеринбург: УроРАН; Волот, 2009. – 496 с.
5. Каледин А.П. Очерки истории охоты. – М.: МГООиР, ПТП ЭРА, 2010. – 224 с.
6. Крупник И. И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / Отв. ред С. А. Арутюнов. — М.: Наука, 1989. — 270 с.
7. Марков К.К. Избранные труды. Палеогеография и новейшие отложения. – М.: Наука, 1986. – 380 с.
8. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.

Антропология охоты: сборник статей

9. Поршнева Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Науч. ред. О. Т. Вите. — СПб.: Алетейя, 2007. — 720 с.
 10. Потупа А.С. Открытие Вселенной – прошлое, настоящее, будущее. – Мн.: Юнацтва, 1991. – 558 с.
 11. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. Учебное пособие. Издание 3-е. — М.: Высшая школа, 1978. — 528 с.
-

УДК 902/904 : 639.1

ЗАМЕЧАНИЯ К РЕКОНСТРУКЦИИ ОХОТЫ НА КРУПНЫХ ЖИВОТНЫХ В СРЕДНЕМ И ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ¹⁶

По отношению к проблеме реконструкции охоты в среднем и верхнем палеолите автор разбирает некоторые тезисы теории не-охотничьего происхождения человека Б.Ф. Поршнева. Сам автор является сторонником древнего охотничьего прошлого. Новейшие исследования европейских ученых, подтверждающие существование активной систематической охоты на крупных животных в Европе в эпоху среднего палеолита, которые автор приводит в статье, позволяют говорить о достаточно высокоразвитой технике охоты.

Ключевые слова: средний палеолит, верхний палеолит, охота на мамонтов, охота на крупных животных, антропология охоты.

REMARKS ON THE RECONSTRUCTION OF HUNTING LARGE ANIMALS IN THE MIDDLE AND UPPER PALEOLITHIC

In relation to the problem of reconstruction of hunting in the middle and upper Paleolithic, the author examines some theses of the theory of non-hunting origin of man B. F. Porshnev. The author himself is a supporter of the ancient hunting past. The latest research of European scientists confirming the existence of an active systematic hunting of large animals in Europe in the middle Paleolithic era, which the author cites in the article, allow us to talk about a fairly highly developed hunting technique.

Keywords: middle Paleolithic, upper Paleolithic, mammoth hunting, large animal hunting, anthropology of hunting.

Истоки древней культуры таежной охоты затерялись в эпохе называемой средним палеолитом. Не так давно, всего лишь 45-50 лет назад, многим археологам, палеонтологам и антропологам казалось, что человеческая предыстория не оставила убедительных артефактов, позволяющих достоверно подтверждать наличие охоты на крупных животных в среднем палеолите (не мало таких «неверов» и сомневающих в охотничьем прошлом Homo Sapiens имеется и сейчас).

В 60-е – начале 70-х годов прошлого века появилась оригинальная теория происхождения человека, изложенная в монографии «О начале человеческой истории» [3]. Автор новой теории был историком-медиевистом по основной специальности. Но смог собрать весьма значительный антропологический,

¹⁶ Опубликовано: Винобер А.В. Замечания к реконструкции охоты на крупных животных в среднем и верхнем палеолите А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства/ 2018. - 4(10). – С. 14-20.

нейрофизиологический и реконструктивно-психологический материал для сложной реконструктивно-аналитической теории эволюции человеческих предков. Книга появилась в 1974 году, через два года после смерти автора. И до сих пор не утратила актуальности своего проблемно-прогностического потенциала. По отношению к проблеме реконструкции охоты в среднем и верхнем палеолите - это, пожалуй, главная книга, которая задает серьезную оппозицию сторонникам древнего охотничьего прошлого [1]. Каждый раз, погружаясь в чтение книги Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории», обнаруживаешь новые грани и нюансы, плодотворно будоражащие воображение в отношении моделирования эволюционных процессов и реконструкции охотничьей деятельности древних людей (которых сам Б.Ф. Поршнева не считал достойными названия полноценных человеческих существ). Он предполагал существенно сократить собственно человеческую историю, практически подтянув её к границам неолита (примерно 15 тыс. лет назад) и к этому времени привязывал полноценное развитие человеческих языков, благодаря интенсивному одомашниванию диких животных.

Огромную эпоху палеолита (нижнего, среднего, верхнего) он предлагал именовать эпохой ненастоящих людей, а животных-падальщиков.

Б.Ф. Поршнева утверждал: *«Нет сколько-нибудь серьезных и заслуживающих согласия аргументов в пользу существования охоты на крупных животных в нижнем и среднем палеолите, есть одни лишь фикции (умели находить и осваивать трупы умерших и убитых хищниками животных. Троглодитиды (вероятно, по большей части, неандертальцы – А.В.) были высоко эффективными и специализированными раскалывателями, разбивателями, расчленителями крепких органических покровов с помощью еще более крепких и острых камней. ... Это была адаптация к принципиально новому образу питания – некрофагии. ... Троглодитиды не только не убивали крупных животных, но и должны были выработать жесткий инстинкт: ни в*

коем случае не убивать, ибо это разрушило бы их хрупкую экологическую нишу в биоценозе». [3]

Здесь небольшая ремарка. Совершенно не понятно с точки зрения эволюционной биологии, как могли древние не-люди (некрофаги, трупояды) дорасти до такой заповеди «не убий», питаюсь преимущественно мясом животных, а не растительной пищей? И почему нарушение этого удивительного (для падальщиков) принципа, могло нарушить их хрупкую нишу в биоценозе? Современные шимпанзе время от времени охотятся успешно (правда, на мелкую дичь, в основном) и это никак не нарушает их хрупкую нишу...

Но идем далее: *«Троглодитиды, включая неандертальцев (палеоантропов), абсолютно не-люди». [3]*

А дальше начинается самое интересное (вот они, истоки современного зоозащитного движения!). *«Что касается хищников, нападение их на человеке вообще мало характерно: но надо только уметь обращаться с диким животным на воле, говорят натуралисты. Широчайшее поле для реконструкции его (нашего предка) необычайно тесной и бескровной связи с животным миром, это, а не версия об охоте, важнейшая сторона процесса, который приведет его к порогу очеловечивания». [3]*

Спору нет – версия очень любопытная и перспективная. Но – она мало похожа на эволюционную. И совсем никак не объясняет содержание Homo Sapiens и его истории последних пяти тысяч лет. Как он умудрился перейти от бескровной связи с дикими животными к бесконечным войнам между представителями своего же, якобы разумного, вида?

В комментариях О.Т. Вите, помещенных в книге Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» есть, кроме прочего, два любопытных фрагмента, которые, мягко говоря, трудно принять однозначно.

1. *«Б.Ф. Поршнев доказывал ... предок человека не мог быть охотником. Ибо это противоречит данным зоологии». [3]*

Совершенно не понятно, о какой зоологии идет речь, ибо если иметь ввиду современную науку зоологию, то трудно себе представить, в чем противоречие формулы «предок человека - охотник», так как сам человек, в своем большинстве человеческой истории (практически во всех этносах и популяциях) – весьма искусный и изощренный охотник, имеющий богатейшую многовековую и многотысячелетнюю историю (следуя Б.Ф. Поршневу, трудно понять – откуда вообще взялся человек-охотник?).

2. *«Сегодня абсолютное число антропологов фактически разделяет те выводы, за признание которых почти двадцать лет самоотверженно и безуспешно бился Б.Ф. Поршнев...».* [3]

И здесь также сложно согласиться с утверждением, ибо если следовать суровой правде – большинство современных антропологов либо не читало удивительный, талантливый труд Б.Ф. Поршнева, либо просто игнорирует оригинальные идеи, высказанные в книге «О начале человеческой истории», а если использует таковые (в частности, о трупофагии или трупоядении), то совершенно забывает упомянуть главного создателя этой теории.

Несмотря на большое уважение к автору теории не-охотничьего происхождения человека, с чем я совершенно не согласен, мне также трудно принять его постулаты в сфере развития (эволюции) психики человека. Один небольшой пример: *«Маркс и Энгельс подчеркивали, что там (в первобытном обществе) у человека отсутствовала возможность принять какое бы то ни было решение, ибо всякие решения наперед было предрешено родовым и племенным обычаем»* [3]. В этом утверждении обнаруживается незнание этологии и зоопсихологии и сведение первобытного человека к образу полного автомата инстинктов – непонятно – как вообще могла происходить эволюция? Так что, на мой взгляд, это весьма ущербный момент палеопсихологических представлений и реконструкций уважаемого Б.Ф. Поршнева.

Вопрос о том, была ли охота на крупных животных в среднем и верхнем палеолите (в первую очередь – на мамонтов) и в настоящее время остается

остро дискуссионным. В нем можно обнаружить три ярко выраженных «полюса» притяжения:

1. Охота на крупных животных у предков человека полностью отсутствовала, и было только подбирание и разделка трупов павших животных.

2. Охота на крупных животных имела место и развивалась эволюционным путем, без разрушения биоценозов и истребления всего поголовья охотничьего вида.

3. Охота привела к полной гибели (истреблению) мамонтов, шерстистых носорогов, пещерных медведей и других видов.

Между этими тремя «полюсами» располагается всё остальное разнообразие картин эволюционного прошлого (средний и верхний палеолит). Это разнообразие рассматривает в своей статье «К вопросу об охоте на мамонтов» Ю.Б. Сериков [4]. Он замечает, что, по мнению большинства российских археологов, активная охота на мамонтов являлась основой хозяйства верхнепалеолитического населения.

Кельсиев А.И., Громов В.И., Соффер О.А. – больше сторонники использования трупов, погибших от разных причин.

Ю.Б. Сериков задает риторический вопрос: если мамонт являлся основным охотничьим животным, то зачем вообще охотиться на других животных? (бизона, оленя и т.д.) И приходит к выводу, что основными объектами охоты были копытные, а кости собирались на естественных «кладбищах» в качестве прежде всего строительных материалов и топлива для очагов, таким образом, если охота на мамонтов существовала, то имела очень ограниченный характер [4].

В 70-е-80-е годы XX века в среде археологов и палеонтологов доминировало мнение о широком распространении культуры охотников на мамонтов (от 30 до 9 тыс. лет назад). Исчезновение данной охотничьей культуры связывали с резкими изменениями природно-климатических условий, обусловившими вымирание и смену охотничьей фауны верхнего палеолита [5].

Эту точку зрения подтверждают и новейшие следования европейских ученых. В статье И. Крафта и И.В. Шмидта рассматриваются факты, подтверждающие существование охоты на крупных животных в Европе еще в эпоху среднего палеолита: *«Некоторые экстраординарные археологические памятники обладают фактическими доказательствами того, что homiенes, охотились на крупную дичь уже 400 000 – 300 000 лет назад»*. [2] В частности авторы приводят серьезный контраргумент против «падалыщиков»: *«необходимо учитывать, что падаль в качестве продукта для охотников и собирателей является скорее счастливой случайностью, чем правилом, и уж тем более, не может рассматриваться в качестве обеспечивающего и планируемого источника питания»* [2]. Добавим: трудно представить интенсивную эволюцию интеллекта и иных человеческих качеств при отсутствии постоянной коллективной охотничьей деятельности.

Далее авторы приводят два примера находок, подтверждающих охоту на крупных животных в среднем палеолите.

1. В Нижней Саксонии (Германия) в 1948 году в яме мергелевого галечника (геологический возраст был определен в 120 000 лет назад) были обнаружены скелетные останки лесного слона. В ребрах животного сохранилась застрявшая сильно изогнутая тисовая палка, длина которой составляла 2,4 м.

2. В 1994 году в местности Шёнинген (Нижняя Саксония) были сделаны сенсационные находки, подтверждающие охоту на лошадей 300 000 лет назад. До 2011 года на площади в 600 кв.м. среди останков 25 лошадей было обнаружено девять копий и один дротик. Копья из ели имеют длину от 1,8 до 2,3 м и диаметр от 29 до 47 мм. Реплика одного из этих орудий и использование его профессиональным метальщиком подтверждают теоретические предположения о его хорошей балансировке и аэродинамике. Сделанное и пущенное рукой мастера копьё преодолевало в полете расстояние до 80 метров [2].

Вышеназванные находки служат серьезным подтверждением существования активной систематической охоты на крупных хищников уже в среднем палеолите и позволяют говорить о достаточно высокоразвитой технике охоты, позволяющей стабильно и успешно добывать охотничьих животных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). – Иркутск: Отгиск, 2016. – 100 с.
 2. Крафт И., Шмидт И.В. К вопросу об охоте на крупных животных в среднем палеолите // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ohote-na-kрупnyh-zhivotnyh-v-srednem-paleolite> (дата обращения: 1.04.2018).
 3. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М; Мысль, 1974. – 487 с.
 4. Сериков Ю.Б. К вопросу об охоте на мамонтов / Ю.Б. Сериков // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6, 7. - С. 5-11
 5. Хэйнес В. Охотники на мамонтов в США и СССР / В. Хэйнес // Берингия в кайнозое. – Владивосток, 1976. – С. 427-437
-

УДК 1: 903:639.1.05

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО
ОХОТНИКА (КОММЕНТАРИИ К ТРЕМ НАСТОЛЬНЫМ КНИГАМ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ)¹⁷**

Автор приводит собственные комментарии к трем книгам, которые затрагивают тему психологии древнего (палеолитического) охотника: Лобок А. М. Антропология мифа (1997), Добренков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология: Учебник (2008) и Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания (2017).

Ключевые слова: социальная антропология, философская антропология, палеолитический охотник, охота, игра, палеопсихология.

**REFLECTIONS ON THE PSYCHOLOGY OF PALEOLITHIC
HUNTER (COMMENTS TO THREE TABLE BOOKS OF SOCIAL
AND PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY)**

The author gives own comments to three books which note the psychology of the ancient (palaeolithic) hunter.: Lobok A. Anthropology of myth (1997), Dobrenkov V. I., Kravchenko A. I. Social anthropology: Textbook (2008) and Girenok F. I. Autography of language and mind (2017).

Key words: social anthropology, philosophical anthropology, Paleolithic hunter, hunting, game, paleopsychology.

*В метафизике можно беззаботно
врать всякий вздор.*

И. Кант

В декабре 1997 года в моей книжной коллекции появилась книга «Антропология мифа». Автор – уральский философ Александр Лобок. Как сам автор её обозначил – «неправильная книга». Книга удивительная, написанная на одном дыхании и своеобразно многослойная, многомерная. Для многократного прочтения. Как обозначено на титуле – «Философский андеграунд Урала». Как говорят в народе – «андеграунд по полной программе». Там есть всё. От бесконечной интерпретации мифа (от истоков до наших дней) и всевозможных вариаций антропологического дискурса до гносеологии абсурда и искушения социальностью. Мой интерес, вызвавший приобретение и последующее неоднократное прочтение, конечно же касался в основном тех

¹⁷ Опубликовано: Винобер А.В. Размышления о психологии палеолитического охотника (комментарии к трем настольным книгам по социальной и философской антропологии) / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства/ 2018. - 3(9). – С. 49-59.

фрагментов, которые своеобразно освещали психологию древнего охотника и во многом не совпадали с моими реконструкциями эволюции человеческой психики в палеолите [1, 2, 3]. В чем-то, однако, случалось и совпадение взглядов. Ниже я привожу несколько фрагментов, дающих некоторое представление о своеобразных авторских интерпретациях (надо сказать, что насыщенность такими яркими фрагментами в книге невероятная – просто потрясающая бифуркация и фонтанирование яркими образами и гипотезами едва ли не на каждой странице).

«Охотник – во все времена – получает странное удовлетворение от самого процесса охоты – совершенно независимо от того, оказывается она результативной или нет? Охота и собирательство во все времена являются формами эмоциональной разрядки, в которых человек оказывается движим естественным игровым азартом ничуть не меньше, чем его непосредственные животные предки. В конце концов охотой и собирательством занимается любое животное – однако никому не придет в голову рассуждать о трудоемкости собирательской деятельности у обезьян или о трудоемкости охоты у львов. Даже при самых больших расходах энергии охотник не чувствует утомительности и психологической выжатости.» [7]

Не знаю, как во все времена, но больше похоже на портрет современного охотника-любителя, который вырвался из тисков цивилизации и испытывает необычайное эмоциональное удовлетворение от общения с природой и от процесса охотничьей деятельности. Когда охота – каждодневная деятельность, т.е. промысловая охота, что осуществляется изо дня в день, в течение всего продолжительного сезона и требует ежедневно предельного напряжения, максимальных энергозатрат и при этом не дает желаемого результата – какое тогда может быть постоянное удовлетворение и отсутствие утомительности? Тем более, у древнего охотника, для которого главное – результат, добыча (для своего выживания, выживания рода, племени) – о каком морально-эстетическом удовлетворении может быть речь, если нет добычи и все остались

голодными? Только сидя в уютном городском кабинете можно представлять, что охота – это просто спорт, игра физических сил ради получения морально-эстетического и эмоционального удовлетворения, а результативность этого процесса (добыча охотничьего животного) – это всего лишь дополнительный бонус для отдельных избранных...

«Повседневная жизнь доземледельческого человека – это по преимуществу празднество, ритуал, обряд, но никак не тяжелая трудовая деятельность. А добывание пропитания для него, как уже говорилось, это охота, которая во многом построена на игре и азарте, но никак не на тяжком труде, и сам термин «охота» в этом плане более чем показателен. Охота – это ведь и есть то, чего «хочется», то, чего «охота», то, что совершается «в охотку», а не под давлением жесткой внешней необходимости. Причем собирательство – второй традиционно указываемый источник пропитания – это тоже своеобразная охота, игра, азартный поиск, но не изнуряющий труд.» [7]

Здесь продолжение темы: «охота не труд, а игра». Игра, азарт и никаких тебе трудовых усилий. Если несколько утрировать, охота – это жизнь на райском острове, где нет суровых климатических условий и крупных хищников и вся охотничья дичь ходит пешком по прибрежному песку и никуда не убегает, не улетает и не прячется. Вся задача в том, чтобы удачно метнуть камень или бумеранг. И никакого давления жесткой необходимости.

«Разумеется, палеолитическому человеку знакомы целевые формы деятельности. Однако в том-то и состоит суть дела, что эти формы деятельности никак не могут быть определены в качестве производительных: ведь это деятельность по добыванию пропитания, т.е. охота и собирательство. И поскольку ни охота, ни собирательство не являются производительными формами деятельности, то очевидно, что категория «труд» к ним так же не применима.» [7]

В общем, охота и собирательство – это не труд, это просто игра в деятельность по добыванию пропитания. А вот сходить в супермаркет, купить какого-нибудь замороженного бройлера – это уже не охота, а, вероятно, настоящий труд.

Ниже я привожу три фрагмента, которые касаются сексуальной сферы древнего человека, что автору книги представляется явно более важной и значимой, чем другие сферы и сущности человеческой деятельности.

«Уже на самых ранних ступенях своего существования человек накладывает на сексуальные взаимоотношения в своем обществе систему чрезвычайно жестких ограничений – систему культурных табу и, вместе с тем, - создает своеобразный культ секса, обожествление секса. И это драматическое противоречие не может не бросаться в глаза при взгляде на архаические культуры.» [7]

Любопытно, что автор не уточняет хронологические этапы архаической культуры, на которых происходит появление жестких ограничений, создание культа секса и его обожествление. В нижнем или верхнем палеолите, в неолите или в античное время? У всех ли народов происходит создание такого культа и его обожествление, или только, например, в Древней Индии?

Это историческое обожествление похоже на такое явление как матриархат, который открыл один ученый в XIX веке не выходя из своего кабинета – и все интеллигентные люди соглашались, не утруждая себя мыслью, почему у всех высших приматов доминируют самцы, а у человека – вдруг появилась эпоха, где безраздельно доминировал слабый пол (вопреки здравому эволюционно-биологическому смыслу), а потом вдруг снова начал доминировать сильный пол?

Значительное место А. Лобок уделяет появлению и доминированию в архаических культурах фаллического культа. Такое впечатление, что вся жизнь древнего охотника вертелась вокруг фаллоса, но изредка – он должен был играть в процесс охоты.

«Вздыбленный фаллос первобытного человека, который метит мир не мочой, а спермой, как бы заявляет этому миру: «ты – мой, и отныне я – твой хозяин!». Не случайно так распространена у различных первобытных племен мода на непомерное увеличение размеров эрегированного фаллоса с помощью различных надстроек, продлевающих его величину до полутора-двух метров.»
[7]

Тут сложно комментировать – фантазия уральского философа-антрополога «зашкаливает» и её основательно трудно привязать к земным реалиям. Видимо, здесь мы обнаруживаем своеобразную интерпретацию эпохи промискуитета, о которой так много говорилось в XIX и XX веке, и которая тоже напоминает рожденный в уютном кабинете фантазией отдельных ученых прошлых столетий утопический образ райского острова в тропическом поясе, где нет борьбы за выживание, где нет труда, естественного отбора, конкуренции и только один сплошной промискуитет.

И в завершение еще один фрагмент из серии уральского философского андеграунда.

«Фаллос, путешествующий по Ойкумене, не просто дает всему имя; он оказывается одновременно и создателем всего сущего, и этот факт несомненно требует анализа и размышления – особенно в свете тех особенностей антропологической природы человека, о которых шла речь выше.» [7]

Несомненно, требует анализа и размышления – здесь невозможно не согласиться. Здесь есть место для серьезных погружений в лоно глубинного психоанализа.

В ноябре 2009 года приобрел по случаю учебник «Социальная антропология» авторы: В.И. Добренков, А.И. Кравченко. Как звучит на титуле – классический университетский учебник, выпущенный в серии, посвященной 250-летию Московского университета, для студентов вузов, обучающихся по специальности «социология» 020300. Просто стало любопытно, что же читают

в качестве учебников студенты главного вуза страны. В общем – книга тяжелая, солидная. На обложке – университетский шпиль...

Читаю до сих пор. Будоражит мысль и порождает вопросы. Правда, нередко посещает мысль, что учебник похож на лекционные импровизации авторов, распечатанные с диктофона и немного подправленные авторами. В таких случаях присутствует ярко выраженный тон доступности, популярности, доминирующей над научной строгостью. В последнее время мне посчастливилось прочесть лекционные курсы историков С.В. Ешевского и В.Г. Васильевского, читавших в Московском университете в середине и второй половине XIX века. Там тоже присутствуют элементы популярности, субъективных авторских предпочтений – от этого никуда не убежишь (как хотел когда-то убежать Иммануил Кант, конструируя в философии сугубо бухгалтерский стиль). Но научной строгости в лекционных курсах историков XIX века оказалось побольше, чем в учебнике XXI века. Видимо, дело в студентах. У студентов XIX века, вероятно, преобладало стремление к большей строгости и достоверности, чем у нынешних студентов МГУ.

Во времена интернет и всевозможных симулякров – кому нужна избыточная строгость и объективность научных знаний. Главное - казаться, а не быть. Главное, чтобы было доступно и интересно, да и кто из социологов нуждается в достоверных антропологических знаниях? Как говорится в одном известном афоризме – «Величина разума на Земле – постоянная, а население – растет». Или перефразируя: «Количество студентов на Земле растет обратно пропорционально глубине знания». Но это всего лишь субъективное ощущение. Как-то мне еще не повезло встретить серьезных историко-социологических исследований, где был бы представлен сравнительный анализ знаний и интеллектуально-профессиональных качеств студентов XIX- XX – XXI века (например, того же МГУ). Априори, могу выразить гипотезу, эволюционная динамика будет подниматься и резко падать в зависимости от исторических и социальных событий, происходивших в обществе. То же самое, вероятно, будет

прослеживаться при сравнительном исследовании профессорско-преподавательского состава. И, вероятно, будет прослеживаться какая-то относительно устойчивая корреляционная зависимость между качественным уровнем студентов и преподавателей...

Возвращаюсь к учебнику, обозначенному в начале. По ходу первого прочтения, сразу же стали возникать вопросы, которые для меня до сих пор остаются актуальными. Думается – вероятно, я отстал от жизни, т.е. от уровня передовой науки, если не могу понять элементарных научных закономерностей и фактов доступных любому студенту.

Для примера, приведу несколько фрагментов.

«На рубеже раннего и позднего палеолита – господство биологических законов естественного отбора кончается... Отныне главным стало не приспособление к среде, а адаптация к знаниям и нормам коллектива». [6]

Как будто по решению партсъезда или по указу президента – запретили господство биологических законов естественного отбора на каком-то трудноуловимом и невидимом рубеже. Главным стало не приспособление к среде, а адаптация к знаниям и нормам коллектива (ни почём среда и непогода. Ходим зимой голыми в минус 50С и адаптируемся к коллективу)

«Современные солдаты (убивая противника) испытывают такой жуткий психологический шок, который неведом был первобытному человеку, поедаящему чужеплеменника. В его представлениях он никого не убивал – он просто охотился на людей, как охотятся на дичь». [6]

Большинство современных солдат, убивая противника, не испытывают никакого жуткого психологического шока, тем более, что большинство случаев поражения находится на значительном расстоянии, а не в рукопашной схватке. Психологический шок испытывают, как правило, не пригодные и неподготовленные к военной службе. Первобытный человек вообще редко охотился на чужеплеменников и многотысячелетние периоды (эпохи) каннибализма – такая же кабинетная выдумка ученых-теоретиков. Во-первых,

плотность населения была чрезвычайно мала и вполне достаточно было удобных для охоты животных, водившихся в изобилии. Каннибализм случался в некоторых экстремальных условиях, но он не был постоянным правилом, делающим охоту на чужеплеменников основным занятием палеолитического охотника. И тем более, это не могло занимать столько времени, как описывает Поршнева [8] и др. По нашему мнению, десятки, сотни тысяч лет каннибализма – это плод научной фантазии. Если бы это было на самом деле – последние поколения вряд ли бы смогли переключаться после этого на охоту на других животных.

«Поведение людей на 80% социально приобретенное, и на 20% биологически прирожденное». [6]

Скажите мне, кто так удачно и ровно «распилил» поведение людей: лишь 1/5 часть – биологического происхождения, а 4/5 – социально приобретенное? Вот уже более 40 лет сознательно изучаю психологию современного человека и такое ощущение, что в нем скорее 4/5 – биологически обусловленное и только редко отдельные особи «дотягивают» до 1/5 социального обусловленного.

И последний случайный фрагмент из классического учебника по социальной антропологии.

«Яркие свидетельства «расточительности» охоты палеолитического человека – вовсе не исключение. На стоянке Амвросиевка найдены останки примерно 800 бизонов. Этих животных поймали в ловушку, используя для неё овраг. Часть животных успели съесть, большая часть – сгнила. На Мальте найдены останки 600 оленей, в Шуссендире – примерно 500, в Гурдане – порядка 3 тысяч. Массовые облавные охоты приводили к гибели целые стада травоядных. При этом использовалась только часть полученной добычи. Н. Верещагин полагает, что палеолитические обитатели Русской равнины и Крыма должны были ежегодно истреблять 120 тыс. северных оленей, 80 тыс. лошадей, 30 тыс. бизонов или 10 тыс. мамонтов. Кстати, у индейцев еще в

середине XIX века организовывались такие же точно загонные охоты – порой губившие целые стада бизонов, от которых использовалась лишь часть.» [6]

Надо сказать, что подобные свидетельства расточительности палеолитического охотника – расхожий образец, кочующий по многим гуманитарным текстам уже продолжительное время. Надо сказать, что изобрел этот образец не Н. Верещагин, а кто-то в более раннее время, и этот «образец» или «образ» прижился в гуманитарной науке на правах очевидного факта (нечто похоже на матриархат и промискуитет – никто не видел, но все об этом пишут).

Парадокс в том, что останки (артефакты, палеонтологические находки) действительно имеют место в природе, но интерпретация происхождения количества останков совершенно неадекватная. На той же Мальте, останки оленей не 600, а 400, и накопились они не за один год, а как минимум за 20-30 лет жизни первобытного коллектива в данном месте. [3]

А приводимая интерпретация Н. Верещагина – полный полет фантазии, не учитывающий демографии палеолитического населения. Что касается индейцев и бизонов – то здесь вообще полное незнание истории освоения Северной Америки и целенаправленного истребления бизонов белым населением, чтобы лишить тех же индейцев основного объекта питания большинства аборигенных племен, что прекрасно описано американскими антропологами и писателями XIX века.

В целом – полезный учебник. Может служить для инициирования многих социально-антропологических дискуссии и исследований.

Третья книга была взята в областной библиотеке и прочитана мной в марте 2018 года. Автор книги – известный философ из МГУ Ф. Гиренок. Книга называется «Аутография языка и сознания». Первую книгу Ф. Гиренка я имел неосторожность прочесть в июле 1987 года. Это была книга «Экология. Цивилизация. Ноосфера» [5] - она произвела на меня серьезное впечатление логичностью авторской аргументации. Позднее, неоднократно возвращался к

книге «Экология. Цивилизация. Ноосфера», и считал эту вещь удачной философской работой своего времени.

Новая книга – также не смогла оставить равнодушным – эмоции выплескивались при чтении почти каждой страницы. Надо сказать, что уважаемый автор (Ф. Гиренок) раскрылся в новой книге в совершенно новой для меня ипостаси: глубоким психопатологом, психиатром и психоаналитиком. В сравнении с книгой «Экология. Цивилизация. Ноосфера», написанной с позиции марксизма и материализма «Автография...» (такое впечатление) создавалась под большим влиянием Бодрийера, Делеза, Фуко, Кристевой и иных французских постмодернистов).

Как и уральский философ-антрополог А. Лобок, Ф. Гиренок, совершенно свободно препарирует проблемы развития языка, речи, мышления, живописи, сознания, каннибализма, девиации, психопатии, аутизма, онанизма, а также о границах между человеком и обезьяной.

Невероятно широкое трактование аутизма. В данном случае автор приравнивает аутизм к интроверсии, ссылаясь при этом на Юнга (аутист = интроверт, звучит у Ф. Гиренка неоднократно и надо сказать, что читая К. Юнга уже около 30 лет я умудрился не заметить у него такого определения-приравнивания).

Ниже несколько фрагментов из «Автографии...»

«Среди аутистов гениев в тысячу раз больше, чем среди нормальных людей». [4]

По мнению Ф. Гиренка, Леонардо да Винчи, Эйнштейн, Архимед, Ньютон, Ч. Дарвин, Планк, Шрединг, Витгенштейн, Менделеев и мн. др. были аутистами (заметьте – не интровертами, а именно аутистами. Для этого диагноза нужно чувствовать себя серьезным психопатологом).

«Первобытный художник стоял перед выбором: либо быть гиперактивным, либо впасть в дремоту и сонливость... Первобытным

художникам придется поместить себя в больницу под названием «социум», который пропишет им лекарство под названием «язык». [4]

(Кажется, в этом месте все французские философы дружно попросились в отпуск).

«Художники палеолита обрубали себе фаланги пальцев, в том числе и для того, чтобы вернуть себе чувство реальности, чтобы выработать в себе волю и взять над собой контроль свои видения».

«... Суммирование всех этих обстоятельств позволяет поставить в центр позднего палеолита фигуру аутиста, которая корреспондирует с фигурой шизофреника». [4]

Просто удивительное проникновение в психопатологию палеолитического человека. Создается впечатление, что философский мейнстрим МГУ нисколько не уступает философскому андеграунду Урала.

Резюме.

Как бы то ни было, а вольная бифуркация и пролиферация образами и видениями создает удивительную атмосферу в среде бурно развивающейся отечественной философской и социальной антропологии, и надо надеяться, что вскорости у нас могут появиться серьезные научные школы, и мы, наконец, будем созидать более обоснованные научные теории, а не только подражать дедушке З. Фрейду и французским схоластам-постмодернистам последних десятилетий XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. Палеопсихология и реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. матер. I междунар. науч.-практ. конф. (4-7 апр. 2014г.)-Иркутск: Изд-во ИрГСХА – 2014.- С. 72-76

2. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). - Иркутск: Оттиск, 2016. – 100 с.

3. Винобер А.В. Игра как средство охотничьей социализации в верхнем палеолите / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб материалов 5 междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск 4-7 апреля 2017). – Иркутск: Оттиск, 2017. – С. 81-94

Антропология охоты: сборник статей

4. Гиренок Ф.И. Аутография языка и сознания. – М.: Проспект, 2017. – 256 с.
 5. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. – М.: Наука, 1987. – 182 с.
 6. Добренъков В.И., Кравченко А.И. Социальная антропология: Учебник. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 688 с.
 7. Лобок А. М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.
 8. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
-

УДК 639.1 : 101 : 572

ОХОТА – СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ¹⁸

В первой части представлены тезисы о роли охоты в развитии человеческого общества. Во второй части статьи-очерка автор повествует о личном опыте познания социального феномена охоты.

Ключевые слова: охота, социальный феномен, антропология, охотничья деятельность, архетип.

HUNTING IS A SOCIAL PHENOMENON: HISTORICAL-PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL REFLECTIONS

The first part presents theses about the role of hunting in the development of human society. In the second part of the article-essay the author tells about personal experience of knowledge of the social phenomenon of hunting.

Key words: hunting, social phenomenon, anthropology, hunting activity, archetype.

Охотники этим занятием развивают телесную силу, тонкий слух, острое зрение и крепкое здоровье... Если доведется во время войны идти по самым неудобным дорогам, под изнуряющей тяжестью доспехов, то охотник не падает духом, так как он переносит такие неудобства.

Ксенофонт. (Древнегреческий писатель и полководец - ок. 430 г. до н. э. — не ранее 356 до н. э.)

История охоты (охотничьей трудовой деятельности) Homo Sapiens и его далеких предков, насчитывает многие десятки, сотни, тысяч лет (а, может, и несколько миллионов лет). По крайней мере, Homo habilis (2 – 2,5 млн. лет назад), уже был вполне сложившимся, сознательным охотником, и применял для целей охоты и обработки добычи изготовленные им первые орудия труда.

[7]

О роли охоты в развитии человеческого общества и в эволюции человека есть немало версий и аргументов (фактов) в археологической,

¹⁸ Опубликовано: Винобер А.В. Охота – социальный феномен: историко-философские и антропологические рефлексии /А.В. Винобер// Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2018. – 2(8). – С. 38-46.

антропологической, философской литературе. Но в целом, эта проблема остается огромным белым пятном в истории (или ,точнее, в до-истории) становления человечества.

«Доисторическая эпоха, когда дочеловек стал человеком – явление по своей исторической значимости более выдающееся, чем возникновение цивилизаций... но оно все еще остается абсолютно лишенным всякого исторического сознания». [8]

Осмысление и исследование этой проблемы с позиций разных наук на основе системного анализа и реконструктивного моделирования может дать ключи к пониманию подлинной сущности социального феномена охоты, его филогенетического развития и влияния на формирование человека и общества.

Самое удивительное в этом прошлом то, что охота, на наш взгляд, является основной причиной появления и развития человека Разумного. Сотни тысяч лет охотничьей деятельности оставили самые разнообразные следы в генетическом коде современного человека. [1]

Сложность реконструкции эволюции охотничьей деятельности заключается в том, что за исключением отдельных артефактов и материальных следов охоты (охотничьи орудия и останки объектов охоты, в отдельных случаях – ловчие ямы, останки загонов и т.п.), мы не можем опираться на вещественные элементы доказательства, т.к. более 90% процесса охоты выражены биопсихосоциальной деятельностью, не оставляющей следов в материальной культуре, а имеющих отражение только в психике, психофизиологии и в какой-то степени отражающихся в генетической памяти или ментальной (возможное наследование архетипов коллективного бессознательного и идеомоторных стереотипов охотничьей деятельности – что нуждается в серьезном исследовании). Поэтому, в процессе реконструкции очень важен компонент (подход) аналитико-синтетического многовариантного моделирования, позволяющий «достраивать здание» (восстанавливать этапы и содержание процесса эволюции охоты).

Психические свойства, присущие человеку на отдельных этапах эволюции, могут быть заархивированы и разворачиваются в экстремальных условиях, либо под специфическим воздействием. [3]

Основные черты охотничьего прошлого присутствуют в психике каждого человека, независимо от его пола, национальности, возраста или профессии. В значительной степени они скрыты в толще бессознательного, поэтому в обыденной жизни мы их не замечаем. Но бывают минуты, когда наследие охотничьего прошлого прорывается на поверхность и выражается в различных формах поведения человека. Это чаще всего происходит в ситуациях стресса, нахождения в природной среде. В обществе мы с этим сталкиваемся когда происходят различные противостояния и борьба между отдельными людьми, различными группами, этносами и политическими силами. Охотничьи атавизмы мы наблюдаем в современном спорте в самых различных его видах, более всего в единоборствах и спортивных играх. В политике это присутствует в самых разных комбинациях и выражениях. Когда сталкиваешься с «черным пиаром», испытываешь ощущение, что ты находишься на загонной охоте, где в качестве преследуемой жертвы выступает один из политических претендентов (на место под солнцем), на которого направлен весь поток негативной информации, загоняющей его в угол.

У охоты есть будущее. Человек не сможет убежать от себя, подавить свою природу, несмотря на антиохотничьи тенденции, проявляющиеся в цивилизованном обществе. Охоту как явление нужно понимать, а не пытаться свалить на неё ответственность за экологический кризис, к которому она имеет самое отдаленное отношение. Известный эколог Жан Дорст давно выразил эту мысль: «Дичь уничтожает не охотник, а бульдозер». Цивилизация повсеместно наступает на места обитания диких животных, сокращая их ареалы, численность и видовое разнообразие. А охотники выступают против этого, и чем больше будет среди нас охотников – именно охотников, а не браконьеров – тем больше у природы шансов сохраниться в естественном виде. [1]

1. Охота есть проявление всеобщего принципа экспансии и ассимиляции одних живых организмов другими живыми организмами. [3]

Более краткий и точный вариант: охота – универсальное эволюционное приспособление живого. Вполне вероятно, что это даже не приспособление и не земное изобретение-приобретение, а извечно существующая космическая закономерность или одна из ипостасей всеобщего космического закона существования и развития живой материи.

2. Охотничья деятельность сформировала вид человека разумного и в решающей степени обеспечила социогенетическое развитие человеческого общества, формирование культуры и технологии, и создала предпосылки зарождения цивилизации.

Чтобы в этом убедиться, необходимо осуществить имитационное моделирование эволюционного процесса развития охоты, охотничьей культуры и технологии – и тогда мы сможем увидеть, как из охотничьих мифов, ритуалов и магии рождаются шаманизм и жреческие религии, как рождаются и развиваются технологии обработки камня, дерева, шкур и костей животных; как из наскальных и пещерных изображений животных рождается живопись, и как из копья, примитивного каменного топора и лука со стрелами, рождаются метательные орудия, арбалеты, боевые топоры...

3. Охота - это генетически обусловленная конструктивная агрессия, направленная на обеспечение добычи объекта охоты.

Агрессивность человека – это филогенетическое наследие, которое в процессе эволюции вида достигло большого человеческого своеобразия. Такого широчайшего диапазона проявления агрессивных качеств, вероятно, не имеет никакой другой вид на земле. Агрессивность нормального охотника почти всегда умеренна и конструктивна, если не считать особых экстремальных ситуаций. Деструктивная агрессия – это порождение постохотничьей цивилизации (неолит, протогосударства, древний мир, средневековье, новое время). В новейшем времени (в периоде глобализации, нетократии и

компьютерного интеллекта) возможность проявления человеком деструктивной агрессии достигает своего критического максимума. Современная охотничья культура имеет к этому явлению минимальное отношение. [6]

4. В значительной степени мы сохранили генетическую память охотников прошлых поколений и в разной степени используем ее в современном обществе.

Но так как использование этой генетической памяти осуществляется бессознательно и опосредовано (т.е. вне охотничьей деятельности), то трудно (или почти невозможно) осуществить достоверную идентификацию действия древней генетической памяти. Наиболее достоверные проявления генетической памяти происходят в экстремальных ситуациях охоты или в ситуациях вооруженных конфликтов и боевых действий.

5. Охотничья генетика и культура являются истоками многих феноменов современного общества: науки, искусства, магии, ритуалов, законов, войн, игры, театра, спорта, мифа и религии...

Об этом мы утверждали ранее в пп. 2 и 4. Проблема в том, что в этом направлении осуществляется крайне мало фундаментальных и прикладных реконструктивно-аналитических исследований. Из-за бедности и отсутствия последних общество в целом серьезно не понимает и не дооценивает значение охотничьей культуры и многотысячелетнего пласта охотничьей «генетики» в составе психики современного человека и в проявлениях (во взаимодействии) между индивидуумами и социальными группами.

6. Охотничьи архетипы продолжают свою эволюцию в индивидуальной и коллективной деятельности современного человека.

Архетип – само по себе «существо» трудноуловимое. Пожалуй, для него требуется изобрести какой-нибудь «психогенетический коллаيدر», и тогда мы сможем стабильно обнаруживать следы проявления архетипов... Трансформация и дальнейшая эволюция (а чаще – инволюция) охотничьих архетипов на наш взгляд, весьма перспективная тема для постнеклассической

психологии. [5] Почему никто не занимается? Наверное, тут срабатывает принцип «неуловимого индейца Джо»...

7. Реконструкция процесса эволюционного развития человека-охотника и реконструкция эволюции генетического развития его психики позволяет более адекватно понять глубинные истоки многих социально-психологических свойств и черт современного человека.

Тема сложная и архиважная. Но кто бы её разглядел и профинансировал... Необходимы серьезные полевые эксперименты и компьютерное моделирование. [4] И тогда мы реально сможем понять эволюцию и динамику психогенетического развития современного человека (человека XXI века).

8. Понимание истинной природы феномена охоты позволяет более точно понять смысл и сущность процессов и проблем развития современной цивилизации.

Это тема для антропологов, философов, социологов, психологов, культурологов и охотоведов вместе взятых. Только междисциплинарный системный подход сможет вскрыть этот природный слой истоков цивилизации. У охотоведов есть отличный шанс «затесаться» в компанию фундаментальных гуманитарных исследований феномена охоты.

9. Понимание глубинной природы охоты позволяет более точно прогнозировать и моделировать дальнейшую эволюцию современного человека и планетарной человеческой цивилизации, более адекватно оценивать ее перспективы в земном и космическом масштабе.

В общем, понятно, что здесь футурологический прогноз. Есть такая серьезная вероятность. Но по этому поводу, говоря современным языком, никто серьезно «не заморачивался». Необходимость таковая существует

10. В настоящее время общественные (гуманитарные, социальные) науки в процессе построения своих гипотез и теорий, в процессе проведения исследований, сбора фактического материала, его интерпретации

в подавляющем большинстве случаев игнорируют социогенетическое прошлое человека-охотника, создавая стерильные кабинетные теории...

Достаточно послушать многочисленных современных гуманитариев (философов, антропологов, психологов, социологов, культурологов и, особенно, политиков) – вы сможете наглядно в этом убедиться, если к тому же добавите серьезный контент – анализ неизмеримого числа публикаций о человеке, его прошлом, настоящем и будущем.

В апреле 1983 года, будучи студентом первого курса факультета охотоведения Иркутского сельхозинститута (ныне Иркутский аграрный университет), я случайно (а может и вовсе не случайно) заглянул в аудиторию, где происходило заседание студенческого философского кружка (ведь были же такие замечательные времена, когда студенты не только учились, но и норовили посещать научные кружки!) и познакомился с преподавателем философии Домишкевичем Александром Федоровичем. Один из любимых афоризмов Александра Федоровича был прост и незатейлив: «Каждому времени нужны свои философы: большие и маленькие». Когда я его впервые услышал, моментально «про себя» подумал: «Ну, я-то непременно большим буду!». Амбиции зашкаливали... Но время вносит свои коррективы, и с возрастом иногда мы становимся скромнее. Так вот, А.Ф., заметив, что я увлекаюсь историей и философией, предложил мне подключиться к общей теме философского кружка. Она звучала следующим образом: «Охота и её роль в развитии общества». Необычно и глобально даже и по нашим временам. Тема понравилась и захватила. Уже через год, в апреле 1984 года, я делал свой первый философский доклад с вышеобозначенным названием [2]. Мои коллеги-студенты не особенно впечатлились, но А.Ф., после ухода охотоведческой братии, сказал доверительно, что он впечатлен, и что мне непременно надо продолжать заниматься этой важной темой. Как принято говорить в таком случае: слова его запали мне глубоко в душу и по сию пору там пребывают. Если говорить точнее – тема эта стала одним из моих многочисленных

увлечений. Временами я ненадолго забываю о ней, но снова и снова возвращаюсь.

Однажды (это было в 2002 году) я подготовил рукопись моих изысканий, объемом более 200 машинописных страниц и намеревался опубликовать книгу под название «Охота – социальный феномен: прошлое, настоящее, будущее. Философско-антропологический очерк». Но к моей великой удаче (времена тогда в личной жизни были сложными в житейском и финансовом плане), эта затея с публикацией не нашла поддержки. Удача была в том, что через пару-тройку месяцев я уже по-иному смотрел на многостраничный опус и воспринимал его реально-критически. Несмотря на значительный объем переработанного книжного материала и обильные ссылки (библиография около 600 источников), я понял, что сотворил вещь, которая весьма сырая, и больше похожа на объемный конспект, перенасыщенный многочисленными абстрактными рассуждениями, далеко уводящими от охоты в дебри всевозможных спекуляций о сущности человека и глобального человеческого общества. Тем не менее, в течение последующих трех лет продолжал (спорадически, от случая к случаю) править и дополнять, надеясь, что текст примет респектабельный (в содержательном смысле) вид и книга все таки произойдет (то есть появится как факт печатной продукции, украшенной амбициозным названием). В 2004 году даже умудрился дать интервью по поводу книги, уже готовой к изданию (в наивной надежде привлечь спонсоров) [1]. В 2007 году на горизонте «замаячил» спонсор, для которого мне удалось издать (в типографии) в количестве 3 экземпляров своеобразный проспект под новым названием и более непонятным широкой публике «Апология охоты: философско-антропологический очерк теории охоты». Это делалось поспешно, в течение одной недели. «Эксперты» спонсора изучали мой проспект в течение месяца, сделав себе копию, вернули мне оригинал с отрицательным заключением. Тогда я был изрядно огорчен, а нынче – несказанно рад. В спешке что-то бы получилось, но совсем не то, о чем

мечталось. Иногда процесс мечтания (предвкушения) захватывает так, что цель теряет смысл и ускользает из поля зрения.

Честно признаюсь, что еще не потерял смысла и надежды. Иногда думаю, что книга моя все же появится. Иногда – что маловероятно («поезд желаний уже давно ушел»).

В результате, в первой половине 2016 года, как-то нечаянно нахлынуло, и появилась маленькая книжица «Апология охоты» [3] карманного формата, которую заметили несколько читателей (большое им спасибо!).

Но «Охота – социальный феномен» по-прежнему ждет своего спонсора или своего часа везения. Даже если этого не произойдет – печаль не велика! Это увлечение грело моё воображение больше трех десятков лет и позволило лучше узнать людей и мир людской, похожий на мир наших далеких предков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бережных В. Охота на благо природы? : интервью с А. Винобером // Открытый мир. 2004. – 2(9). - С. 32
 2. Винобер А.В. Охота и её роль в развитии общества. Рукопись реферата. Иркутск. 1984.- 9 с
 3. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). – Иркутск: Оттиск, 2016. – 100 с.
 4. Винобер А.В. Игра как средство охотничьей социализации в верхнем палеолите / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 5-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 4-7 апреля 2017 г.)– Иркутск: Оттиск, 2017.- С. 81-94
 5. Винобер А.В. Феномен охоты в современной России: опыт социального психоанализа // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. - 2017. №2 (5) . – С. 17-22
 6. Винобер А.В. Эволюция человеческой агрессии / А.В. Винобер // Козволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2017. - 2. - С. 68-76
 7. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М.: Мысль, 1974. – 487 с.
 8. Тойнби А. Дж. Постижении истории: Пер. с англ. / Сост. Огурцов А.П.; вступ. ст. Уколовой В.И.; закл. ст. Рашковского Е.Б. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
-

ПАЛЕОПСИХОЛОГИЯ ОХОТЫ И РЕКОНСТРУКТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СЦЕНАРИИ И РЕТРОСПЕКЦИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СИТУАЦИЙ ДРЕВНЕЙ ОХОТЫ¹⁹

Сложность реконструкции эволюции охотничьей деятельности заключается в том, что за исключением отдельных артефактов и материальных следов охоты (охотничьи орудия и останки объектов охоты, в отдельных случаях – ловчие ямы, останки загонов и т.п.), мы не можем опираться на вещественные элементы доказательства, т.к., более 90% процесса охоты выражены биопсихосоциальной деятельностью, не оставляющей следов в материальной культуре, а имеющих отражение только в психике, психофизиологии и в какой-то степени отражающихся в генетической памяти или ментальной (возможное наследование архетипов коллективного бессознательного и идеомоторных стереотипов охотничьей деятельности). Поэтому, в процессе реконструкции очень важен компонент (подход) аналитико-синтетического многовариантного моделирования, позволяющий «достраивать здание» (восстанавливать этапы и содержание процесса эволюции охоты).

Реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности в палеолите – это новое междисциплинарное направление (подход) экспериментальных исследований в антропологии охоты, в основе которого применяются достижения целого ряда научных дисциплин, методов и подходов, интегрируемые ретроспективным психоанализом и системно мыследеятельностной технологией. В процессе моделирования деятельности древнего охотника используются данные: антропологии, археологии, эволюционной психологии, палеоэкологии, климатологии, охотоведения,

¹⁹ Опубликовано: Винобер А.В. Палеопсихология охоты и реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности: сценарии и ретроспекции палеолитических ситуаций древней охоты / А.В. Винобер // XII Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов. Ижевск, 3–6 июля 2017 г. – Москва; Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. - С. 262-263

Антропология охоты: сборник статей

социобиологии, приматологии, зоопсихологии, этологии стайных хищников, полевой экопсихологии.

Далее, мы представляем сценарии реконструктивно-аналитического моделирования на примере трех актуальных тем из палеопсихологии охоты:

1. охота и многообразие миграций в палеолите
 2. игра как средство охотничьей социализации
 3. охота: коллективное взаимодействие, коммуникация и координация. Истоки праязыка и сознания.
-

**ФЕНОМЕН ОХОТЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
ОПЫТ СОЦИАЛЬНОГО ПСИХОАНАЛИЗА²⁰**

В статье автор обращается к злободневной теме: что происходит с охотничьим хозяйством России - кризис ли это и в чем его причины. Также представлены фрагменты размышлений автора о феномене охоты в современной России с позиции социального психоанализа.

Ключевые слова: охота, феномен охоты, охотничье хозяйство, охотничьи гены, антиохотничьи тенденции, психоанализ.

**THE PHENOMENON OF HUNTING IN MODERN RUSSIA:
THE EXPERIENCE OF SOCIAL PSYCHOANALYSIS**

In the article the author addresses a topical subject: what happens with a hunting economy of Russia - the crisis is it and what are its causes. Also presents fragments of the author's thoughts about the phenomenon of hunting in contemporary Russia from the perspective of social psychoanalysis.

Key words: hunting, the phenomenon of hunting, hunting economy, hunting genes, anti-hunting trends, psychoanalysis.

Кто мы, современные разумные люди? Откуда мы вышли? Как построилась наша человеческая земная цивилизация? Где её истоки?

Антропологи и археологии утверждают, что последние от 2 до 5 млн. лет, до наступления неолитической эпохи, когда появились первые растениеводы и животноводы, наши предки из поколения в поколение занимались, в основном, охотой. И благодаря этому выжили в долговременных условиях оледенений и смены климата. Не только выжили, но расселились по всей планете, и умудрились (именно в процессе бесконечных охот) настолько развить свой интеллект, что создали культуру и цивилизацию. [2] Но многие ли знают о действительных истоках и процессе формирования человека разумного, и решающей роли охоты в этом процессе? К сожалению, увы... И совершенно напрасно! Вместо того чтобы познавать и изучать исторический опыт уникального феномена, сформировавшего нашу цивилизацию, и сохранять его

²⁰ Опубликовано: Винобер А.В. Феномен охоты в современной России: опыт социального психоанализа / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. - 2017. №2 (5). - С. 17-22.

реликты, сохранять этносы, в основе древней культуры которых лежит многотысячелетний опыт охоты многих поколений предков, мы подвергаем это достояние голословному отрицанию и отторжению.

Попробуйте внимательно посмотреть на свой генотип, на совокупность рефлексов и архетипов, на истоки своего цивилизованного гуманного поведения – и вы увидите, что 95% (или более) своих наследственных свойств и качеств человек современной глобальной цивилизации унаследовал от предков-охотников...[3]

То, что происходит с охотничьим хозяйством России с 1989 по 2017 гг. многие авторы [1] называют кризисом... Кризис ли это и в чем его причины? И, может быть, кризис уже закончился, а мы просто не заметили? Есть и другая, крайняя, точка зрения: может быть, это просто катастрофа?!

Сделаем новую попытку – порассуждать на злободневную тему (для небольшой части нашего общества – охотников и охотоведов – им это ближе и в разной степени задевает).

Вариант 1. Возможно, кризис давно прошел, а отдельные неудачники и проигравшие (потерпевшие) не могут успокоиться, глубоко впечатленные сравнением: что было и что есть (имеют) сейчас – они продолжают стенать на все лады, вместо того, чтобы смириться с новой реальностью... Особенно стараются немногочисленные ученые-охотоведы - для них кризис – тема глобальная и непроходящая...

Но попробуйте заглянуть в какой-нибудь региональный департамент охраны животного мира, и вы, вполне вероятно, убедитесь сами: там нет никакого кризиса. Работа кипит, мероприятия проводятся, планы и отчеты пишутся, развитие и прирост «налицо», только иногда не хватает людей и бензина.

Для того, кто адаптировался к реалиям новой экономической ситуации в России – кризиса нет. Есть только некоторые текущие проблемы и задачи: как совместить несовместимое в законе «Об охоте» с подзаконными актами и с

повседневной действительностью, мало считающейся с законотворчеством наших плодovitых депутатов и их юных помощников-юристов (иногда и совсем не юных, но просто далеких от знания реалий охотничьего хозяйства)? Как заставить одних охотничьих животных плодиться в два-три раза быстрее, а других, например волков, плодиться в два-три раза медленнее?! Как приспособиться к новым инициативам депутатов, лесников и лесопромышленников и иного транснационального лобби по ущемлению арендаторов охотничьих угодий и любителей цивилизованной и научно-обоснованной охоты?!

Вариант 2. Возможно, это и не кризис был, а чья-то глубоко продуманная акция, направленная на создание условий деградации охоты и охотничьего хозяйства, как пережитка, уцелевшего от былых эпох, и ставшего в настоящее время тормозом для научно-технического прогресса на необъятных и необжитых (т.е. промышленно неосвоенных) пространствах нашей страны?! При интенсивном развитии всемирной глобализации и урбанизации, какое решающее значение может иметь продукция охотничьего хозяйства?!

В истории всё имеет свойство повторяться. Вспомните историю освоения «дикого Запада» в Северной Америке в XIX столетии... Там тоже охотники (они же – местные аборигены) оказались существенной помехой для развития материально-технической базы северо-американского капитализма, и в итоге – угодили в резервацию.

Вариант 3. Возможно, мы просто не обладаем истинной информацией о латентной трансформации охоты и охотничьего хозяйства, и в силу своей непросвещенности, сочиняем досужие вымыслы?!

Сделаем небольшое отвлечение и остановимся на различии дефиниций и сущностей.

Вполне вероятно, что искажения и неразбериха различий от того, что мы не умеем различать понятия. Если говорить об охоте – это процесс, феномен, до сих пор (как не удивительно) мало исследованный наукой. Возможно, он может

развиваться сам по себе, без какого-либо организованного охотничьего хозяйства. Например, так происходило на протяжении всего палеолита. Вы можете возразить, сказав о том, что не было еще цивилизации, не было депутатов, не было бюрократов, да и государств еще не было! Ваша правда. Но не совсем. Есть силы и знатоки, которые считают, что и в наше постиндустриальное время охоту можно развивать помимо всякого разумно организованного охотничьего хозяйства (внимательно читайте закон «Об охоте» - где там ведущая или другая роль охотничьего хозяйства?)

Так что же такое охотничье хозяйство, и какое оно отношение имеет к охоте?

Охотничье хозяйство (так мы понимаем) есть отрасль хозяйственной деятельности, которая рационально и долгосрочно (экономически и экологически разумно) эксплуатирует и обеспечивает процесс цивилизованной охоты на территории всей нашей страны, обладающей уникальными (по размеру и разнообразию) охотничьими угодьями и богатейшими ресурсами охотничьих животных. Это древний социально-экономический институт...

Хотите узнать, где сейчас самые «охотничьи гены» в современном обществе? Они в силовых структурах, в политике (во власти), в бизнесе, в спорте, в науке и в инженерии, в религиозных конфессиях. Они охотятся за идеями, финансами, властью, благами и преимуществами, славой и положением, они охотятся на людей и за людьми, они охотятся за человеческими душами, судьбами и смыслами. Один политик, своим небрежным решением может подписать смертный приговор тысячам или даже миллионам человеческих жизней, а сколько душ разбила и уничтожила бизнесмены и банкиры?! Тут даже всемирная исповедь не позволит сосчитать ущерб, нанесенный планетарной человеческой популяции.

Разрушительные изобретения цивилизации (ядерное, химическое, биологическое, психотропное, информационное оружие) изобретено не охотниками, а вполне добропорядочными химиками, физиками, ботаниками,

психологами и математиками – и вся эта мощь современного вооружения нацелена на каждого отдельного человека, на всю человеческую цивилизацию. В целом – как уместно в такой ситуации «перевести стрелки» на охотников, нарушающих мир и благополучие цивилизованного мира!..

И рождаются многочисленные антиохотничьи мифы «про миллион стволов, нацеленных на последнего перепуганного зайца», а в это время, под шумок всенародного антиохотничьего гнева, вырубаются миллионы гектаров девственных тропических и бореальных лесов, строятся новые ГЭС, АЭС, мегаполисы и агломерации, создается все более новое, ультрасовременное оружие для уничтожения всех и всего: охотников, антиохотников и тех же «перепуганных зайцев», которым нет места в технотронном обществе будущего.

Самый большой в мире ареал самобытной российской охотничьей культуры глобализаторы и сопутствующие им, мечтают лишить будущего и деклассировать эту культуру через своих, «якобы зеленых», праведников-антиохотников.

Меня всегда удивляла тема, когда праздный обыватель, как правило из столичных и других крупных урбанополисов, диктует через различные СМИ свое мнение и свою волю на тему «как жить» таежному аборигену в его таежных условиях: при морозе -50оС, в окружении стай волков и медведей-шатуннов: ни в коем случае не стрелять! Есть морковку и приносить себя в жертву хищникам, морозу и возвышенно ценностным представлениям комнатных натурофилов из далеких цивилизованных метрополий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винобер А.В. [Охотничье хозяйство: будет ли эпоха Возрождения?](#) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. - 2016. – 1. – С. 5-16
2. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). – Иркутск: Отгиск, 2016. – 100 с.
3. Винобер А.В. [Игра как средство охотничьей социализации в верхнем палеолите](#) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: сборник матер. V междунар. научн.-практ. конференции 4-7 апреля 2017. – Иркутск: Отгиск, 2017. – С. 81-94

ИГРА КАК СРЕДСТВО ОХОТНИЧЬЕЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ²¹

В статье представлены тезисы палеопсихологии охоты и реконструктивно-аналитического моделирования охотничьей деятельности. Описаны сценарии и ретроспекции верхнепалеолитических ситуаций древней охоты и игр, как средства охотничьей социализации индивидуумов общины.

Ключевые слова: антропология охоты, палеопсихология, охота, социализация в первобытном обществе, охотничья социализация, архетип, игра, верхний палеолит, Мальта, Буреть, охотники на мамонтов, реконструктивно-аналитическое моделирование, реконструкция.

GAME AS A MEANS OF SOCIALIZATION HUNTING IN THE UPPER PALEOLITHIC

The article presents abstracts paleopsihologii hunting and reconstructive-analytical modeling of hunting activities. Describes the scenarios and flashbacks upper Paleolithic situations of the ancient hunting and games hunting as a means of socialization of individuals in the community.

Key words: anthropology hunting, paleopsychology, hunting, socialization in a primitive society, socialization hunting, archetype, game, upper Paleolithic, Malta, Buret, mammoth hunters, reconstructive-analytical modeling, reconstruction.

В конце XIX века немецкий ученый К. Гросс, первым предпринявший попытку системного изучения игры, обнаружил, что в игре происходит предупреждение инстинктов применительно к будущим условиям борьбы за существование. Это открытие и по настоящее время остается малоизученным и даже мало популярным в изучении игры, как средства социализации. Что касается темы охотничьей социализации в палеолите – это трактовка сущности и смысла игры в человеческой деятельности и человеческом развитии является краеугольным камнем для построения модели (или представления) реконструкции процесса охотничьей социализации и формирования охотничьего коллектива или общины охотников верхнего палеолита.

²¹ Опубликовано: Винобер А.В. Игра как средство охотничьей социализации в верхнем палеолите / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов 5-й международной научно-практической конференции (Иркутск, 4-7 апреля 2017 г.). – Иркутск: Оттиск, 2017.- С.81-94.

Американский исследователь и популяризатор социобиологии Д.Моррис в своей известной (вызвавшей много шума в среде научной и обывательской) книге «Голая обезьяна» (1967) утверждает, что «одна из существенных особенностей охоты, что это масштабная азартная игра». На первый взгляд мысль сомнительная и парадоксальная. Но мы знаем, что охота – это сложная трудовая деятельность человека на протяжении многих тысяч лет, в результате которой и сформировался сам *Homo sapiens* или современный «человек разумный» и вдруг оказывается, что это – всего лишь игра... Однако, еще ранее голландский историк и теоретик культуры Й.Хейзинга в 1938 году в книге «*Homo ludens*», утверждал об извечной первозданности человеческой культуры, никогда не порывающей со своими истоками. Прослеживая роль игры во всех сферах человеческой жизни и во всей истории в целом, он приходит к выводу, что вся культура – игровая, а сама игра – больше чем культура. [13, 23]

Русский философ и педагог С.И. Гессен считал, что «игра – это и есть деятельность, в которой сразу, в смутном единстве проявляются все инстинкты» [5]. Созвучно ему высказывание философа и методолога Г.П. Щедровицкого: «В игре можно имитировать любую область жизни». [25]

Э.Б. Тайлор (много раньше) замечал: «Когда мы рассматривает игры детей и взрослых с точки зрения этнологических выводов, которые могут быть извлечены из них, нас в этих играх прежде всего поражает то обстоятельство, что многие из них лишь шуточное подражание серьезному жизненному делу». [20]

Можно приводить значительное число разнообразных и созвучных определений «игры», высказанных многими известными антропологами, философами и психологами, но мы ограничимся еще одним высказыванием русского советского философа культуры М.С.Кагана, так как оно ближе подводит к заявленной нами теме: «В первобытности детская игра обнаруживает прямые генетические связи с играми детенышей у животных... Однако игры людей (прежде всего детские игры) – с самого начала

обнаруживают заключенный в них сверхбиологический слой – социокультурный: поскольку человеческие качества, которые игра должна была сформировать у детей, всё более и более отличаются от таких качеств животных, постольку игры детей стали обретать новые, не инстинктивные, а культурно-транслируемые качества ... постепенно наращивая свой интеллектуальный потенциал, резко повышая роль индивидуальных качеств ребенка в игровом действии – тремя началами – через игру, обряд и труд – человеческое тело выходило из природы в культуру». [19]

Игры есть у животных. У хищников – игры служат обучению охотничьим навыкам, индивидуальным и коллективным.

Игры необходимы для полноценного физического и психического развития особи. Лишенные игр детеныши вырастают агрессивными и трусливыми. [7]

«Игровое поведение приматов – источник обогащения индивидуально опыта их деятельности. Существует немало исследований игрового поведения приматов, в которых анализируется преимущественно игра-преследование, игра-борьба, игра-агрессия, связанные с овладением двигательными навыками и стадными отношениями, игры, имеющие исследовательскую направленность, игры – физические упражнения и другие формы игр. Особенностью всех этих игр является видимая их несвязанность с удовлетворением витальных потребностей. ... Игра приматов, по видимому, служит развитию не столько врожденных форм поведения, сколько получению опыта, который увеличивает разнообразие поведенческого репертуара данного животного, повышает его адаптивность к сообществу, к поиску и «обработке» пищевых и иных объектов. ... Игровое поведение проявляется преимущественно у детенышей и подростков, и выражается в двигательной активности, которая направлена на повторные преодоления затруднений при передвижении по пересеченной местности. Замечено, что такая двигательная активность происходит, когда

рядом есть другие детеныши и часто сопряжена с их взаимодействием в игровом плане». [13]

Во все времена и у всех народов игра служит одним из средств социализации, способствующим вхождению нового поколения в человеческое сообщество (первичный человеческий социум, каким являлась первобытная община).

«Любой индивидуум формируется коллективом, суммой представленных в нем традиций, знаний, представлений, которые Л. Леви-Брюль и назвал коллективными представлениями. В какой-то мере идея коллективных представлений перекликается с идеей информационного поля ... но отличие, видимо, в упомянутой обязательности коллективных представлений для развития личности, необходимости их усвоения, чтобы стать полноценным членом коллектива, тогда как информация, образующая информационное поле того или иного коллектива, может усваиваться любым индивидуумом с известной избирательностью, тем большей, чем больше объем информационного поля». [1]

Помимо коллективных представлений, знаний и традиций, которые являются осознаваемыми атрибутами психики индивидуума и коллектива (первобытной общины) не менее (если не более) важную роль в процессе социализации играют бессознательные атрибуты психики: инстинкты, архетипы и коллективное бессознательное. «Коллективное бессознательное – нечто вроде осадка опыта и одновременно – образ мира как некая его априорность; и возник этот образ давным-давно, во времена эона. В этом образе в течение времени были выдолблены определенные черты, так называемые архетипы и доминанты» [27]

В сущности, архетипы являются инстинктивным вектором, направленным трендом, точно таким же, как импульс у птиц вить гнезда, а у муравьев – строить муравейники. Здесь я должен пояснить разницу между архетипами и инстинктами. То, что мы называет инстинктами, является физиологическим

побуждением и постигается органами чувств. Но в то же самое время инстинкты проявляют себя в фантазиях и часто обнаруживают свое присутствие только посредством символических образов. Эти проявления я и назвал архетипами. Они не имеют определенного происхождения; они воспроизводят себя в любое время и в любой части света, - даже там, где прямая передача или «перекрестное оплодотворение» посредством миграции полностью исключены. ... Проявление архетипов у детей весьма знаменательно, поскольку можно быть вполне уверенным, что ребенок не имеет прямого доступа к культурной традиции. [26]

С архетипами и коллективным бессознательным, как и со временем их появления в зоне (где это? в антропогене или еще раньше? или все таки где-то в палеолите?!) – как и с многими другими представлениями и теоретическими конструктами возникает множество вопросов, потому как расхожие и заманчивые понятия имеют весьма размытые контуры, которые порой в силах уловить только художник сюрреалист...

Но если мы говорим о психоанализе, как науке, которая изучает доисторический период человека (по образному выражению Дж. Франкла – археология сознания) [22], то существует настоятельная необходимость в ревизии и анализе таких конструктов и понятий для целей их продуктивного применения в реконструктивно-аналитическом моделировании эволюции человеческой психики и деятельности на разных этапах антропогенеза. Помимо психоанализа, в самой современной антропологии имеют широкое распространение в качестве объяснительных конструктов и общепризнанных понятий значительное число «научных мифов», которые успешно вводят в заблуждение многих исследователей и содействуют созданию реконструктивных картин далекого доисторического и исторического прошлого, имеющих явно отвлеченный фантазийный характер. Для примера возьмем миф о доминанте родового сознания: «В архаическую эпоху отдельный индивид и не осознавал себя субъектом, и не является таковым» [9].

Приматологи на основе богатейшего опыта экспериментирования с высшими обезьянами утверждают совершенно противоположное: «Есть все основания полагать, что значение индивидуальных привязанностей и дружелюбных альянсов возрастало в ходе гоминидной эволюции» [2]. Процесс обучения шимпанзе языку глухонемых, отдельные особи прочно усвоили до 500 понятий, эпизодически используя до 1000 понятий, причем прекрасно используя жесты «Я», «мое», и др. Рожденная в конце XIX века в тиши уютного кабинета «теория матриархата» прочно проникла в научное и обыденное сознание как абсолютно достоверный факт, имевший место в человеческой предыстории и определяющий психику человека и многие социальные феномены современного общества. И основанием для появления теории якобы послужили многочисленные палеолитические фигурки женщин (т. наз. «палеолитические Венеры» найденные археологами). В настоящее время в интернет, в социальных сетях имеет место такое явление как «посты котиков» - мы же не строим в данном случае теории котоархата, а говорим, что это явление «котомании» (болезнь усталого сознания неизвестной природы).

Хотелось бы все таки прояснить картину: какие основания для позиционирования всеобъемлющего феномена матриархата имеет современная наука, если глядя на скульптуру античной Венеры Милосской мы не говорим – это матриархат, а неказистые палеолитические фигурки женщин, больше похожие на первые опыты эротического искусства, послужили поводом для создания всепроникающей теории антропосоциогенеза?!

А чего стоит догматический научный миф о том, что 40 тыс. лет назад человек стал *Homo Sapiens* и его биологическая эволюция прекратилась, оставив только социальную?

В замечательной книге Дж.Франкла «Археология ума» [22], основанной на твердой платформе ортодоксального фрейдизма и господства «теории матриархата» можно обнаружить наряду с продуктивными научными идеями об изучении истоков общества и психосоциального развития человека, что

значительное место уделено полету фантазии на тему: битва между матриархатом и патриархатом и т.п. Автор книги «Антропология мифа» А.Лобок просто фонтанирует обилием идей в сфере «археологии мифа», порождая удивительный синтез проникновения в реальность прошлого и новые глубокие погружения во внутренние виртуальные миры фантазийного психоанализа. Ниже мы приводим фрагмент такого понимания психологии ребенка, осваивающего семантическое пространство своего окружения с помощью сотворения собственного мифа. «Ребенок рождается в мир уже существующего языка и существующей культуры. Однако и то, и другое ему являются как абсолютная загадка, которую он должен суметь расшифровать на свой страх и риск. Попробуем смоделировать положение годовалого ребенка, сталкивающегося со всем реальным семантическим многообразием живого языка – многообразием, которое всегда оказывается концептуально спрятано. Это невероятно сложное и странное положение: ведь все многочисленные смысловые контексты ребенку приходится расшифровывать самому, на свой страх и риск. ... Ребенок рождается в культурный мир, никем предварительно не объясненный. А это значит, что странный и противоречивый мир культуры, представляющий собой фантасмагорическое перемещение различных семантических полей, смыслов и интерпретаций, обрушивается на сознание маленького ребенка труднорасчлняемой какофонией звуков и красок. ... Каждый ребенок – просто чтобы суметь хоть как-то сориентироваться в этом мире – оказывается вынужден сочинить некую условную систему координат, которая бы хоть как-то санкционировала право столь странного, столь размытого и неустойчивого мира на существование. И хотя ребенок выброшен в этот мир не по своему желанию, он оказывается просто обязан каким-то образом предупредить информационно-смысловой шок, неизбежный в этой ситуации. ... Таким образом, миф – это то, что возникает на уровне защитной потребности. Миф – это то, что создается внутренним зрением самого ребенка, а вовсе не навязывается ему извне. Миф – это тот инструмент, который ребенок

не может взять из внешнего ему мира, а вынужден изобретать сам, чтобы защититься от семантического шока, связанного с разнообразием культурной семантики. Именно миф – иллюзорное понимание и объяснение окружающего мира - позволяет сознанию маленького ребенка вступить с окружающим миром в спокойный диалог». [10]

Социализация – овладение набором программ деятельности и поведения, характерных для той или иной культурной традиции, а также процесс интериоризации индивидом выражающих их знаний, ценностей и норм. [12]

Социальность можно рассматривать в качестве универсальной адаптации животных к среде обитания. Каждая особь вида – яркая индивидуальность. Её отсутствие или присутствие в группе приводит к конкретным социальным перестройкам. [2]

Выдающийся российский историк и палеопсихолог Б.Ф. Поршнев считал, что у человека существуют врожденные способности обучения в онтогенезе, обусловленные имитативностью (инстинкт подражания у животных) и суггестивностью (определенной степенью врожденной внушаемости), что в значительной степени послужило основой формирования и развития речи и мышления. [17, 18]

Также Б.Ф. Поршнев придавал большое значение феномену «психического заражения» как одному из проявлений суггестии и обращал внимание на древность его происхождения и обусловленности психики его влиянием. Источниками внушения (также как психического заражения) могут быть отдельный индивид и группа.

Удивительный труд Б.Ф. Поршнева «О начале человеческой истории» до настоящего времени не востребован полноценно отечественной и зарубежной наукой. Для нашей темы «Игра как средство охотничьей социализации» помимо названных выше имитативности и суггестивности, крайне важны представления Б.Ф. Поршнева о центральном значении речи в психике

человека и о механизмах нейросигнального взаимодействия между особями и популяциями.

Итак, путем кратковременных и эскизно-штриховых блужданий по некоторым опорным точкам психоанализа, антропологии, палеопсихологии и «научной мифологии», мы вплотную приблизились к заявленной нами теме: попытка реконструкции роли и значения игры как средства охотничьей социализации в первобытных общинах верхнего палеолита. Что мы и проделаем на примере известных археологических объектов верхнего палеолита Южной Сибири, на примере всемирно известных памятников палеолитической культуры охотников на мамонтов Мальты и Бурети. Выбор объектов для реконструктивно-аналитического моделирования фрагментов социокультурной деятельности обитателей названных палеолитических стоянок вызван следующими причинами:

1) Примерно сходное время существования поселений, сходная по уровню развития (весьма вероятно) материальная культура и, соответственно, культура охотничьей деятельности, что позволяет произвести некоторые сравнения и взаимодополнения.

2) Широкое распространение верхнепалеолитической культуры охотников на мамонтов на территории Северной Азии и Северной Америки. [14, 16]

3) Продолжительное существование культуры охотников на мамонтов, предположительно от 30 тыс. лет назад до 9 тыс. лет назад. «В Новом Свете охотой на мамонтов занимались люди, культура которых относится к комплексу «кловис» (ляно) – 11,5 – 11 тыс. лет назад. ... Черты сходства некоторых аспектов культур Нового и Старого Света позволяют предположить существование некоторых отдаленных отношений между верхнепалеолитическими охотникам на мамонтов, обитавшими на территории Старого Света и кловисскими охотниками на мамонтов в территории США». [24]. Исчезновение данной охотничьей культуры мы связываем прежде всего с

резкими природно-климатическими изменениями, обусловившими быстрое вымирание и смену охотничьей фауны верхнего палеолита.

4) Наличие реликтовых вымирающих этносов Северной Азии и Северной Америки, которые могут являться «осколками» и фрагментами верхнепалеолитической культуры охотников на мамонтов, сохранившими в своей охотничьей культуре (в том числе: в деятельности и социализации) элементы древнего наследия, что позволяет включить (с определенной осторожностью, на уровне гипотез) эти архаичные элементы в реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности культуры верхнего палеолита.

Автор статьи в 1980 году работал учителем в школе-интернате дер. Наканно на севере Катангского района Иркутской области, где из 55 учеников больше 80% были дети эвенков и дети смешанных эвенкийских браков из деревень Наканно, Хамакар, фактории Инаригда. Имел редкую возможность наблюдать особенности охотничьей социализации со значительным элементом эвенкийской охотничьей культуры. В пятом-шестом классе отдельные ученики до начала занятий (зимой, в 8 часов утра) уже успевали сбегать в тайгу (рядом с деревней), проверить петли или поставить новые. В 7 и 8 классах преподавался факультатив «Охотоведение», который был любимым предметом у школьников, а самое замечательное время – это двухнедельная практика по осеннему отлову ондатры, когда ученики 7,8 классов жили в палатках за рекой Нижней Тунгуской в сопровождении учителя и завхоза школы. Вели полностью самостоятельный полевой образ жизни, успешно отлавливали ондатру, обдирали и правили шкурки, ловили рыбу, охотились на боровую дичь. Можно сказать, что к возрасту 12-14 лет обладали в значительной степени базовыми навыками охотничьей социализации.

В настоящее время в отдельных этносах Сибири и Северной Америки еще можно встретить элементы охотничьих культур разной степени архаичности. Но в XX и XXI веке, в результате наступления цивилизации, такие этносы

быстро трансформируются, теряя традиционную культуру (опыт тысячелетних традиций и навыков, передаваемых из поколения в поколение сотни и тысячи лет), часто деградируют и полностью ассимилируются в пришлой культуре. Безусловно, большое значение имеет опыт изучения реликтов древних охотничьих культур, который несет в себе неповторимые грани адаптации человека к условиям суровой северной природы. [6, 19]

«Необходимо отметить высокую степень организации охоты, так как только при коллективной охоте можно обойтись без применения специализированных орудий. Подобных орудий на стоянке Мальта не найдено. Убитые крупные толстокожие, как-то: мамонт и носорог, расчленялись на месте охоты и в лагерь приносилась лишь наиболее ценная часть. ... Кости 407 экземпляров убитых северных оленей, не менее 50 песцов, 11 носорогов и 9 мамонтов – свидетельствует о высоком уровне охоты и о её большом экономическом значении в жизни древних насельников края, оставивших Мальтинскую стоянку». [4]

Исходя из описания М.М. Герасимова по Мальтинской стоянке можно выдвинуть следующую рабочую версию: обитавшая на стоянке первобытная община палеолитических охотников на мамонтов имела численность 50-60 человек из 10-15 взрослых мужчин – охотников и проживала община на стоянке около 20 лет. Из чего мы исходим? 1. Количество добытых животных. 2. Оптимальный состав охотничьего коллектива для успешной добычи найденных археологами останков животных. 3. Площадь мальтинского поселения. 4. Продолжительность жизни охотников того времени (предположительная) и возраст начала участия в охотах.

Верхнепалеолитическая стоянка Буреть [15] находится примерно в 50 км от стоянки Мальта на 18 км ниже устья реки Белой. Буреть датируется одним временем с Мальтинской стоянкой. Отличается склоновым размещением – Мальтинская стоянка имеет более горизонтальное положение. Склоновым размещением может объясняться смыв части мелких каменных орудий,

поделок и костных останков. Выскажем рабочую гипотезу, что в Бурети проживала верхнепалеолитическая община охотников на мамонтов, близкая по времени (вероятно – одновременная) и родственная по культуре и примерно сходная по численному составу общине мальтинской – 50-60 человек. Вероятно, существование стоянки Буреть (пребывание на ней охотничьей общины) несколько короче по времени – 12-15 лет. Далее, как основной вариант для реконструктивных представлений мы будем рассматривать стоянку Мальта.

Мы предполагаем, что полноценными охотниками (в те далекие времена) становились в возрасте 14-16 лет в результате продуманной системы обучения и прохождения заключительного испытания, подтверждавшего практические навыки и психологическую готовность к участию в коллективной охоте на крупного зверя. После успешного испытания молодой охотник проходил обряд инициации или посвящения, который подтверждал его признание в качестве полноценного охотника общины.

Община проживала на стоянке (в базовом лагере) около девяти месяцев. При наступлении первых холодов происходила коллективная охота на крупного зверя (мамонта или носорога) для того, чтобы обеспечить запас мяса на первую половину зимы. После производства охоты и доставления добычи на базовую стоянку (в начале – только самых лакомых частей туши), на стоянке происходила полная разделка туши, рубление и замораживание больших кусков мяса для долгого хранения (вероятно для этих целей использовались специально вырытые ямы-ледники, находившиеся на территории стоянки или недалеко от неё). Далее в течение девяти осенне-зимне-весенних месяцев добывалось около 20 северных оленей, туши которых доставлялись в лагерь вместе с рогами (рога были ценным сырьем для изготовления различного инвентаря и поделок, а также обмена с соседними и другими удаленными племенами).

Вероятнее всего, северные олени были доступны в течение круглого года, то есть, принадлежали к местной популяции. Хотя, возможен вариант, что олени и крупный зверь добывались во время миграции с севера на юг в течение короткого периода, скажем около двух-трех недель (мы пока не встречали работ, где убедительно реконструированы миграции мамонтов и северных оленей во времена верхнего палеолита). Вероятно, носороги были, скорее всего, из местных популяций, о чем говорит наличие черепов носорогов, обнаруженных на стоянке - видимо их добывали не очень далеко от стоянки, что позволяло доставлять всю тушу целиком.

В летние месяцы община откочевывала в летние лагеря-стоянки. Их могло быть два или три. Один – охотничий, один – собирателей и один – заготовителей каменного сырья. Примерно пятая часть населения общины оставалась в базовом лагере для его охраны, для изготовления инвентаря из камня и кости, для выделки шкур и шитья одежды (все эти операции осуществлялись круглый год).

Судя по обнаруженным запасам рогов северного оленя (200 пар рогов) – это мог быть либо склад сырья для обмена или изготовления, но скорее всего – это могло быть оформление ритуального места общины, где совершались обряды, охотничьи ритуалы. По наличию изделий из кости, а также пластины с орнаментом из экзотических змей, можно выдвинуть версию, что мальтинскую общину охотников на мамонтов возглавлял знатный шаман, слава о котором уходила далеко за пределы соседних общин (но это уже тема для дальнейших реконструкций). [4, 8]

В общине с такой численностью детей и подростков в возрасте от 0 до 14 лет могло быть от 15 до 25. В возрасте до 1,5 лет они находились при матери.

От 1,5 до 3 лет с ними занимались более старшие дети и подростки, вовлекая их во всевозможные игры и обучая различным упражнениям (бег, прыжки, метания мелких камней, манипуляции с различными предметами – переноска камней, шкур, собирание сухих веток для очага).

В возрасте от 3 до 5 лет дети активно вовлекались в бытовую и хозяйственную деятельность, как матерью, так и другими взрослыми общины, которые выполняли определенные хозяйственные функции: заготовка дров, собирание съедобных корешков, семян растений (обычно недалеко от стоянки или летнего лагеря). В этом возрасте усложнялись игры, и появлялся заметный элемент обучения полезным навыкам для собирательства, охоты и различных бытовых операций. Ребенок уже мог самостоятельно весь день поддерживать огонь в очаге, помогать матери и ухаживать за более маленькими детьми; активно осваивать и изучать окрестности стоянки, учился пользоваться хозяйственным инвентарем, узнавал и запоминал много новых слов, обозначающих животных, растения, объекты ландшафта. Резко возрастал его словарный запас, коммуникативные возможности, ему больше внимания уделяли взрослые, с целью обучения различным приемам, полезным в будущей взрослой деятельности.

В возрасте от 5 до 8 лет ребенок становился более полноценным и активным участником хозяйственно-бытовой жизнедеятельности общины. Игры становились все более прикладными и обучающими к предстоящей взрослой деятельности: метание копья, бег, упражнения на координацию, состязание на меткость.

В возрасте от 8 до 14 лет ребенок полностью вовлекался в хозяйственно-бытовую деятельность наравне со взрослыми (с учетом их физических и интеллектуальных возможностей, а также навыков инструментальной деятельности). Происходило обучение приемам оббивания камней с целью приготовления простейшего инвентаря, участие в выделке шкур, в заготовке плодов, семян, кореньев, дров, в приготовлении пищи, в освоении охотничьих приемов и навыков. Игры становились более прикладными и более состязательными, более пристально оцениваемыми взрослыми членами общины.

Можно сказать, что в воспитании подрастающего поколения принимала участие вся община, и каждый ребенок находился в поле зрения каждого члена общины. Много игр носило имитативный, подражательный характер. Проигрывались сцены взрослых ритуалов, сцены из рассказов взрослых.

В зимнее время, после захода солнца, почти вся община в полном составе (за исключением дозорных или дежурных часовых, охранявших стоянку-поселение), собиралась в одном большом помещении с большим очагом, и начиналось время рассказов о прошлом общины, о людях, об окружающем мире, об охотах и охотничьих животных, об удивительных случаях и явлениях. Рассказ вел глава общины или шаман. В нем могли принимать участие старейшины общины и лучшие охотники. Рассказ сопровождался часто мимикой, жестами, и был ярким и выразительным. Все дети присутствовали при этом и в последующие дни, в общении между собой, могли разыгрывать сцены из вечерних рассказов общины, распределяя роли охотников, мамонтов, оленей, медведей, росомех, носорогов...

В целом на всех этапах детского и подросткового возраста в играх детей присутствовал большой элемент подражания ритуалу, охотничьим сценам и мотивам, который формировал навыки и рефлексии, пригодные для будущей охотничьей и хозяйственно-бытовой деятельности. Вероятно, существовало различие в играх мальчиков и девочек, которые с 5 или 8 лет приобретали все более отличный специализированный характер.

В играх спонтанных, затеваемых и предлагаемых кем-то из самих детей, присутствовал значительный элемент экспериментирования и индивидуальной фантазии.

В играх произвольных, инициируемых взрослыми или старшими детьми, содержался большой элемент «программности», т.е. заданных правил ролевого поведения, наличия целей и ориентиров.

Имели место игры на исследование окружающего ландшафта и умения использовать особенность ландшафта, отдельных объектов (умении находить «скрытые места», прятаться, имитируя роль охотничьих животных).

Значительное место занимали различные языковые игры – фантазии, которые начинались в возрасте 3-5 лет и продолжались до возраста взрослости (условно – до 14 лет). В этих играх ценились качества придумывать новые слова и новые образные картины. Во многом способствовали этим играм вечерние рассказы взрослых: предания, легенды, сказки, мифы, случаи и явления реальности.

Безусловно, игровые проявления присутствовали и зависели от повседневной реальности общины и от природных, погодных условий, от обеспеченности общины пищей, теплом (очаг, дрова, одежда, утепление жилья шкурами), от настроения взрослых.

Можно утверждать, что игра в верхнем палеолите имела значительную роль в процессе социализации членов общины и формировала их индивидуальный опыт, а также во многом предопределяла процесс приобретения навыков и ресурсов активной жизнедеятельности каждого индивидуума общины и его роль в жизни общины.

Мы считаем, что используя данные эволюционной психологии, психоанализа, приматологии, этнографии и антропологии можно успешно осуществлять процесс реконструктивно-аналитического моделирования деятельности обитателей верхнего палеолита и других этапов антропогенеза. [1, 3, 17, 18] Такая форма мысленного экспериментирования позволит не только реконструировать и интерпретировать поведение человека былых эпох доисторического и исторического времени, но и более адекватно понимать поведение наших современников (индивидуальное, коллективное и массовое, т. е. стихийное поведение толпы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Становление человечества. – М.: Политиздат, 1984. – 462 с.

2. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука, 1993. – 256 с.
3. Винобер А.В. Апология охоты (краткий очерк философско-антропологической теории охоты). – Иркутск: Оттиск, 2016. – 100 с.
4. Герасимов М.М. Памятники родового общества Прибайкалья. – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2007. – 156 с.
5. Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию/Отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. — М.: «Школа-Пресс», 1995.-448 с.
6. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (по материалам нганасан XIX – начал XX века). Л., 1983
7. Дольник В.Р. Вышли мы все из природы: беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей, М.: LINKA PRESS, 1996. – 327 с.
8. Ларичев В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. – ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993 . – 287 с.
9. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении.- М.: Педагогика – Пресс, 1994 – 608 с.
10. Лобок А.М. Антропология мифа. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – 688 с.
11. Моррис. Д. Голая обезьяна / Пер. с англ. В. Кузнецова. – СПб.: Амфора, 2001. – 269с.
12. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
13. Новоселова С.Л. Развитие интеллектуальной основы деятельности приматов. – М.: Московский психолого-социальный институт, Воронеж: НПО МОДЭК, 2001. – 288 с.
14. Окладников А.П. Васильевский Р.С. По Аляске и Алеутским островам. – М.: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. – 167 с.
15. [Окладников А.П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья \(к исследованиям в Бурети 1936-1939 гг.\)](http://arheologija.ru/okladnikov-novyie-dannye-o-paleoliticheskom-proshlom-pribaykalya-k-issledovaniyam-v-bureti-1936-1939-gg/) [Электронный ресурс] // Археология : сайт. – Режим доступа: <http://arheologija.ru/okladnikov-novyie-dannye-o-paleoliticheskom-proshlom-pribaykalya-k-issledovaniyam-v-bureti-1936-1939-gg/> (дата обращения 20.04.2017)
16. Панасюк Н.В. Модели заселения Америки (хозяйство и материальная культура населения рубежа плейстоцена и голоцена) // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2012. №1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/modeli-zaseleniya-ameriki-hozyaystvo-i-materialnaya-kultura-naseleniya-rubezha-pleystotsena-i-golotsena> (дата обращения: 20.04.2017).
17. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука. – 1966. – 212 с.
18. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). М; Мысль, 1974. – 487 с.

19. Сирина А.А. Катангские эвенки в XX веке: расселение, организация среды жизнедеятельности. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва-Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2002. – 286 с.
 20. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. Пер. с англ. - М.: Политиздат, 1989. - 573 с.
 21. Философия культуры. Становление и развитие. Под ред. М. С.Кагана, Ю. В. Перова, В. В. Прозерского, Э. П. Юровской – СПб.: Издательство «Лань», 1998. – 448 с.
 22. Франкл Дж. Археология ума : пер. с англ. – М.: АСТ: Астрель, 2007. – 254 с.
 23. Хейзинга Й. Homo Ludens; Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д.В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича - М.: Прогресс - Традиция, 1997. - 416 с.
 24. Хэйнес В. Охотники на мамонтов в США и СССР / В. Хэйнес // Берингия в кайнозое. – Владивосток, 1976. – С. 427-437
 25. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1996. — 641 с.
 26. Юнг К.Ш. Архетип и символ / Сост. и вступ. ст. А.М. Руткевича. – М.: Ренессанс, 1991. – 304 с.
 27. Юнг К.Г. Бог и бессознательное. – М.: Олимп, ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1998.- 480 с.
-

О ПОНИМАНИИ ФЕНОМЕНА ОХОТЫ²²

В статье представлены произвольные постулаты и фрагменты отдельных размышлений о понимании феномена охоты.

Ключевые слова: охота, феномен, общество, цивилизация.

ABOUT THE UNDERSTANDING THE PHENOMENON OF HUNTING

The article presents an arbitrary postulates and fragments of individual reflections on the understanding of the phenomenon of hunting

Key words: hunting, phenomenon, society, civilization.

Охотники редко задаются вопросом: «Что такое охота?». Им и так все ясно. У каждого охотника есть свой образ и свое представление охоты. Могут сказать: это страсть... процесс... труд... любовь... увлечение... зов предков... спорт... экстрим... самоутверждение...

Не-охотники и анти-охотники еще реже задаются этим вопросом. Им тоже все ясно. Но опять же по-своему, и совсем не так как первым. Они могут сказать: это варварство, это антигуманно, это пережиток пещерных времен, это истребление бедных животных, это... есть слова и термины похуже – мы не будем их упоминать здесь.

Автору, в отличие от первых, и вторых, не так все ясно с пониманием уникального феномена человеческой древней цивилизации, и поэтому он задался немного порассуждать на тему понимания феномена охоты на современном этапе бурно глобализирующегося человеческого сообщества.

Ниже мы приводим небольшую совокупность произвольных постулатов и фрагментов отдельных размышлений о понимании и не-понимании «что есть охота, как культурно-исторический феномен, который, на наш взгляд, сформировал Homo Sapiens и саму человеческую цивилизацию.

²² Опубликовано: Винобер А.В. О понимании феномена охоты / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов II международной научно-практической конференции (Иркутск, 28-31 октября – 2014 г.). – Иркутск: Оттиск, 2014. – С. 23-29.

Наше определение охоты (в первом приближении):

1. Охота - универсальное эволюционное приспособление живого.

2. Охота - это одна из форм всеобщей ассимиляции, присутствующей в живом и неживом мире, обусловленная фундаментальными законами мироздания (энтропийность, взаимодействие материи-энергии-информации).

Так же нам нравится определение Г.А. Югая: *«охота как форма адаптации к окружающей среде... как активная сторона движения, адаптация есть наиболее универсальный способ самообоснования жизни, наиболее полное, всестороннее (всеобщее) выражение биологического causa sui»* [5].

Созвучно автору размышление Карлоса Кастанеды: *«в глубине души, охотник, более чем кто-либо, живет прошлым и настоящим, сохраняет в себе инстинкты и древние привычки, наслаждается их игрой, их архетипической энергетикой. Будущее для него - это часто просто ожидание охоты и нового погружения в прошлое, через настоящее».*

Проникновение охотника в мир природы, его восприятия и ощущения иные, чем ощущения натуралиста, свободного созерцателя.

Охотник включен в природную ситуацию. Его взаимодействие с природным миром - это более полное слияние, единство, более глубокое проникновение (взаимопроникновение) и зависимость.

Нечто похожее на ощущения спортсмена-экстремала (альпинизм, подводное плавание и др.), но со своей спецификой.

Такая «включенность» в природный мир в процессе охоты у охотника наблюдается не всегда. Кроме индивидуальных характеристик (параметров и свойств) личности, на «включенность» влияет множество других факторов. Особое значение имеет «захваченность процессом охоты», степень изоляции от элементов, связывающих охотника с цивилизацией и другие факторы. Поэтому имеет смысл рассмотреть понятие «подлинной охоты», основанной на многовековых традициях и алгоритмах охотничьей деятельности, где

происходит действительное погружение в состояние слияния с природой, т.е. возвращение к синкретичному мироощущению и деятельности - и понятие «индустриальной охоты» («охота» из под фар, с вертолета, забой северных оленей на водных переправах). В случае «индустриальной охоты» тоже есть стресс, экстрим, азарт — но фактически (объективно) охотник уже выпадает из природной цепи, из взаимосвязей в экосистеме, как обыкновенный вид на вершине пищевой экосистемной пирамиды. Он уже выступает как внешняя надприродная сила, стремящаяся установить приоритет (диктат) социальных (индустриальных) законов над законами природы.

Главное не-понимание в современном сознании общества по отношению феномену охоты заключается в следующем:

1) мы не понимаем насколько это сложный синкретический процесс, деятельность, которая включает в себя мобилизацию инстинктов, психофизиологических и интеллектуальных качеств, приобретенных человеком (человечеством) за долгую предысторию (от 2 до 5 млн.лет) охотничьего этапа эволюции непосредственных предков Homo Sapiens;

2) мы не понимаем, что уникальный феномен охоты по настоящему не исследован и хранит много тайн, раскрытие которых обогатит фундаментальную науку и может иметь самые серьезные практические последствия в судьбе человеческой цивилизации;

3) мы не понимаем тех ценных компонентов феномена охоты, лежащих на поверхности, которые в настоящее время и в ближайшем будущем мы можем (и должны) использовать в практике мирового хозяйства, при осуществлении процессов экологизации различных сторон жизнедеятельности мирового человеческого сообщества (создание биосферного планетарного хозяйства; управления дикой природой на принципах минимального вмешательства; поддержание видового разнообразия биогеоценозов и их динамического равновесия; выстраивание стратегии оптимальной деятельности для

достижения результата в условиях естественной природной среды, в экстремальных условиях; и мн. др.).

Георгий Гачев, например, считал, что: *«для полноты понимания охоты, для более глубокого проникновения в генезис охоты (охотничьей деятельности и психологии охотника) имеют большое значение исследования архаичных охотничьих культур, уцелевших отдельными пятнами на мировой карте - это, в первую очередь, аборигенные вымирающие и медленно стагнирующие этносы Сибири и Дальнего Востока (в России), а также охотничьи культуры аборигенных этносов Австралии, Южной, Северной и Мезо-Америки, Африки, Юго-Восточной Азии и Океании. Расшифровка и интерпретация каждой неповторимой этнической охотничьей картины мира, позволяет ввести в научный оборот «первичные интуиции, которые существуют в сознании всех членов данной национальной (этнической — А.В.) культуры».* [2]

Любопытное размышление мы обнаружили у П. Бергера и Т. Лукмана: *«В процессе разделения труда, развиваются те области знания, которые имеют отношения к конкретным видам деятельности... К примеру, словарь обозначений различных способов охоты использующегося для этого оружия, животных, на которых охотятся и т.д. Совокупность рецептов, которые нужно знать, чтобы правильно охотиться. Это необходимая составляющая институционализации этой области поведения. По мере того, как институт охоты принимает определенные очертания и продолжает существовать во времени, эта область знания выступает в качестве объективного описания этого института... Целая часть этого мира объективируется посредством этого знания. Может возникнуть объективная «наука» охоты, как экономической деятельности.*

Система знания передается следующему поколению. Оно воспринимает ее как объективную истину в ходе социализации, интернализируя ее таким образом в качестве субъективной реальности.

В свою очередь эта реальность может оказывать влияние на формирование индивида. Она создает особый тип человека, а именно охотника, идентичность и биография которого в качестве охотника имеют смысл лишь в том мире, который сформирован указанной выше системой знания...

Ни одна часть институционализации охоты не может существовать без определенного знания, которое было создано обществом и объективировано по отношению к этой деятельности. Быть охотником и охотиться - значит вести такое существование в социальном мире, которое определяется и контролируется этой системой знания.» [1]

Мы предполагаем, что изначально, осознанно или подсознательно, исследователь охотничьей деятельности задает определенные ценностные рамки, ранжирует те или иные элементы охоты, придавая им разный вес и значимость. На наш взгляд, этот аспект субъективного отношения заслуживает самого серьезного внимания, так как во многом определяет результаты и выводы исследования. Если мы будем последовательны и объективны, то неизбежно придем к выводу о ключевой роли аксиологии охотоведения и аксиологии самого феномена охоты, обуславливающих ценностные позиции исследователей и получаемый ими результат.

В настоящее время аксиология охотоведения и аксиология охоты практически не разработаны, за исключением редкого обращения отдельных авторов: Ю.И. Касаткин, С.П. Матвейчук и др. [3, 4].

Феномен охоты, культура охотничьей цивилизации и ее современных реликтов в первую очередь должны быть подвергнуты всестороннему анализу. Это может принести самые неожиданные и необходимые ответы, имеющие жизненно важное значение для развития человеческой цивилизации.

Богатейший культурно-исторический и научно-исследовательский потенциал феномена охоты, изучение многотысячелетнего наследия охоты, как культурного феномена с позиций междисциплинарных, системных, реконструктивно-моделирующих подходов обещает серьезные открытия,

обладающие особенной ценностью для современного этапа развития человеческой цивилизации.

Научный поиск и экспериментальные исследования феномена охоты особенно плодотворными могут быть в социально-историческом, философском направлении охотоведческой науки; Возможно даже формирование самостоятельных исследовательских дисциплин, как антропология охоты; социология охоты; психология и палеопсихология охоты; этика; аксиология; философия и футурология охоты как социального феномена.

В настоящее время общественные (гуманитарные, социальные) науки в процессе построения своих гипотез и теорий, в процессе проведения исследований, сбора фактического материала, его интерпретации в подавляющем большинстве случаев игнорируют социогенетическое прошлое человека-охотника, создавая стерильные кабинетные теории...

Понимание глубинной природы охоты позволяет более точно прогнозировать и моделировать дальнейшую эволюцию современного человека и планетарной человеческой цивилизации, более адекватно оценивать ее перспективы в космическом масштабе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. — М.: «Медиум», 1995. — 323 с.
 2. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. - 480 с.
 3. Касаткин Ю.И., О монистическом взгляде на охоту. Избранные работы, Киров, 1983 - рукопись
 4. Матвейчук С.П. Российское охотоведение и проблемы организации охотничьей деятельности : автореф. дис. ... канд. с.-х. наук : 06.02.03 / С.П. Матвейчук ; Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства. - Киров, 2002. - 24 с.
 5. Югай Г.А. Общая теория жизни. — М., 1985. — 256 с.
-

ПАЛЕОПСИХОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОХОТНИЧЬЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ²³

В статье представлены тезисы эволюции охотничьей деятельности и реконструктивного моделирования палеопсихологического развития человека.

Ключевые слова: охота, палеопсихология, реконструктивно-аналитическое моделирование, орудия охоты, миграции, эволюция, происхождение языка.

PALEOPSYCHOLOGY AND RECONSTRUCTIVE-ANALYTICAL MODELING HUNTING ACTIVITY

The article presents an abstract evolution hunting activities and reconstructive modeling paleopsychology human development.

Key words: hunting, paleopsychology, reconstructive-analytical modeling, hunting tools, migration, evolution, the origin of language.

1. Сложность реконструкции эволюции охотничьей деятельности заключается в том, что за исключением отдельных артефактов и материальных следов охоты (охотничьи орудия и останки объектов охоты, в отдельных случаях – ловчие ямы, останки загонов и т.п.), мы не можем опираться на вещественные элементы доказательства, т.к. более 90% процесса охоты выражены биопсихосоциальной деятельностью, не оставляющей следов в материальной культуре, а имеющих отражение только в психике, психофизиологии и в какой-то степени отражающихся в генетической памяти или ментальной (возможное наследование архетипов коллективного бессознательного и идеомоторных стереотипов охотничьей деятельности – что нуждается в серьезном исследовании). Поэтому, в процессе реконструкции очень важен компонент (подход) аналитико-синтетического многовариантного моделирования, позволяющий «достраивать здание» (восстанавливать этапы и содержание процесса эволюции охоты).

²³ Опубликовано: Винобер А.В. Палеопсихология и реконструктивно-аналитическое моделирование охотничьей деятельности / А.В. Винобер // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства: Сб. материалов I международной научно-практической конференции (Иркутск, 4-7 апреля – 2014 г.). - Иркутск: Изд-во ИРГСХА, 2014. - С. 72-76.

2. Если мы будем осуществлять реконструкцию на основе одних артефактов, то обратно придем к старому выводу, что основной деятельностью человека, обусловившей его эволюцию, было оббивание камней на протяжении сотен тысяч лет.

3. Одна из главных проблем реконструктивного моделирования палеопсихологического развития человека – это моделирование процесса зарождения рефлексии в охотничьей деятельности.

4. Вероятно, уже неандерталец обладал речью и рефлексией, если неандертальцы совершали обрядовые похоронные действия над сородичами, значит они выделяли человека другого... если обладали рефлексией, значит существовало сознание себя, так называемая, примитивная Я-концепция. Неандерталец осознавал себя и выделял в общении и в окружающем мире, тогда истоки рефлексивного самосознания могут насчитывать возраст 200-300 тыс. лет.

5. Психические свойства, присущие человеку на отдельных этапах эволюции, могут быть заархивированы и разворачиваются в экстремальных условиях, либо под специфическим воздействием.

6. Необходим более объективный сравнительный анализ психологии человека и психологии высших животных. Мы искусственно возвели непроходимые границы между интеллектом и психикой человека и животных. Человеческие свойства принято, априори, завышать, а свойства психики и интеллекта животных занижать.

7. Основной причиной широкого расселения человека является охотничья деятельность и миграция охотничьих животных. Далее – поиск новых богатых охотничьих угодий и мест, благоприятных для обитания самого человеческого стада (теплый климат, защитные условия: наличие пещер укрытий и др.). Но в первую очередь – объекты охоты.

Древние охотники, еще архантропы, были великими кочевниками. Миграции древних людей носили разнообразный характер. Они имели сезонную

цикличность и узкий ареал. Они имели циклическую обусловленность. Вероятно, когда в процессе миграции племя находило местность, благоприятную по условиям обитания и богатую дичью, оно оседало в новой экологической нише, до возникновения нового неравновесия.

Когда человек овладел огнем (0,5-1 млн. лет назад) его миграционно-кочевничий потенциал еще более возрос, как (одновременно) и возможности долгосрочного стационарного проживания в одном месте.

8. Мощная эволюция процесса охотничьей деятельности предчеловека и одновременно территориальная экспансия, миграции, освоение разных экологических ниш и условий обитания - здесь есть место и для мощных первобытных орд, вождей (лидеров) этих стихийных формирований, промискуитета и формирования древних архетипов коллективного бессознательного (проявляющихся и доминирующих в сходных ситуациях по настоящее время).

9. «Приматология, в комплексе с данными палеоантропологии, археологии, палеоэкологии добавляя сведения по этнографической истории первобытного общества, дает возможность судить не только о морфологии, но и об особенностях поведения и социальной структуры группы у гоминид на ранних этапах эволюции» [1].

10. Агрессия. Территориальные конфликты и стычки между стадами предлюдей происходили уже в эпоху *H.habilis*, и вполне вероятно, что намного раньше: 5-7 млн. лет назад.

Здесь нужно искать истоки и исходную точку эволюции и реконструкции современных человеческих войн.

Этологи регулярно прослеживают подобные территориальные конфликты, стычки и «настоящие войны» между соседними стадами шимпанзе, наших ближайших зоологических родственников, эволюционное расхождение с которыми произошло не менее 5 млн. лет назад.

11. «Этологические материалы могут оказаться полезными при решении широкого спектра вопросов истории первобытного общества, связанного с его зарождением и самыми ранними этапами развития, в частности таких, как взаимоотношения между полами, родственные связи, структура праобщины, возникновение истинного альтруизма повышение роли отдельной особи в группе, пути возникновения экзогамии и инцест-табу, принципы взаимоотношения между соседними группами» [2].

12. С помощью методов реконструктивного моделирования возможно проследить влияние различных способов и разновидностей охоты (охоты на разные объекты) на развитие определенных особенностей орудийной, коммуникативно-речевой деятельности, на психику и интеллект H.S.

13. В миграциях, при заселении новых территорий, значительно возростала роль коммуникаций, их интенсивность, насыщенность, эмоциональность, необходимость выразить новое.

Изменялась дистанция коммуникации, менялись природные условия и ниши, в которых происходила интенсивная коммуникация – все это отразилось на развитии коммуникативных систем и свойств человека, способствовало формированию звуковой языковой речи.

Коммуникации, сопровождающие и обеспечивающие коллективную охотничью деятельность были тесно связаны с динамикой охотничьей ситуации, со стрессовыми условиями протекания процесса охоты.

14. Существование праязыков говорит о том, что у них был свой мощный, устойчивый и долгосрочный субстрат. Отнюдь не в неолите, а гораздо раньше. Когда знакомишься с некоторыми теориями глоттогенеза, создается впечатление, что предки H.S. сотни тысяч лет охотились на диких животных в гордом молчании, не имея речевых коммуникаций, и в последние несколько тысяч лет, когда взялись за мотыгу и начали разводить домашних животных – их вдруг «прорвало»! И все разом заговорили и сразу на огромном числе языков.

Праязыки (основы современных языковых семей) не могли зарождаться и развиваться в микросоциуме (в стаде из нескольких десятков человек). Праязыки могли формироваться во время продолжительных (многолетних, многопоколенных) миграций первобытных стад в составе тысяч (!) особей, т.е. объединение десятков, если не сотен отдельных первичных стад.

15. Охота и охотничьи навыки эволюционировали не только в тесной взаимосвязи с материальными предметами (артефактами), но и самостоятельно. Это было. Но это сложно реконструировать в силу отсутствия материальных артефактов.

И потом – археологи – не охотники. Находя материальные предметы, они мало задаются мыслью – как можно использовать этот камень на охоте.

16. Вероятно, основной эволюционный скачок в развитии человека произошел в ледниковые периоды (в эпохи оледенения). Экстремальные факторы среды кардинально изменили условия существования и жизнедеятельности древнего человека. Резко сократились возможности собирательства, охота стала повседневной необходимостью. Огонь – тоже. Добыть калорийную пищу и не замерзнуть. Отсюда – активное использование шкур животных.

17. Охота, безусловно, оказывала влияние на развитие социально-психологических взаимодействия в коллективе – ловкий и удачливый охотник обретал особый статус в иерархии коллектива. Занимал доминирующую позицию.

18. Верхний палеолит характеризуется подвижной динамикой климата: наступление и отступление ледников, интенсивные миграции животных. Проживание в суровых климатических условиях заставляло активно двигаться, добывать зверя, изобретая все новые приемы и снасти (необходимость обостряла разум).

Человек также активно совершал миграции за животными. И в верхнем палеолите частота и продолжительность миграций возросли необычайно.

Казалось, все человеческое население земли пришло в движение. Количество контактов, культурный обмен, обмен охотничьими навыками – достижениями, резко возросли. Одновременно возросли стресс и агрессивность в человеческих племенах.

Продолжались войны, короткие и свирепые. Между неандертальцами и кроманьонцами, а также – между последними. Новые контакты создавали возможность для интенсивного обмена генофондом. Резко усилилась экзогамия. Причем, скрещивания происходили не с соседними племенами, а с весьма отдаленными. Новые метисированные поколения имели большую адаптивность, стрессоустойчивость, живучесть.

В связи с миграциями животных и параллельными миграциями человеческих племен возрастало число новых объектов охоты, которые требовали новых знаний и новых навыков. Ареал распространения охотничьих новшеств по технике добывания охотничьих животных резко увеличился. Вероятно, в верхнем палеолите, искусство охоты, совокупность навыков и умений для успешной добычи любого зверя достигло своего высшего уровня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Биологические предпосылки антропосоциогенеза : В 2 т. / Отв. ред. В. П. Алексеев, М. Л. Бутовская; М., Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1989.–125 с.
 2. Бутовская М.Л., Файнберг Л.А. У истоков человеческого общества / М.Л. Бутовская, Л.А. Файнберг. М.: Наука, 1993. – 225 с.
 3. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)/ Науч. ред. О.Т.Вите. – СПб.: Алетейя, 2007. – 720 с.
-